

Ноги из стекла

Автор: Dver\_v\_zimu

Бета: in between days

Фэндом: Prison Break

Пейринг: Скофилд/Махони

Рейтинг: NC-17

Disclaimer: все принадлежит FOX, мне - только паранойя.

Summary: довольно длинная и довольно мрачная road-story.

Предупреждение: AU по отношению к 4-му сезону.

Сцены насилия, non-con, character death.

Пусть твои ноги станут стеклянными, и пусть стекло разобьется.

(Ирландское проклятие)

1.

Фелиша Лэнг многое видела. То, что со временем остается только разум, холодный, отвлеченный рассудок, им втолковали еще на первом курсе в Квантико. Чего не сказали, так это, что, может случиться, боль, страдание, скопившись невидимым грузом, прорвут плотину, крепкую, надежную защиту чистого разума – и человек, захлебнувшийся мутной жижой чужой беды, пойдет ко дну. Им этого не говорили, ну, может быть, говорили, но вскользь, как о прецедентах патологического выгорания, словно речь шла о бракованном материале, об отклонениях от среднего, о постыдной и порочной слабости тех, кто случайно попал в систему.

Но однажды она видела, как ко дну пошел человек, чьи блестящие способности, выдающийся интеллект и обостренное чувство справедливости ни у кого не вызывали сомнений – и то, как он тонул, вызывало в ней ужас, физическую тошноту. И страх, разумеется. Боялась она не за того, кто уже был обречен.

За себя боялась.

Как всегда, когда нервничала, проверила еще раз свой «Сойр», кобуру, спрятанную под простым жакетом из тонкой шерсти. Когда кончики пальцев касаются оружия, то перестаешь думать о пустом, перестаешь анализировать то, что уже сто раз пережевано – остается только инстинкт. Фелиша перевела взгляд на партнера – Сэмми О'Нил, ирландец, здоровый, немногословный, сквозь редящие русые волосы видна розовая кожа головы. С ним ей всегда было спокойно... чаще всего. Говорили, что ирландец вскоре сподобится сделать предложение – и она ждала этого с тем спокойствием, с каким ждут прибытия поезда на станцию – когда знаешь, что случится потом и впереди, и когда позади тебя нет ничего, кроме доброжелательного и тихого ожидания, ровного дыхания, мерного движения толпы по перрону. Они текут рекой, все эти люди – обходят тебя, не задевая, а ты поворачиваешься туда, откуда вот-вот появится поезд, и ты... Просто ждешь. Да, пожалуй, так.

И опять её пальцы скользнули с теплой кожи кобуры на шероховатый бетон стены, и она опять ощутила короткий, ошеломляющий удар пустоты – будто в темноте проваливается ступенька лестницы, по которой столько раз поднимался. О’Нил – полная противоположность Алексу. Полная и абсолютная. Такой же высокий, с редкими волосами, те же широкие плечи и сильные руки. Но если Алекс был бурным морем, то Сэмми был ясной, спокойной бухтой. Широкой, полноводной рекой. Ни одного проваленного теста у психиатра. Чистая душа. Чистое сердце. Теплые руки. Тёплые. У Алекса были какие-то проблемы с давлением – неудивительно, учитывая, сколько он проторчал на слоновьих дозах «Варатрила». Кожа у него то горела огнём, то становилась буквально ледяной, такой холодной, что холод обжигал.

Сэмми шевельнулся. Короткое гладкое движение – палец, скользнувший к уголку губ. Показал глазами во двор. Наконец-то. Шум двигателя. Машина вынырнула из переулка и остановилась. Мотор надсадно кашлянул. Водитель (она вглядывалась сквозь мутное стекло, но различала лишь сероватый в утреннем тумане силуэт) выходить не спешил. Несколько секунд Фелиша слышала лишь собственное дыхание и смотрела, как поднимаются облачка пара от губ, как Сэмми улыбается ей одними глазами. Всё будет хорошо – сказала она себе.

В этот момент дверь машины хлопнула. Сэмми поднялся, выпрямился во весь рост. Пистолет в вытянутой руке. Ни сомнений, ни боли. Она прижалась к стене. Твоё дело – прикрывать. Странно, но с Алексом никогда не требовалось... Он просто забывал о такой ерунде, как вовремя прикрытая спина. Сколько получал за это пиздюлей от Саллинса – вопрос второй. Много получал, если говорить откровенно.

- ФБР. Поднимите руки. Покажите ваши руки, сэр. Сэр?

Она услышала шорох, словно упали пустые картонные коробки. Шорох, шум, хриплое недовольное ругательство. Выглянула.

Алекс поднял руки. Господи, это он.

Опять провал той проклятой ступеньки – сердце Фелиши остановилось, на секунду-другую повисло без движения в абсолютной немоте, в теплой, баюкающей тьме. А затем всё разорвалось, разлетелось на миллионы отдельных движений и картин. Она видела, как Сэмми идёт к Алексу, видела потеки пота на серой от грязи футболке. Шорох картона и гравия под подошвами ботинок отдавался в ушах надсадным, тягучим громом. Алекс развернулся и нырнул обратно в машину – на заднее сиденье, Фелиша не успела толком удивиться. Сэмми что-то заорал, и пуля ударила в асфальт, раздался звук рикошета – тошнотворный, чиркающий и властный. Алекс опять выпрямился, и тут настал черед кричать Фелише.

Она видела спину в темно-синей футболке, выцветшую, застиранную ткань – и даже не сразу поняла, что держит в прицеле маленькое пятно между худых лопаток. Когда поняла, то вскрикнула. И Алекс побежал.

Мальчик буквально висел на нём, словно обезьянка, обхватив Алекса руками и ногами, оплетая его, словно лиана, облекая, словно живой бронежилет.

Алекс развернулся – и бросился прочь, все еще держа ребенка на руках, обхватив за талию, а другой рукой придерживая старенький рюкзак, который все хлопал и хлопал его по ребрам. И Сэмми, не опуская оружия, бежал следом.

- Пожалуйста, нет. Сэмми, нет. Нет. Нет.

Она остановилась, на мгновение, только чтобы поймать ртом немного воздуха.

- Не стрелять, - Фелиша обернулась к пустым глазницам окон, - НЕ СТРЕЛЯТЬ!..

Но у кого-то из прикрытия сдали нервы. Вторая пуля чиркнула по капоту, раздробив хрупкую, недолгую тишину переулка. Алекс в несколько неловких прыжков достиг арки, из которой только что въехал в ловушку. Мелькнули два пятна – синее на сером, и он скрылся из вида. В следующую секунду и Сэмми исчез под аркой.

Фелиша услышала, как он выкрикивает предупреждения.

«У вас есть дети, агент Лэнг?»

Что с того, если бы и были? – тогда она едва сдержалась, чтобы не нахамить.

Фелиша выбежала на тротуар – улица была недлинная, сомнительный квартал. Запутанный, грязный, вполне подходящий, чтобы скрыться и скрыть. Алекс бежал, прижимая к себе сына. Рюкзак нелепо болтался на согнутом локте, другой рукой он прижимал голову мальчика к своему плечу.

В этот момент в её кармане завибрировал телефон.

- Что, черт возьми, происходит? – она не дала собеседнику заговорить, - нас не предупредили, никто и понятия не имел, что Махони забрал сына. Как это случилось, что мы узнаем последними? Когда агент О'Нил едва не пристрелил ребенка? Чем вы там думаете?..

- Агент Лэнг, - голос Саллинса был невозмутим, - доброе утро, агент.

Она перевела дух, развернулась, сделала жест парням из прикрытия: «свободны».

- Мы провалили операцию, сэр, - Фелиша закрыла глаза, досчитала до восьми, прислонилась к капоту брошенного «олдсмобиля». Боже, ну и антиквариат. Как он на нём доехал – просто загадка.

- Простите?

- Махони сбежал. Не думаю, что были объективные возможности его задержать. С ним его сын. Никто не стрелял.

Повисла пауза. Фелиша смотрела, как они стекаются во двор – девять отборных бойцов, словно тут опасного преступника собирались брать, а не измученного джанки в бегах.

- У меня другая информация, агент Лэнг. Кто-нибудь мог пострадать.

- Так какого хера нам никто не удосужился сообщить, что... - она взвилась, но тут же умолкла на полуслове, ошеломленная открытием.

- Кто-то здесь наблюдал? Сэр? Кто-то наблюдал за нами? Мистер Саллинс, я могу узнать, в чем...

- У вас паранойя, агент Лэнг. Это заразно, наверное. Наблюдали по моему указанию. Никакой Компанией тут не пахнет, уверяю вас.

- Но почему? При всем уважении, сэр, почему?

- Вы его бывшая пассия, вот почему.

Саллинс был откровенен настолько, насколько вообще мог быть – она чувствовала в его голосе неприкрытую злость.

- Вы могли устранить...

- Он бы повел себя по-другому, поверьте.

- То есть, вы знали, что Махони забрал ребенка... Кэмерона, правильно?

- Правильно, - сухо сказал Саллинс, - информация поступила в последнюю минуту. У наблюдающих за приютом сдали нервы. Они ввалили нам двенадцать часов. Когда врать стало невозможно, сообщили, что Кэм Махони пропал. С виновными разберутся. Почему бы вам не вернуться к своим обязанностям? Где агент О'Нил?

Сэмми широким шагом вошел в переулок. Он дышал ровно. В глазах плескалась досада. Досада охотника, упустившего дичь.

«У вас есть дети, агент Лэнг?»

- Только что вернулся.

- Держите меня в курсе событий.

- Вы тоже, - успела она съязвить прежде, чем босс повесил трубку.

2.

Собрание закончилось с появлением двух десятков стаканов с капучино и коробки пончиков – еще одна бессонная ночь в погоне за разбегающимися призраками – и Саллинс поспешил закончить с разбором полётов. Персонально к агенту Лэнг претензий не было, агент О'Нил даже получил что-то вроде устного поощрения, группа быстрого реагирования подчинялась другому ведомству, там пусть и решат, что делать с теми, кто стреляет в ребенка... Ничего сверхъестественного, рутина. Фелиша глотнула дешевого кофе и поднялась с кресла. Ноги слегка гудели.

- Сэр? Сэр, могу я поговорить с вами?

Саллинс обернулся.

- Да, да. Конечно.

- В вашем кабинете?

Ей не хотелось больше прилюдных скандалов. Уж больно привычным они стали делом, еще со времен, когда Алекс был здесь... с ними.

У порога кабинета директора она бросила короткий взгляд на Сэмми. Тот только вздохнул, едва заметно дернул плечом: делай, как решила. О своём решении она сказала ему в машине, по пути в офис ФБР, теперь оставалось лишь довести дело до конца.

- Сэр, я хочу попросить об отстранении от дела Махони.

Саллинс повернулся к ней, пальцы всё еще на дверной ручке:

- Простите?

- Вы меня прекрасно слышали, сэр. Я прошу об отстранении от дела.

Он поднял руки в притворном недоумении:

- Именно сейчас? Именно так?

- Да.

Несколько секунд он держал её взгляд, затем прошествовал к своему креслу – невозмутимый и каменноликий, четкий римский профиль, никаких эмоций.

- Признаться, я вас понимаю, Фелиша.

Ещё один приём, к которому она привыкла за годы службы.

- Да.

- Это решение, основанное на эмоциях.

- Не только, сэр.

- На чём еще?

- О, ради Бога. Вы сами говорили, что личные счёты вредят. Вам ли не знать, какие счёты у меня с Алексом. Ради всего святого, сэр, если вы не можете мне сказать...

- Отчего же. Могу.

Он сделал этот патрицианский жест – одновременно властный и миролюбивый:

- Присядете?

Фелиша опустила в кресло напротив.

- Дело не в том, что от нас скрыли важную информацию. И даже не в том, что Алекс теперь с ребенком в бегах, хотя...

- Вы всегда были лучшей.

Да. Именно так. Была. И остаюсь.

Фелиша уставилась в полированную поверхность широкого стола.

- Я не могу, сэр. Мы с Алексом, мы были... друзьями.

Он сочувственно молчал.

- Сегодня на моих глазах едва не убили его, и едва не убили его сына. Это было... Это... Это слишком, сэр.

- Я понимаю.

- Почему именно я? Есть какие-то причины помимо того, что я и Алекс были близки?

- Есть, агент Лэнг.

- Я могу узнать? Это связано с тем, что произошло в Панама-сити? Вы меня подозре...

- Никто никого ни в чем не подозревает. Времена, когда внутри отдела приходилось держать шпионов, прошли. Вместе с Алексом, - Саллинс поднял со стола тонкую папку.

- Судя по тому, как быстро вы узнали о стрельбе, эти времена возвращаются.

- Мне нужны были веские основания, чтобы продолжить эту охоту.

- Мы с агентом О'Нилом плохо работали?

- Напротив. Не думаю, что кто-то другой справился бы лучше. И вот почему мне странно слышать вашу просьбу об отстранении.

- Мне не составит никакого труда получить веские обоснования. Психологическая привязанность, невозможность быть объективной... Я могу написать, что это я дала Алексу уйти.

- А у меня есть те, кто располагает иными сведениями.

- Значит, вот так мы теперь работаем? Двойной шпионаж и кросс-проверки? Сэр, я нисколько не жалею о просьбе. Более того, я думаю, что стоит решиться и, наконец...

- Не порите горячку, агент Лэнг, - он резко поднялся, навис над ней во весь рост, - пока что я здесь начальник, и я никому не позволю разрушить свою команду. Мы работаем над поставленной задачей, работаем, и успешно. Алекса возьмут в ближайшие часы, вопрос времени. Вы получите повышение. Агент О'Нил получит повышение. Дело Махони будет закрыто.

Он толкнул к ней папку, она помедлила, но подняла её и раскрыла.

- Алекс был змеей. Вы были его другом, возможно, да. Знаете, Фелиша, я думаю, что вы действительно пытались быть ему другом. Но змеи не имеют друзей. Вы смотрели на него, и видели ум, смелость... что-то ещё.

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Но промолчала.

- Я смотрел на него, и видел змею. Он не был вашим другом. Поэтому, - Саллинс смотрел ей прямо в глаза, - я хочу, чтобы всё закончилось. Я хочу, чтобы вы оставались здесь, в этой команде. И хочу, чтобы Алекс Махони получил своё.

В тот вечер Фелиша показала Сэму несколько листов с расшифровками телефонных переговоров:

- Саллинс считает, в этом причина наших неудач. Алекса пытаются убить, а не поймать.

Сэмми лишь хмыкнул.

Фелиша пролистала папку, нашла отмеченное карандашом место.

- Это запись разговора его жены. За несколько часов до того, как Пэм застрелили. Она звонила в Вашингтон... Просила о помощи. Утверждала, что боится, что Алекс вернется.

- И?... Перед арестом в Панаме он вел себя как психопат, что ж тут удивительного.

- Она просила о помощи на тот случай, если Алекс её найдет. Тут банковский трансфер, время – десять минут после окончания разговора. Не на её депозит, это депозит Кэмерона, который Алекс в свое время и открыл.

- Ну?

- Это произошло в день побега из Соны.

- Хм?

- Она утверждает, что... вот. «Алекс вернется сюда, как вы не понимаете? Ему больше некуда идти». Из Вашингтона её пытаются уверить, что «эта проблема будет решена в ближайшие часы». Так здесь написано. Пэм требует защиты, и ей обещают. Она говорит «я хочу быть уверена». И ей назначают встречу. Ровно в это же время Скофилд подставляет Личеро и Бэгвела. Через час он будет на свободе. За это время деньги поступают на депозит. Через три часа Пэм отправляется на встречу. Она останавливает машину на перекрестке, к машине подходит человек и стреляет в упор. В голову.

- Я помню, - Сэмми забрал у неё папку, - ты думаешь, что сможешь всё распутать? Саллинс сам не знает, что с этим делать. Ему не нравится, что кто-то наверху дергает за ниточки? Это его работа, в конце концов. Зачем он тебя в это втравил?

- Втравил? Черт возьми, Сэмми, Пэм знала, что Алекс бежит из Соны, знала об этом даже раньше, чем, возможно, сам Алекс. Скофилд подставил половину группы, взял с собой балласт – это его стиль работы. Никогда нельзя предсказать, кто с ним, а кто нет. Откуда такая уверенность в том, что бывший муж через сутки будет в штатах?

- Кто-то считал нужным её уведомить.

- Кто-то наверху. Кто знал даже о том, что Алекса не подставят. Кто-то, кто буквально видел всё, что происходило в минуты побега. И за несколько дней до него - тоже.

- Но... Рассуждая логически?... Они ничем не рисковали. Алекс мог погибнуть, тогда им...

- Не пришлось бы убивать Пэм, - закончила она за Сэмми.

Сэмми дернул плечом, поднявшись с дивана, сделал несколько широких шагов по комнате. По её тесноватой гостиной, которую все никак не было времени обставить со вкусом. Странно, но этот большой ирландец гармонировал со старомодным шифоньером и допотопным комодом её бабушки – словно всегда здесь был, на страже безвкусного, трогательного, с запахом старых специй, уюта.

- Сложноватая многоходовка, - Сэмми наконец остановился, прислонившись плечом к косяку, разошедшееся дерево жалобно скрипнуло.
- Она что-то могла рассказать Алексу. Думаю, в этом причина казни.
- Странное дело, что только после побега...
- Значит, это «что-то» она узнала, когда муж уже сидел в Соне. Судя по тону разговора, она вообще плохо представляла себе, с кем имеет дело. Вероятно, считала, что эти люди станут выкупать её молчание, безопасность, будущее Кэмерона. Беспрекословно. На любых условиях.
- После того, как мальчика едва не угробили в той аварии? – Сэмми изумленно поднял брови.

Фелиша вздохнула.

- Послушай. Между событиями есть провалы, в которых что-то происходит, мы не знаем, что. Они меняют всю следующую цепочку. Ты правильно выразился, они «дергают за ниточки»... Я хочу знать, как именно. Зачем столько жертв? И...

Она тоже поднялась, прошла мимо него в кухню, включила электрический чайник и уставилась в окно.

- Что «и»?

Фелиша вздрогнула, обернувшись. Посмотрела на Сэмми словно впервые увидела, с трудом скрывая изумление – это и есть тот знаменитый «инсайт» Алекса?

- Боже мой, Сэмми. Ты сказал «Алекс мог погибнуть»? Ты ведь это сказал?

Он смотрел на неё непонимающе, с тревогой.

- Боже мой, - повторила она медленно, почти нараспев, - они не собираются никого искать. Они собираются его убить.

3.

Между Ричардом Саллинсом и изображениями на экране было два ярда темноты, тишины, и тридцать лет забвения.

Задача была простая, ясная и, в общем-то, вполне оправданная обстоятельствами: найти все связи Алекса Махони, проверить каждого на потенциальную возможность контакта, создать при каждом из таких группу наблюдения и обеспечить каждую из групп отрядом захвата. Куда уж проще?

Только вот список родственников Алекса ограничивался тремя именами, причем два высечено на могильном камне... А список друзей оставался девственно чистым.

Как бы то ни было, задачу надо было решать. Хотя бы для того, чтобы внести в отчеты и этот пункт. Кресло под Саллинсом не просто дымилось – горело, пылало уже. И ему никак не улыбалось поджаривать собственную задницу на жертвенном огне из застарелых драм и неуместной жалости.

Итак, единственное имя, имя, при звуках которого даже Саллинс вздрагивал от отвращения. Он не хотел открывать эту папку вновь, не хотел даже прикасаться к фотографиям. Но пришлось возвращаться – перед ним сидели агенты, для каждого из которых «Александр Махони» было лишь синонимом слова «беглец», а «Деннис Махони» было синонимом слов «контакт беглеца».

Он положил в проектор следующий снимок.  
Кашлянул.

- Фотография 1977 года, Алекс с отцом.

Последнее из изображений Денниса Махони, что пока имелись у них на руках. Как так получилось, что отец Алекса надолго выпал из поля зрения спецслужб, было еще одной загадкой – в конце концов, отыскать его за четырнадцать лет, что Алекс прослужил в ФБР, можно было... да не «можно», а нужно было. Только вот что-то никто этого не сделал. У Саллинса опять заныло в желудке – от предчувствия очередной серии бесплодных вопросов, запутанных объяснений и, в конечном итоге, очередного «не в вашей компетенции» от тех, кто дергает за ниточки. Ниточки, к которым все они привязаны: все, от высших чинов в госбезопасности, до последнего опущенца в панамской тюрьме. Ниточки, которые так легко натянуть. Еще легче ослабить.

И совсем просто перерезать.

С блеклой цветной фотографии на них хмуро взирал нескладный, тощий подросток, а красномордый бугай – типичная белая шваль в засаленной клетчатой рубашке, - ухмылялся, приобняв мальчишку за острые плечи. Фоном - грязно-белая стена трейлера за их спинами, кусок замызанного окна с цветастой шторой. У Алекса были растрепанные длинные волосы, челка чуть не до кончика носа. Высокие скулы, плотно сжатые тонкие губы и ярко-голубые, круглые, очень несчастные глаза.

Саллинс вздохнул.

- Больше изображений мистера Махони-старшего у нас нет. Как это случилось, вопрос слишком сложный, и задавать его сейчас смысла нет. В 1979 году Алекс ненадолго переезжает к матери...

Он поменял фотографии. Тот же меланхоличный подросток, ярко покрашенная дамочка рядом с ним на продавленном клетчатом диване. Правая рука у Алекса в гипсе.

- Через две недели миссис Махони вернула сына к отцу и уехала в Канаду. Больше Алекс её не видел. Умерла от рака поджелудочной железы в восемьдесят девятом.

Через полароидных снимков – до короткого некролога из местной газетенки.

Саллинс махнул рукой агенту, сидящему ближе к дверям – «включайте свет».

- Теперь некоторые подробности семейной жизни Махони, - он взял со стола хрупкую, пожелтевшую от времени медсправку, - в 1970 году сын Денниса и Марджори первый раз попал в больницу с серьезной внутренней травмой. Ему поставили диагноз «разрыв селезенки», понадобилась операция. Мальчик провел в реанимации почти сутки. При расследовании мать показала, что Алекс упал с крыши трейлера, синяки и перелом ключицы вроде бы подтверждали факт падения. Расследование на этом завершили. Следующие три года – прямо-таки лавина несчастных случаев – выбитые зубы, переломы, даже разрыв барабанной перепонки. Всякий раз находились объяснения вроде падения с лестниц, с крыш, с изгороди. Затем воспаление легких из-за купания в пруду... В ноябре семьдесят шестого Алекса привезли в больницу практически обледеневшим. В семьдесят седьмом Марджори уходит от мужа и уезжает в Айову к своим родственникам. Семьдесят девятый – перелом запястья, сотрясение мозга. Восемидесятый – сломанное ребро, сломанный нос, неправильное сращение перегородки. Восемьдесят первый – доставлен в больницу с отравлением, провел ночь в машине с включенным двигателем. То ли попытка самоубийства, то ли просто крепко уснул...

Кто-то из стоящих у стены агентов поднял руку.

- Сэр? Можно вопрос, сэр?

Саллинс угрюмо уставился на свои руки. Вопросов он ждал несколько раньше, и ожидание настроения не повышало – а теперь и вовсе захотелось рявкнуть что-нибудь вроде «не имеет отношения к расследованию».

- Да, Линн.

- Как случилось, что в Бюро попал человек с таким... хм... травматичным опытом?

В наступившей тишине Саллинс медленно повернул к свету большой палец, разглядывая отполированный до блеска ноготь. Варианты ответов были один другого лучше – Линн оказался слишком юн, чтобы задать вопрос правильно.

- В Бюро работают разные люди с разным прошлым, - неторопливо и с достоинством проговорил Саллинс, - все они отобраны по принципу служения справедливости, а не благодаря блестящей биографии.

И так далее, и тому подобное. Старое доброе «Бла-бла-бла».

Он слушал, словно со стороны, и сам себе удивлялся. Откуда что взялось, этот пафос, эта риторика, эти гладкие слова-кирпичики?

- ... спецоперацией в Ливане. Наконец, блестящие успехи мистера Махони за четырнадцать лет службы в отделе по поимке беглых преступников дают нам основание полагать, что...

Вскоре он уже держал в руках желтую папку с пометкой «ЦРУ//Протокол расследования» - ни даты, ни названия дела. Вот так у них всё и делается. Внутри было несколько тонких листов. Отпечатанные на пишущей машинке показания Алекса – если это и в самом деле был Алекс – о методах проведения допросов. Несколько скрупулезных, исполненных безобразных деталей, и все-таки абсолютно точных инструкций по организации и проведению пыток подозреваемых.

Разумеется, содержимое папки никому, кроме него, в этой комнате известным не стало. Он помахал листочками допросов перед носом у агентов, в точности пересказав то, что сам Алекс некогда говорил комиссии Бюро по профессиональной этике.

Нужно было создать у агентов впечатление, что они знают, кого ищут – иначе опять начнутся вопросы. Уж Саллинс-то знал, что вопросы всегда возникают. Рано или поздно. В случае с Алексом - лучше пусть будет поздно.

Наконец, они добрались до последнего файла. Здесь листы бумаги были относительно свежими, отпечатанные на принтере буквы яркими, наглыми – не стертые воспоминания двадцатилетней, тридцатилетней давности. Сегодня, кричащее сегодня, сейчас, теперь.

Медицинские заключения: нарколог, психиатр, клинический психолог, невролог. Результаты нескольких анализов крови. Обвинительный приговор, повторное заседание выездной комиссии ФБР. Последний листок в этом горьком списке – окончательный вердикт комиссии, последний гвоздь в крышке алексова гроба.

Саллинс в последний раз обвел взглядом лица агентов.

- Мне нужен Деннис Махони, и я жду ваших разработок по этому контакту. На сегодня всё.

Он взмахнул рукой: собрание окончено.

Агенты поднимались с мест, скрипели стулья, звенели сразу несколько телефонов.

В суতোлке Ричард не сразу её заметил – Фелиша стояла у стены, спина прямая, взгляд непроницаемый, темная кожа с красивым матовым блеском, ну прямо статуэтка черного дерева...

- Что? – Саллинс протянул ей папку с документами, - я что-то упустил?

Фелиша поджала губы, но папку взяла.

В конце концов, это она вела дело Махони.

- Нет, сэр. Я думаю, информации достаточно, сэр.

Он поморщился, аккуратно взял мисс Лэнг под руку, увлекая за дверь.

- Значит, дело не во мне, Фелиша?

- Нет, сэр. Простите, сэр.

О, эта безупречная холодная вежливость. Иногда он задавался вопросом, совершенно неуместным и черт знает откуда взявшимся – уж не фригидна ли его любимица мисс Лэнг? Иначе откуда это умение облить человека холодом с головы до пят, не произнеся ни единого непочтительного слова?

- Я думаю, на отца Алекса выйдут в ближайшие часы.

Голос её просто звенел от напряжения.

- Сомневаетесь, что сработает?

- Сомневаюсь? Нет. Уверена, что это пустая трата времени. Но их ведь нужно чем-то занять, не так ли? Сэр?

Она не дала ему и слова вставить. Что ж, Саллинс и к таким поворотам в разговорах с Фелишей привык.

Он лишь хмыкнул.

- Я считаю, что записи разговора Пэм Махони с Вашингтоном – непрямая улика. Его пытаются устранить, правда?

Они шагали по коридору, и Саллинс молча глядел перед собой.

- Пытались, - наконец проговорил он, - и до Соны.

- Я говорю о физическом устранении, сэр. Об организации убийства. Вчера в него с сыном стреляли. Это был приказ, не случайность. Сэр? Я должна написать рапорт?

Они остановились у двери его кабинета, и Саллинс вдруг нашел крайне интересными собственные ботинки. Несколько секунд Фелиша вглядывалась в его лицо, затем кивнула какой-то своей догадке.

- Значит, без рапорта и на сей раз, сэр? Что ж, очень хорошо. Но я не позволю этому случиться.

4.

Несмотря на данное самой себе обещание, она все же стояла здесь – на пыльных задворках, около снятого с колес трейлера. Подпоркой трейлеру служили даже не кирпичи – просто груды булыжников. Окна выбиты, дверь кто-то снял и аккуратно положил в сторонке. Коричневая от грязи москитная сетка все еще колыхалась в дверном проеме, придавая и без того мрачному пейзажу вполне законченную апокалиптическую.

Рядом с трейлером торчал врытый в землю и покосившийся почтовый ящик с адресом.

Она подняла к глазам фотографию, затем опустила её. Стена позади Алекса и мистера Махони словно перекатилась с изображения в реальность, несколько не изменившись: даже трещины на краске те же.

Фелиша отодвинула сетку, на рукав просыпалась мягкая, как пепел, бурая пыль – и шагнула внутрь. Пол слегка просел. Доски под линолеумом сгнили, но вес выдержали. Ступая как можно аккуратнее, она прошла в крохотную кухню, отделенную от комнаты картонной ширмой. Посреди ширмы зияла дыра. На разошедшемся, с отклеившимся пластиком, столе всё еще стояла посуда – покрытый плесенью и пылью стеклянный стакан и пластмассовая салфетница. Фелиша выдвинула ящик около раковины, и от рывка в нем зазвенели вилки, ножи, покатылся гнутый штопор.

С крана сорвалась и ударила в раковину капля воды.

Фелиша протянула руку и нажала кнопку допотопного выключателя на стене. Вроде бы, ничего не изменилось: но, когда она подняла голову, то увидела разбитую лампу, свисающую из наполовину вывороченного патрона. А спустя мгновение раздалось неторопливое низкое гудение, и в лицо агенту Лэнг мягко швырнуло новую порцию пыли. На сей раз – с лопастей каким-то чудом уцелевшего здесь вентилятора.

Она вытащила платок и, вытирая лицо, шагнула за ширму. Длинная, словно вагон, комната, разделенная на две половины – с одной стороны продавленный диван, на нем лоскутное одеяло, на стене книжные полки в два ряда. Напротив – узкая бамбуковая раскладушка с окаменевшими от времени и грязи простыней и подушками, ящик с инструментами, стопка журналов. Фелиша наклонилась, смахнув клочья пыли, взглянула в выцветшее женское лицо. Невольно усмехнулась, вспомнив карикатуру – «как отличить «Плейбой» семидесятых от «Плейбоя» девяностых?» Да, так оно и есть. Отличие невооруженным взглядом видно, целый куст отличий.

Пробежала пальцами по корешкам книг. «Квантовая механика», «Гроздь гнева». И толстая пачка комиксов – мечта коллекционера. Она прикинула стоимость и покачала головой.

Кто-то очень хотел, чтобы этот трейлер не выглядел жилым – и, тем не менее, здесь жили. По крайней мере, присматривали.

Учитывая, что в кармане у неё лежало заключение о смерти мистера Махони от цирроза печени. Учитывая, что заключение выдали пять с половиной лет назад, а Сэмми лично навесил неприметную общественную могилу на краю местного кладбища... Учитывая всё это, «мисс Лэнг? Вы все еще хотите осмотреть этот дом?»

Да, она хотела. И теперь, наугад вытаскивая старые комиксы с полки Алекса, Фелиша не могла сдержать торжествующей ухмылки.

Она шагнула к шкафу, где, рядом с ослепшим от пыли телевизором, виселась еще одна груда журналов и книг. Наклонилась, чтобы разглядеть обложки. Локоть задел что-то острое, она отпрянула – трейлер наполнился хрипловатым голосом, глубоким и спокойным, и, сквозь царапины на пластинке, мисс Спрингфилд спросила пустоту вокруг:

- Угадай, кто  
Плакал вчера всю ночь без тебя?  
...Кто, как не я?

Но Фелиша смотрела не на проигрыватель, чью иглу она по неосторожности вернула на недопетую Дасти дорожку. Взгляд её остановился на обложке лежащего сверху журнала.

«Вестник генетики Калифорнийского Университета, том 5, выпуск 2004 года.  
Содержание:...»

Фелиша протянула руку, чтобы смахнуть пыль и прочесть дальше.

- Нет уж, мисс. Лучше вам поднять руки, чтобы я их видел.

Щелкнул затвор.

Она подняла правую, левую автоматически задержав у кармана:

- Я из ФБР. Пожалуйста, уберите ору...  
- Тут вроде как я решаю, кому что убрать. Поднимите вторую руку. Мисс...?

Она медленно повернула голову.

- Лэнг. Мистер Махони?...

В паузе, сквозь хрипловатые драматичные признания Дасти, она слышала его дыхание – тяжелое, шумное, влажное дыхание больного старика. Сколько ему лет? Семьдесят пять? Семьдесят три? Потрать она чуть больше времени на изучение файлов, что Саллинс раздал агентам, она бы могла сказать точно. Впрочем, значения это не имело. В руках у мистера Махони было помповое ружье, и, несмотря на прогрессирующую эмфизему, с такой ерундой, как выстрел в спину неподвижно стоящей Фелиши, он вполне мог справиться. За секунды.

Она повернулась к нему, оглядывая осторожно и быстро, примечая детали – клетчатую рубашу, мешковатые треники, разбитые кроссовки. Косматые выцветшие брови, высокие скулы, кожу, словно натянутую на почти лысый череп. Болезнь заострила его черты, согнала пивные отеки с глаз, четче обрисовала и костистый подбородок, и высокий лоб. Сделала его похожим на сына.

С расстояния нескольких шагов Фелиша чувствовала его дыхание – смесь гниющей мокроты и дешевого средства от кашля.

- Я просто хотела с вами поговорить. Вам ничего не угрожает, мистер Махони. Можете выслушать?

Он ухмыльнулся, показав остатки зубов, не опуская своего ружья:

- Зачем мне вас слушать? А уж тем более, зачем с вами говорить?

- Значит, вы знали, что я из ФБР? Может быть, ждали нашего появления? – спокойно проговорила она.

Махони-старший мотнул головой:

- После того, как громила из ФБР навел на наше кладбище, и последний дурак бы сообразил.

- Кто-то вам сказал об этом? Или сами видели?

- Сам видел. Я там неподалеку устроился, знаете ли. На случай таких визитов.

Фелиша кивнула.

- В последнее время они участились, не так ли?

Мистер Махони медленно оглядел её. Качнул головой, словно что-то прикинув. И ружье – так же медленно – опустилось.

- Если выйдем отсюда и доберемся до моего места живыми, можете спросить меня, о чем хотели. Но, - он кашлянул, сплюнул на пол, - я и так знаю, о чем вы спросите. Спросите, где Александр.

Фелиша почувствовала знакомый провал – удар пустоты, короткий и резкий.

- Вы знаете, где он?

Мистер Махони покачал головой.

- Александр ко мне не вернется. Я мертв. А был бы жив – был бы последним в его списке. Последним, кого он захочет видеть.

5.

Зуд к обеду не только не прошел – усилился. Возможно, из-за грязи на игле. Возможно, из-за грязи в героине. Или в воде. Или на ложке. Возможно, его тело просто пыталось докричаться до него – послушай, послушай, почувствуй, как мне плохо. Хуже всего

было, если он старался не чесать – в тех местах, где кожа была тонкой, зуд был особенно сильным, и особенно опасным – тянущее, ноющее, невыносимое – превращалось в разлитое под кожей озеро огня. Он дергался всем телом, пытаясь одновременно дотронуться и не дотрагиваться. К обеду участки между пальцев на левой руке, вся внутренняя сторона до локтевого сгиба, шея и пах превратились в пылающие стигматы. Ему казалось... нет, он просто-напросто видел, как они светятся сквозь одежду – мерцают мертвенно-алым, переходящим в трупно-голубой.

По крайней мере, сопли прошли – так он утешал себя, стоя на остановке, чуть в стороне от остальных ожидавших автобуса. Алекс разглядывал трещины на тротуаре, и этот невыносимый странный свет из его тела, казалось, переходил туда, в окружающий мир – заливал трещины, подмигивал из пустот. Вроде бы становилось легче. Вроде бы. Еще не наступило время ломки – он точно знал, что пока рано. Месяцы на таблетках и недели на говне приучили его точно рассчитывать время удара – от дозы до дозы нужно было прожить быстро и эффективно. Опорожнить кишечник, вымыться, поесть, поспать, сделать все необходимое... Достать денег, быстро найти пушера, быстро взять дозу, в случае с Варатрилом – закинуться и работать, пока рецепторы убиты, в случае с героином – быстро разбодяжить, вмазаться, покормить Кэмерона, проверить его ногу, сменить повязку, купить еды до следующего раза, найти заправку, ехать дальше. Почти армейский режим. К армейскому режиму он привык.

К счастью, сейчас он был на свободе. Пусть в бегах, но на свободе. Это вам не Сона – сплошное раздолбайство и полнейшая неуверенность в следующем часе – то ли тебя покалечат, то ли убьют, то ли Уистлер или Скофилд, или оба – опять вляпаются в какую-нибудь историю, и... И что? И опять будешь гадать, в какой из моментов этой возни в пищевой пирамиде тебя выебут, покалечат, убьют, или все-таки сжалятся и подкинут дозу. Из всех пушеров, что он встречал после Соны, Бэгвелл был самой сволочной сволочью – дозы он спускал нерегулярно, зато мозги ебал с поразительной пунктуальностью. За что его ценил Личеро, было понятно – жополизов везде любят, всегда любят. Но как пушер? О, пустите меня, я сойду. Пушер из него был хуевый, и Алекс от души надеялся, что, после (не всем) удавшегося побега, «Теодоро» закатали в асфальт те, кто еще вчера ходил в вечных должниках.

- Эй, - негромко проговорил кто-то у него за плечом, - эй, смотри.

Он дернулся и обернулся. Патошек кивал ему на автобус. Призрачная рука, проходя через его собственное тело, указывала куда-то в толпу. Глаза у Чарльза были выпученными и возбужденными. Алекс проследил взглядом за рукой. Невысокая темноволосая женщина входила в салон, а её огромная сумка болталась за плечом, раскрытая настежь. Молния скалилась, и темное нутро обещало что-нибудь полезное – бумажник? Телефон? И то, и другое?

Со спины она напомнила ему Пэм – и тут же Патошек что-то забубнил, то возвышая голос до крика, то опуская до шепота – и, под аккомпанемент этого бубнежа, Алекс двинулся к автобусу. Он пристроился позади неё, почти прилип, проводил до самого сиденья. Патошек что-то завопил – слов, как это часто с ним бывало, было не

разобрать. Иногда он пользовался собственным, одному ему понятным языком – тот еще был любитель шифровок. Автобус тронулся, женщину качнуло, она налетела спиной на Алекса и тут же обернулась с извиняющейся улыбкой.

- Простите, - у неё были большие глаза, просто огромные на смуглом усталом лице. Темно-карие, почти черные. Пэм. Пэм?

Может быть, произошло чудо? Может, Патошек не на сумку ему показывал, а на Пэм? Это могла быть она? Могла? Правда?

- ... с вами все в порядке?

Она вглядывалась в него снизу вверх, и тогда он, с трудом, но совершенно ясно, увидел различия – эта женщина была моложе. Носила длинные сережки из разноцветных бусин, которые болтались от тряски автобуса. Розовый блеск на губах. Сладкие, приторные, тяжелые духи.

И, слушая, как Псих верещит у него за спиной, Алекс с любезной, но благодарной, улыбкой запустил руку в мягкую темноту её сумки.

Он вышел на следующей остановке и пересчитал наличные. Двадцать, двадцать пять, тридцать. Сотня. И кредитка. Неплохо. «Симку» и выпотрошенный бумажник сразу спустил в урну и быстрым шагом двинулся прочь.

Зуд, прежде бывший лишь фоном всех действий, теперь усилился. И пришел этот первый, беспокойный прилив – холодный пот выступил между лопаток, на ладонях, на висках, над верхней губой. Алекс натянул на ладонь рукав джемпера, торопливо вытер лицо. Он прекрасно знал, что по этому жесту знающему человеку нетрудно распознать торчка - недокумарившего торчка. Но, Господи, помоги – он шел по даунтауну, далеко от приличных кварталов – здесь никому и дела нет до твоих проблем. И до тебя тоже. Пока ты кажешься им охотником, а не добычей, по крайней мере.

Чтобы отвлечься от этих приливов, он мысленно разделил деньги – на продукты, бензин, мотель. Лекарства. И дозу. И запасную дозу.

И нужно купить Кэмерону комиксы... и раскраску? Кэм просил раскраску. Наверное, не все еще потеряно, раз он об этом помнит? Его мозги работают прекрасно. Чего не отнять, того не...

- Они считают тебя психом, - сообщил Патошек, - а ты нормальнее их всех. Просто иногда напряжение бывает слишком сильным.

Алекс кивнул.

- Там есть раскраски, - внятно сказал Псих, - и Алекс свернул с тротуара в магазинчик, зажатый между заброшенным складом и мрачным многоквартирным склепом.

Через несколько часов стемнело - и он стоял у какого-то занюханного клуба – у той единственной точки, что удалось найти на несколько миль вокруг. Можно было поехать на метро, пересечь город – но, во-первых, денег оставалось в обрез. Во-вторых, Алекс никогда не отличался излишней верой в дилеров. Здесь было относительно безопасно – толпа, какая-никакая, а все же. Рядом китайский ресторан. Дворик у черного хода был захламленным, с высокими мусорными баками, но открытым с двух сторон. Так что просто - стой и жди.

В пакете на сгибе руки – несколько пачек болеутоляющего, слабительное, эластичные бинты, пачка носовых платков. Хлопья, молоко, чипсы, сникерс. Кола. Комиксы, раскраска и пачка карандашей. В другой руке – большой стакан черного кофе.

Из носа текло. Алекс вытирал рукавом, и все равно сопли катились в три ручья – теперь оставалось лишь терпеть, не дергаясь по пустякам, не обращая внимания на других несчастных, что время от времени выныривали из темноты - то приближались к дверям, то отходили, нарезали круги вокруг да около. Бродячие псы в поисках подачки. Ободранные, жалкие, никчемные и опасные.

Мимо прошествовали шлюхи – охранник открыл дверь, выпустив в переулок сочные партии ударных и басов – и тут же захлопнул. Чья-то тень шевельнулась за мусорным баком, робко подползла ближе. Если бляди сейчас возьмут свои кубики – вне сомнения, они тут постоянные клиентки – наверное, пушер соизволит и остальных обслужить.

Алекс чихнул. Отхлебнул кофе. В ломке все вкусы одновременно притуплялись и извращались – кофе казался жирным, словно туда куриную ногу макнули. Алекс закашлялся, подавляя первый рвотный позыв. Еще немного, и он будет блевать прямо здесь. В паху у него всё просто огнем горело – и в паху, и на бедрах, и вокруг ануса, точно огонь под кожей решил разлиться по всему телу. Левая рука зудела до подмышки, шея пылала.

Наконец, дверь опять открылась. Две бляди выбрались на свежий воздух – уже заторчали, судя по отрешенным размалеванным физиономиям. Остальные, наверное, остались искать приработка прямо там, внизу. Алекс, вытянув шею, заглянул охраннику за спину.

- Эй, - тот окинул Алекса оценивающим взглядом, - иди сюда.

Не дожидаясь, когда приглашение повторят, Алекс нырнул в теплую, пахнущую табаком, бухлом и сексом, приятно-желтую мглу.

6.

Жидкость в чашке была непонятного бурого цвета, но Фелиша из вежливости отхлебнула. Растворимый кофе, ничего особенно противного.

Жилище мистера Махони – настоящее жилище – некогда было складом медикаментов, и до сих пор пахло аптекой.

Фелиша не обнаружила здесь ни армии пустых бутылок из-под бухла, ни спящих вповалку бомжей.

- Это только моё место, - пояснил старик, запирая за ней тяжелую дверь, - я двадцать лет здесь работал. Так что, наверное, имею право...

Она молча смотрела на стену без окна. Вся – от пола до потолка – в газетных вырезках, вырванных страницах из книг, поблекших документах, фотографиях. Воспоминание об Алексе ударило быстро, больно и коротко. Затем Фелиша взяла себя в руки и подошла ближе.

Большинство – вырезки медицинских статей. И страницы из книг были страницами справочников со схемами и таблицами. Фотографии представляли собой странное сочетание: поблекшие от времени снимки солдат на фоне джунглей и океана, чьи-то жены, семейные снимки на украшенных венками и звездно-полосатыми лентами крылечках. Детские улыбающиеся лица, и тут же – более свежие и яркие – крупные планы увечий, раскрытых зажимами ран, шестипалых рук, перебинтованных конечностей, отвратительных высыпаний.

Мистер Махони подошел и встал рядом.

- Не моя коллекция. Но я храню. Здесь есть немного про меня. Это, - он ткнул пальцем в снимок молоденького солдата с автоматом наперевес, - Корея. Он показал еще один снимок:

- Сайгон. А это Александр.

Ни единого снимка у ФБР – тупо подумалось Фелише, пока, не отрываясь, она вглядывалась в худенькое большеглазое личико. Алексу здесь было не больше пяти. В руках карандаш, на коленях – раскрытый альбом. Сидит, боком прислонясь к чьим-то коленям. Черные брюки и белый халат – вот и все, что видно.

- Это Альдо, - сероватый палец мистера Махони уперся в следующий снимок.

Фелиша повернулась к старику.

- Альдо? Альдо Берроуз?!

Мистер Махони кивнул. Фелиша рассматривала группу мужчин, стоящих на крыльце какого-то правительственного здания. Некоторые в халатах, несколько в военной форме. Альдо был в форме, как и –

- Рядом со мной, - мистер Махони показал на своё улыбающееся лицо.
- Вы вместе служили?

Мистер Махони задумчиво покачал головой.

- Не служили. Работали. Хотя, это как назвать. Он был не самым мудаком из всей группы, вот и всё. Никто из нас никому не подчинялся, - он опять показал на групповую фотографию, - здесь все были равны. По крайней мере, в то время. И на этом снимке. Те, кто отдавал приказы и все это делал, никогда не фотографировались. И сейчас, наверное, предпочли бы держаться от фотокамер подальше.
- Кофе будете?

Она пила кофе, а старик все возился со своими ружьями. Приличный запас – пожалуй, достаточный, чтобы сюда нагрянула спецгруппа ФБР. Она слегка хмыкнула, представив, как они станут разоружать кашляющего старика – однако, глядя на цепкие, в коричневых пятнах, изуродованные подагрой, руки, отрешенно подумала, что мистер Махони никому сдаваться не собирается.

Он бережно отложил ружье, поднял с ящика винтовку и почти нежно провел по прикладу.

- Я всю жизнь служил, без перерывов и отпусков. Даже после женитьбы – мы повенчались, а на следующий день я уже отправился в часть. Мне все это казалось правильным.

Он замолчал. Фелиша слышала неровные, мокрые хрипы. Мистер Махони поднял на неё выцветшие голубые глаза:

- Это был их проект, несколько пар: такие же, как мы с Мардж. Только-только из-под венца, только вот я там был самый старый, пожалуй. Сначала несколько тестов. Некоторые знали, мы – нет. Просто однажды меня вызвали в Вашингтон, а на столе у генерала лежала папка с нашими медкартами – моей и Марджори. Тогда люди умирали от рака, как и теперь. Может, даже легче – не придумали еще, как сделать вас не только больным и умирающим, но притом еще лысым и блюющим собственными кишками. Вот и вся разница. Люди много чего тогда знали про рак, вот что я хочу сказать. Они мне напрямик заявили, что у моей жены высокий риск заболевания. Вот так. С ходу. Да сэр, слушаюсь, мэм. Я не понимал, чего они хотят – может быть, пытаются выпроводить меня на пенсию? Так рано?

Фелиша вгляделась в это изможденное, иссохшее лицо.

- Вас только это тогда напугало?

Он кашлянул, прижав ко рту рукав.

- Все-то вы видите. Да, мэм, именно так. Именно этого я и боялся. На пенсию мог бы купить себе гамбургер раз в неделю, и до свидания. К тому моменту я, между прочим,

успел получить «Пурпурное сердце». А они с ходу начинают трясти медкартой. Что я должен был думать?

Фелиша пожала плечами. Отставка была болезненной темой. Для неё. И еще для многих, слишком многих, близких ей людей.

- Итак, они провели какие-то тесты, которые выявили риск заболевания? Как они получили эти данные?

- Не знаю. Пытался разобраться, - старик кивнул на стену, - но это слишком сложно, уж поверьте. Даже сейчас никто не знает, как это найти. Как предсказать, что твои клетки в один прекрасный день сойдут с ума и наплодят метастазы. Тогда это было... фантастикой. Чем-то вроде шаманства. И я так и решил. Успел перетрусить. К счастью, не об отставке шла речь. Они предложили нам участвовать в программе. Подопытными крысами. Моей жене что-то вводили, потом измеряли и снова повторяли весь курс.

- Что именно?

- Ретровирус, - мистер Махони ухмыльнулся, - я тут почитал на досуге, что, вроде как, технологию разработали в девяностых. Ага. Я в семидесятых уже знал, по крайней мере, про три препарата на основе ретровирусов. Все тестировались на жене. И на моем ребенке.

- Это как-то связано с Алексом?

- В-общем, после первого курса ничего не произошло. Я служил, она продолжала сдавать анализы. Затем опять приехали эти ребята. Нас перевезли в Вашингтон, округ Колумбия, и там я познакомился с остальными. Все они были как я. Никого выше звания капрала. Некоторые работали там же, некоторые, кто не вышел мозгами – просто сдавали им свои образцы. Однажды Берроуз ко мне подошел. Стал спрашивать о Марджори, обо мне. Рассказал про Кристин-Роуз. Она никак не могла забеременеть, его это сильно напрягало. Говорил, что это из-за препаратов. Я спросил, почему они не откажутся. Он посмотрел на меня как на безумца. Откуда мне было знать? Конечно, дело это было не совсем добровольное, но, вроде как... Словом, я заткнулся.

- Вашей жене продолжали вводить этот препарат?

- Да. Продолжали. Потом она забеременела. Первой в группе, - старик ткнул в групповую фотографию, - здесь мы после той вечеринки. Александр был первенцем у всех. У нас, у группы. У всех. Даже имя ему не я выбрал. Это Берроуз предложил, а всем остальным понравилось. У меня был свой вариант – его деда звали Джейк, да и чем «Джейкоб» плох? Но Александр – это, вроде как, в честь Александра Македонского. Какая-то такая херня. Я тогда не разбирался. Мистер Махони опять закашлялся. Фелиша ждала, когда приступ пройдет, разглядывая открытые, дружелюбные улыбки людей из Вашингтонской группы.

- Ему было месяца три, когда меня пригласили к генералу. Проект «Пандора» и проект «Прометей» - вот как они это называли. Два проекта, шесть женщин с замершей

раковой бомбой внутри, всем вводят ретровирусы, чтобы изменить их ДНК. Знаете, что такое ретровирус?

Фелиша неуверенно кивнула.

- Это вроде подрывника... диверсанта. Ничего, кроме цепочки генов, которая встает в вашу собственную ДНК, и начинает себя копировать. Вроде бы они живые. Только насчет этого имеются сомнения. Просто кусочки информации, как по мне. Обрывки киноплёнки. Или кусочки чьих-то записок. Можете написать на этой записке что-то своё - что угодно. Ввести её в организм. И с этого момента – да, сэр, слушаюсь, сэр. Женщины с угрозой онкозаболевания – их клетки заранее готовы принять любой приказ. От рождения, это... дефект, вот как это называют. Для кого-то дефект, а для ребят, которые с нами работали это джек-пот. Сейф, который кто-то набил баблом, а код не поставил. Подходи, открывай, бери.

- Всё это вам объяснили в Пентагоне?

- Нет. Ничего они мне не объясняли. Тогда я просто стоял навтыжку, и по моим ушам откровенно ездили – послужить великой цели, послужить американской нации, человечеству, прогрессу... и тому подобное. Потом сказали, что Александра будут тестировать. Проверять. Что-то такое они искали...

- Вы дали свое согласие?

- Дал. И все бумаги подписал. Я и до этого все подписывал. И Мардж.

- Вы сказали, что проектов было два?

- Ну да. «Пандора» касалась наших жен, «Прометей» - это то, что они делали с Александром.

- Что именно?

- Сначала ничего особенного. Снимали, как он играет, как ест. Весь его детский лепет лежит у них в архивах. Тонны фотоснимков. И киноплёнки. Каждое движение, первые шаги, первые слова. Несколько месяцев подряд, иногда его увозили от нас на два дня, на три.

Мардж должна была заполнять анкеты – что он ест, как спит, как реагирует на это, на то. Потом, когда Алексу исполнилось три, Марджори как-то забрала его из лаборатории, где он сдавал тесты, и первый раз нашла эти синяки. Ничего особенного, просто упал, так они нам сказали. Вся спинка в синяках, и ребра, и ножка до колена – выглядело, если честно, хреново. Ему оказана необходимая медицинская помощь – они нам сказали. Вот так.

Фелиша поставила кружку с недопитым кофе, встала. Кроме стены, оклеенной фотографиями и вырезками, разглядывать здесь было нечего, и она просто прошла вдоль ящиков, укрытых парусиной. Туда и обратно.

- У вас есть дети, мисс Лэнг?

Она вздрогнула. Скрестила руки на груди.

- Нет.

Старик положил ружье к себе на колени.

- Это повторялось несколько месяцев – Алекс возвращается от них, и на теле у него синяки. Иногда ожоги. Порезы. Царапины. Это было частью программы. Мардж устроила им скандал. Сказала, что заберет его, увезет и больше не позволит... Он никогда подробно не говорил, что они с ним делают. Он ведь был просто ребенок, черт возьми. Иногда говорил – они заставили делать это, или то. Бежать, приседать, стоять в каком-то белом ящике. Иногда говорил, что они царапают его «царапками». Так сказал, да... Странно, что он их не боялся. Никогда не плакал, если нужно было туда ехать. Никого из них не боялся. Однажды они заперли его в темноте. И были... другие вещи.

Фелиша молча смотрела на тощие неподвижные стариковы плечи. Если мистер Махони что-то и испытывал, рассказывая об этом – держался он более чем мужественно.

- Наконец, ему исполнилось шесть. Они решили, что пора нас удалить. Был приказ об отставке, правда, пенсия оказалась вполне приличной. Мы переехали сюда, и больше я ни разу в Вашингтоне не был. Может быть, если бы попытался туда приехать, меня бы на месте пристрелили. Во всяком случае, ясно дали понять, что для собственной же безопасности, мы должны быть тише воды, ниже травы. И мы были. Сперва подумали, что это просто способ от нас тихо избавиться. Но, едва купили этот трейлер – к нам прислали куратора. Приехал Альдо. Можете вообразить моё удивление? К тому времени он там поднялся... И не из-за интриг, думаю, а потому что он действительно был им нужен. Его старший сын тогда... что-то пошло не так на тестах, и его больше не трогали. Вычеркнули из проекта «Прометей». Но сам Альдо остался – был там вторым после генерала. Его собственный сын рос как остальные мальчишки в этом мире. Ходил на бейсбол, наверное. Играл с другими мальчиками. Учился на велике ездить. Но Альдо приезжал за Алексом. Сажал его в свою машину и увозил. На день, на два. Иногда всего на несколько часов. И все как по расписанию: синяки, ссадины. Переломы, и, в конце концов, он вернул нам Алекса со сломанной ключицей и разорванной селезенкой. Альдо оформлял его в больнице, заполнял все бумаги. Вышло все гладко: никто даже расследования не проводил толком. Если бы Александра однажды привезли к нам мертвым, думаю, даже тогда не возникло бы никаких проблем.

Фелиша прочистила горло.

- Мистер Махони... вы хотите сказать, что все это продолжалось тринадцать лет? Тринадцать лет ваш сын был подопытным в правительственной программе, тринадцать лет получал тяжелые травмы, и вы не пытались этому помешать? Вы понимаете, какое наказание полагается за подобные преступления?

Старик хмыкнул.

- Я знаю, что меня и сейчас можно закатать до конца дней моих. Можно и на электрический стул посадить. Я подпишу все бумаги, где будут свидетельства и факты. Я напишу, что это я избивал Александра, и вряд ли за такое дело возьмется даже самый говнистый адвокат. Вы мне угрожаете, мисс Лэнг? После всего, что было? Вам угрожать незачем, да и нечем.

7.

- Эй, - он догнал Энрико в коридоре, протянул руку, чтобы взять за плечо, и тут же, под взглядом верзилы из охраны, отдернул, - эй. погоди. Просто послушай, а? Просто выслушай.

Энрико был невысоким, тощим и хитрожопым. С тех пор, как Алекс первый раз взял у него дозу, отношение к новому клиенту неизменно ухудшалось – типично для всех дилеров, но в случае с Алексом всё шло вдвойне хреново. У пушера, наверное, было чутье на бывших – бывших копов и федералов тоже. И, хотя формально перед героином все равны – перед пушером ты можешь быть кучкой говна, а можешь быть Мерзкой Кучей Говна.

И теперь Энрико не собирался слушать. Он хотел пойти в зал, где уже бесновались ребята из его любимой группы. Он не хотел стоять здесь, в вонючем коридоре рядом с туалетом и слушать, как Алекс просит добавки.

- Полкуба, - быстро сказал Алекс, - я внесу за полкуба, ты можешь отгрузить мне немного вперед? Я завтра занесу остальные.

- Я не торгую в кредит, - отозвался Энрико. Охранник отодвигал Алекса к туалету, - у тебя есть на полкубика? Бери полкубика.

- Я не могу, - Алекс торопливо вытер губы, - мне не хватит. Только до утра, поверь. Я достану, я занесу. Прямо с утра занесу.

- Не хватит – разбодяжь, - через плечо бросил латинос. Его волосы блестели от геля, цепь на шее свернулась, точно золотая змея.

- Я занесу, Энрико. Я всегда приносил, правда? Хоть раз тебя наебывал?

- Ты брал всего раза три. Все три раза пытался взять больше, чем мог. Тони видел тебя с кредиткой. Кому ты врешь?

- Кредитка сгорела, - с отчаянием произнес Алекс, - закончилась. Её закрыли.

- Ты спиздил кредитку, ты берешь деньги, берешь дозу, берешь запасную дозу – берешь столько, сколько надо. А не пытаешься всех вокруг наебать на десять баксов, - наставительно проговорил пушер, и зашагал в зал.

Охранник пихнул Алекса в плечо. От толчка он едва не упал, спиной больно приложился о стену. В зале кто-то взвыл в микрофон, и толпа отозвалась одобрительным гулом.

Алекс видел, как в проходе двигаются огни, перемешанные с тенями. Люди в толпе шевелились, как море в ветреный день. В темных углах торговали травкой и спидами, ангельской пылью и сексом.

Почти на ощупь, он стал пробираться через качающуюся во тьме массу. Алекса вело чистое отчаяние, горький вкус во рту странно контрастировал с полным отсутствием запахов вокруг – он знал, помнил, чем пахнут такие места – но забитый соплями нос наотрез отказывался пропускать в себя воздух. Наконец, задыхаясь, оглохнув от басов и ударных, он повернулся и увидел Энрико. Тот сидел с какой-то блядью на барном стуле – недалеко от сцены, покачиваясь в такт музыке. Алекс подошел. Он открыл рот, чтобы вновь повторить свои обещания и просьбы – но Энрико его заметил. По маленькому злему лицу расплылась приветливая улыбка.

- Подойди, - скомандовал пушер. Алекс скорее прочитал по губам, чем услышал. Он торопливо, раздвигая танцующих, двинулся к Энрико.

Тот наклонился к женщине и что-то сказал ей на ухо. Она засмеялась, склонив голову к плечу. На её каштановых волосах переливались разноцветные блики. Энрико что-то прокричал охранникам, и они расступились, пропуская Алекса в пустое пространство рядом с дилером.

На мгновение, очутившись в пустоте, где его не толкали, не задевали чужие тела, - он ощутил растерянность. Но тут же собрался с духом. Энрико, наверное, выпил, или закинулся – или и то и другое. Его черные глаза, казавшиеся теперь огромными от расширенных зрачков, остановились на Алексе. Улыбка так и осталась на губах – растаявшее, как последний снег, добродушие. Сгнившая картонная маска.

- Иди сюда.

Он подошел почти вплотную, так, что мог почувствовать жар от тела проститутки.

- Я возьму полкубика, - прокричал Алекс.

Энрико поднял руку, до того лежавшую на барной стойке. Покрытые голубоватыми узорами татуировки пальцы сжимали белый пакетик, перекрученный пластмассовой проволокой.

- Вот твоя доза.

- Спасибо, Эн... - начал он, протягивая дрожащие пальцы к пакету, но пушер его оборвал.

- Отработай половину, и получишь кубик.

Алекс оглянулся. Они смеялись – все, кто был вокруг. Голые плечи девушки рядом с ним ходили ходуном от искреннего, чистого смеха.

- Что?...

Энрико подвинулся ближе, бесцеремонно задрал шлюхе юбку. Алекс видел пухлое белое бедро, татуировки в виде ящерицы и цветка, и тупо смотрел, как блестящая дешевая ткань ползет выше, выше.

- Сделай ей приятно, она сегодня со мной. Подготовь, будь другом. Я хочу, чтобы она кричала, когда ты закончишь.

Алекс сделал шаг назад.

- Пошел ты.

- Делай, что я прошу, или проваливай.

- Я сказал, отъебись.

- Доза, Алекс. Ровно половина, и еще, твою мать, столько же.

Алекс облизнул сухие губы. Горечь во рту усилилась, пот по шее стекал тонким ручейком.

- Ничего нет лучше хорошего заныра, - проорал Энрико, и вокруг опять заржали, - разве что это, - он встряхнул пакет.

Белые кристаллики равнодушно и приветливо перекатывались за прозрачной пленкой. Зрелище завораживало. Несколько минут, и он будет держать в руках своё завтра – своё надежное, без соплей, расстройства кишечника, без изматывающего зуда в паху, без зуда под кожей, без зуда глубоко внутри завтра – и он будет спокоен. Он увезет Кэма дальше, может быть, прыгнет еще раз... может, на этот раз по-настоящему прыгнет?

Господи боже, как же хочется закинуться.

Двигаясь боком, как животное или лунатик, Алекс опустился на одно колено. Шлюха высоко задрала обутую в тесный сапог ногу.

Кто-то пихнул его в затылок – он обернулся, чтобы оттолкнуть, но вокруг была толпа – плотно сомкнутая, смеющаяся толпа.

В конце концов, это просто блядь с раздроченным от работы лоном – Алекс подавил тошноту, - это просто несколько минут на коленях в толпе таких же, как он. Любой здесь может сделать что угодно – в тысячу раз хуже – за меньшую дозу. За семьсот

вместо пятисот. За полкубика, если совсем прижмет... Цена вдруг показалась ему справедливой. И можно об этом просто не думать. Какая-то часть его, кричавшая о невозможности происходящего, о гордости, о том, чтобы он вставал и дал ближайшему торчку в ебло – отключилась. Он видел лишь качающееся в полутьме выбритое лоно, пирсинг там, где губы сходились над темно-пурпурным бугорком клитора – он видел лишь пакетик с героином в руках Энрико.

Он наклонился вперед, едва не упал, потеряв равновесие. Вкуса все равно не ощутить – только влагу и мягкую, податливую, будто неживую, плоть – и Алекс закрыл глаза. Его пальцы сжали пухлые бедра, оставляя синяки – последняя попытка себя отстоять в этой неравной сделке – и затем были просто музыка, просто ритм, непрерывные, дрожащие движения. Теплый гладкий металл на языке, когда он касался колечка над клитором. Больше ничего. Ни запаха, ни вкуса, словно он мятый пластиковый пакет облизывал.

Кто-то бесцеремонно схватил его за волосы, потянул, отрывая от бляди, и опять ткнул носом. И еще раз.

- Бля, я придумал кое-что получше. Смотри, она совсем не возбуждается, - заорал Энрико. Его глаза были совсем близко, рядом с Алексом – он наклонился, чтобы лучше видеть происходящее

- Ну ты даешь. Даже за дозу не можешь как следует полизать. Заканчивай с ней, каро. Потренируемся.

Пушер развалился на стуле, широко раздвинул ноги. Приспустил свои широченные треники – у него стояло. Наверное, не в последнюю очередь от дозы ангельской пыли... но, может, от того, что его возбуждало происходящее. Алекс тупо смотрел на темную головку. На каплю беловатой влаги.

Затем он вновь соскользнул в эту тихую, баюкающую тьму внутри – туда, где не было ни мыслей, ни желаний, ни эмоций. Только движения, тупые и неловкие, каждое – маленький шаг к ложке с вскипевшим «завтра».

Когда пальцы сомкнулись вокруг пакета – он ничего не почувствовал. Поднялся с колен, соображая, как быстрее дойти до туалета и забодяжить дозу. С собой был маленький инсулиновый шприц, бутылка воды, мятый бумажный платок, зажигалка. Ложку стрельнет в коридоре.

- Грациас, каро, - Энрико ухмыляясь, смотрел ему в лицо, - хотя сосешь ты на два из десяти. Тренируйся, и все будет хорошо.

Алекс отвернулся. Энрико больше его не интересовал. Теперь бы дойти до туалета, быстрее. Быстрее, быстрее. В животе свернулась теплая тугая змейка предвкушения – еще немного, и она поднимется вверх, к горлу – и превратится в кайф, потечет по

жилам – теплая, живая, дарящая покой, дарящая будущее, настоящее. Всё. Абсолютно. Всё.

- Эй, эй, - Энрико заправлял обмякший мокрый член в штаны. Алекс нетерпеливо оглянулся.

- Вытри губы, каро. Деньги отдай Луису, - пушер ткнул пальцем в охранника, ухмылявшегося во всю широченную морду, - и пиздуй отсюда. Я с пидорами не барыжу.

8.

Псих заверещал, едва он захлопнул за собой дверь кабинки. Алекс пристраивался на сломанной крышке унитаза, зажав между колен зажигалку, в одной руке бутылка с водой, в другой – драгоценный пакетик, в зубах шприц. Патошек выл, забившись в угол у него за спиной - истощно и обиженно, иногда дергаясь всем телом, бачок трясся, рискуя съехать с шаткого постамента и свернуть на бок весь унитаз.

- Заткнись, - сквозь зубы процедил Алекс, осторожно вытряхивая крупинки в гнутую алюминиевую ложку, - пожалуйста, замолчи.

Он поставил бутылку на пол, стараясь не дергаться. Руки слегка тряслись, но вполне терпимо. Щелкнул зажигалкой, и, пока пламя лизало закопченный металл, обернулся к плачущему Психу.

- Эй, перестань. Подбери сопли. Не тряси толчок, у меня все прольется.

Патошек вытер распухший нос, всхлипнул.

- Ты... ты-ы-ы... ты должен вернуться.

- Куда?... Зачем?

Он ждал, пока мутная жидкость закипит. Героин разошелся, Алекс, перехватив шприц поглубже, зубами оторвал кусочек бумажного платка, бросил его в ложку.

- Вернуться, свернуть ему шею. Свернуть ей шею. Ты мог бы! Ты мог!!! Ты, твою мать, МОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ!!!

Алекс потянул поршень, набирая дозу.

- Не собираюсь туда идти. Он мне больше ничего не даст. На шлюху насрать.

Патошек со всей силы вмазал по крышке бачка. Она подскочила, едва не слетев.

Алекс старался на Психа не смотреть. Унитаз под ним подпрыгивал, пока он закатывал рукав и быстро, пальцами свободной руки, искал место для укола. Наконец, ему показалось, что он нащупал дорогу. Твердое, эластичное, перекачивающееся под кожей. Здесь. Окей, порядок, поехали. Быстро, одной рукой, короткими рывками, стравить пузырьки.

Готово.

В шприце за мутным от долгого употребления, пластиком распустилась темная ленточка крови. Он нажал, стараясь загонять не быстро, размеренно, как будто от того, насколько растянется инъекция, зависела продолжительность кайфа.

Откинулся спиной на стену кабинки. Закрыв глаза. Патошек над его плечом рыдал горько, точно ребенок.

- Успокойся. Все нормально. Всё в порядке. Ш-ш-ш...

Алекс провел ладонью по лицу. Бережно завернул шприц в полиэтилен, подобрал бутылку.

Возможно, Патошек был прав. Нужно было вернуться и хотя бы в рыло Энрико заехать – за то, что заставил так долго ждать. Жар прошел, голова теперь работала ясно, тело двигалось как в старые добрые времена – без нудящего ощущения неловкости, без боли и зуда то тут, то там.

Алекс приоткрыл дверь кабинки. Выходить не хотелось, хотелось посидеть здесь еще немного, наслаждаясь относительной тишиной, мирным покоем, который окутывал, точно мягкое одеяло.

Пацан, стоящий у раковины, обернулся. Один глаз с фингалом, второй сияет ярко и живо. Усмехнулся, не сводя заинтересованного взгляда с ложки, оставшейся лежать на полу.

- Не поделишься в долг?

- Я все загнал, - Алекс поднялся на ноги.

- А. Извини. Энрико тот еще сукин сын, хм?

Алекс молча подошел к писсуару, расстегнул штаны.

- Он прав – тут педиков не любят.

- У тебя какие-то проблемы? – Алекс даже не обернулся.

Этому он уж точно, без зазрений совести, может свернуть шею.

- Просто Энрико – мудака еще тот. Я редко сюда прихожу. Если нужно набрать в долг или поработать немного, иду в «Шанс». Там нормально. Все понимают, никто не ржет, никаких вопросов. Быстро, без гондонства.

- «Шанс»?

- Да. Две остановки на метро отсюда. Открываются вечером. Вся наша тусовка там. Просто заходишь, и тебе скажут, где дают.

- Что, бесплатно?

Закончив, Алекс застегнул джинсы, подошел к раковине, плеснул теплой воды в ладони.

- Ну, там выбор большой. Метадон, героин, спиды, даже кокс. Расценки божеские.

- С чего ты взял, что я туда попрусь?

- А куда тебе еще? – мальчишка обезоруживающе улыбнулся. На его джинсах дыр было больше, чем денима – специально прорезанные, на коленях, бедрах, даже – Алекс только сейчас разглядел – на заднице, зияющие разрезы под длинной грязно-желтой футболкой, - с таким-то талантом?

Алекс уставился в зеркало, поймал бешеный, нетерпеливый, просящий взгляд.

- Эй, я ведь тебе про «Шанс» сказал. Может, посмотришь щас, может там... у тебя... осталось немного? Все-таки, а? Мне совсем чуть-чуть, я уже вмазался. Честно.

Мальчик нервно сглотнул.

Одной рукой Алекс перехватил тощую шею. Кадык под его пальцами дергался, горячий и незащитный. Так и напрашивался. Ладонь второй руки сгребла в комок футболку на впалой груди.

Он швырнул маленького джанки через все помещение – тот влетел в раскрытую настельку кабинку и повалился на унитаз, а затем съехал на пол, нелепо задрал мокрые ноги. Алекс надвинулся на него и ударил в живот. Мягкое, только мягкое. Господи, да в пацане ни одного мускула – только кости и эта липкая кожа на тоненьком слое изъеденной наркотиками плоти. Он поднял ногу, опустил. Мальчик ойкнул. Алекс бил еще и еще, не целясь, просто наслаждаясь ощущением нежной, податливой немоги под ногами. Несколько раз двинул по ребрам, и пацан, наконец, собравшись с силами, почти неслышно охая, кое-как сумел сгруппироваться. Алекс несильно, но с замахом, пнул его в висок – добавил пару к сияющему фингалу. От души врезал по торчащей из дыр в джинсах, изъеденной мелкими язвочками, костлявой заднице.

А затем вышел, хлопнув дверью.

- Да! Да! Да! – Патошек брызгал слюной, захлебывался криком.

В кои-то веки Алекс был с ним полностью согласен.

- После рождения второго ребенка Альдо Берроуз отказался работать с Корпорацией. Возможно – нельзя с уверенностью сказать – Майкл должен был принять участие в программе. И эта перспектива Берроуза пугала. Или, наконец, он понял, с чем имеет дело. Берроузы переезжали с места на место. Через три года Альдо ушел из семьи. Убедил жену вернуть девичью фамилию. Почти не поддерживал контактов ни с кем, кто его знал. Последний раз он встречался с Махони-старшим сразу после своей отставки. В частности, сообщил о депозитах по программе «Прометей». Передал Махони копии документов. Говорил, что мистеру Махони с сыном следует поступить так же, как Кристин-Роуз – уехать и постараться снять деньги через подставные счета. Не учел только, что к тому моменту отец Алекса страдал алкоголизмом. И, в-общем-то, не был настроен что-либо менять. Алекс приносил ему стабильный доход. За эксперименты платили – он получал пенсию и «премии». Каждые три месяца. Если бы он попытался Алекса спасти, ушли бы и эти деньги, и депозит. После разговора с Берроузом Деннис Махони решил добраться до денег на депозите. Накачал мальчика снотворным и отнес в машину, включил зажигание. Все должно было выглядеть как несчастный случай. Или попытка самоубийства. Деннис знал, что никто из Корпорации не допустит вскрытия и уж тем более, расследования. Вместе со страховкой сумма составила бы больше миллиона долларов.

- Прилично, - вклинился Сэмми.

- Агент О'Нил, - скучным голосом отозвался Саллинс.

Фелиша подняла со стола бумагу.

- Вскоре после несчастного случая Алекса забрали от отца. Он поступил в армию Соединенных Штатов. И больше Денниса не видел. В год, когда у Алекса родился сын, на Дениса Махони напали, серьезно ранили, но ему удалось выжить. Он начал собственное расследование, считая, что проекты «Пандора» и «Прометей» закрыли. Но проект «Прометей» никогда не... Теперь самое интересное, если позволите. Это генетический паспорт Кэмерона Махони.

Саллинс протянул руку, и тут же опустил.

- Когда Кэмерона поместили в приют Святой Елены, мальчик прошел полное обследование – забрали образцы его клеток, не только стандартные пробы со слизистой оболочки, но также произвели пункции спинного мозга и некоторых внутренних органов. Обычно эту процедуру применяют в случае запутанных генетических экспертиз – если у клиента, например, выявлен «химеризм», или что-то в таком роде. Также используют для получения полноценных клеточных линий при попытках выделить редкие ингибиторы или изучить тяжелые генетические отклонения. Этот паспорт был изготовлен за несколько часов. Удивительное дело, учитывая, во сколько обходятся налогоплательщикам подобные процедуры, и сколько берут за такие анализы частные лаборатории и страховые компании.

- Я предполагаю, нам известно, какая лаборатория проделала столь впечатляющую работу?

- Нет, - спокойно произнесла Фелиша, - эта информация из файлов стерта. Нет ни подписей, ни идентификационного номера, ни номеров лицензии.

- Стойте. Я правильно понимаю, что образцы тканей сына Алекса Махони кто-то полностью обследовал, составил генетический паспорт... и этот «кто-то» предпочитает оставаться в тени?

- Правильно, Сэмми. Они получили результат, который, похоже, их устроил. И лишь потому, что Алекс оказался умнее службы охраны приюта, ему удалось выкрасть своего сына.

- А это что?

Сэмми поднял со стола следующий лист.

- Полгода назад, в разгар охоты за беглецами Фокс-Ривер, Кэмерон попал в аварию – его сбил автомобиль, водитель скрылся с места преступления. Я бы сказала, что кто-то очень постарался, чтобы все документы по расследованию не дошли даже до дежурной службы в полиции. Так или иначе, мальчик лежал в больнице с тяжелым переломом бедра – ему в ногу вставили металлический штифт, если вкратце. Одновременно с этим взяли пробы костной ткани.

- И?

Саллинс, похожий теперь на хищную птицу, резко подался вперед.

- Материал прошел точно такую же дорогостоящую процедуру генетического сканирования. Если бы не мистер Махони, мне бы и в голову не пришло искать эти бумаги в архивах больницы и его личном деле.

- Корпорация даже не скрывает, что...

- Скажем так, я думаю – они считают, что никто этим не заинтересуется. А если и задаст вопросы, то в них будет слишком много неизвестных. Кто-то, с какой-то целью. Мало ли проводится ежедневных генетических процедур?

- К чему вы клоните, агент Лэнг?

Она собрала бумаги. Три увесистых папки, которые предстояло беречь, как зеницу ока – все, что отдал ей старик, горькая летопись проекта «Прометей».

- Они не Алекса ищут. Им нужен Кэмерон Махони.

- У нас руки связаны. Это же бред, просто параноидальный набор фактов. Ты не сможешь, - Сэмми смотрел на неё, словно впервые увидел.

- Я не собираюсь изображать перед вами «хочу верить», - Фелиша встала, - не потому, что фактов и документов и без того достаточно. А потому, что Алекс сейчас совершенно прав, а мы – нет.

- В чем же это он прав? – Саллинс нахмурился.

Его светлые глаза остановились на её лице, и Фелиша выдержала этот фирменный ледяной взгляд.

- Он пытается спрятать своего сына от Корпорации. А мы пытаемся ему помешать. Сэр.

- Алекс – наркоман и преступник. С ним маленький ребенок, который рискует остаться инвалидом без надлежащей медицинской помощи.

- Вы не понимаете. Едва Кэмерон попадет в больницу, достаточно будет одного звонка...

- Агент Лэнг! – Саллинс почти рявкнул.

- Кэмерон Махони – живой товар, - она сама не заметила, как повысила голос, - для Корпорации это просто кусок живой плоти, созданный в их лабораториях. Это их собственность. Они могут превратить его в калеку, могут убить, могут делать с ним что угодно – пока никто не может ничего увидеть за всем этим ворохом бумаг, они могут делать это здесь, сейчас, прямо у нас под носом. Рабство и торговля людьми вроде бы в этой стране под запретом, сэр?

- Вроде бы вы только что поведали нам о признании старого мудака Махони. Он пытался убить собственного сына. Алекс знает о депозите Кэмерона? Вы ведь сделали запрос в банк, проверили, были ли движения денег на счете, Фелиша? – ласково проговорил Саллинс, - Отгадайте теперь мою загадку, агент Лэнг. Отец алкоголик, сын наркоман. И семейные разборки всегда принимают форму инфантицида?

Она сорвалась. На этот раз по-настоящему сорвалась.

- Алекс никого не любил так сильно, как Кэмерона. Все это знали, я это знаю...А вы? Вы с ним работали бок о бок, и совершенно его не знали, сэр? Правда? Признайте это теперь. При всем уважении, сэр...

- Я задал вопрос, агент Лэнг! Вы проверили трансферы с депозита Кэмерона Махони? Это простой вопрос.

- Нет. Нет, сэр.

- Оставьте свои чувства к агенту Махони за пределами этого кабинета. За пределами этого здания и за пределами расследования.

В наступившей паузе она услышала несчастное сопение Сэмми.

- Делайте, что считаете нужным. Ищите доказательства. Копайте под Корпорацию. Но сначала найдите мне Алекса. Я хочу видеть его за решеткой, а его сына... по крайней мере, в безопасности.

Она опустила голову, пряча взгляд и от Саллинса, и от Сэмми.

- Вы обещаете, что, когда мы доберемся до Алекса и его сына, вы обеспечите мальчику защиту по федеральной программе?

Саллинс тяжело вздохнул.

Ребенок.

Это была нечестная игра.

- Я обещаю, агент Лэнг. Вы свободны.

Сэмми подошел к двери, пропустил Фелишу вперед.

- Заберите свои бумаги, - Саллинс брезгливо отодвинул от себя папки, - и, пожалуйста? Никаких рапортов.

10.

Снаружи клуб выглядел как обычное заведение в этом квартале. Разве что проститутки вокруг меньше, зато вместо них - кучки подростков в самых странных прикидах. Раскрашенные в дикие цвета волосы, пыльные курточки, слишком узкие или слишком широкие джинсы – он смотрел, как они курят и болтают: серые от холода, обветренные пальцы, траур под ногтями. Громкий смех, то здесь, то там. Капельки слюны в уголках губ, сопля рекой. Телефоны, плееры.

Затем перевел взгляд на противоположную сторону улицы. Несколько дорогих авто. Тонированные стекла. Двое мужчин, изо всех сил пытавшихся казаться скупающими: темные пальто из хорошей шерсти, туфли мягкой кожи. В таких удобно и пробежаться, если нужно будет.

Вывеска судорожно моргнула и замигала мутно-синим неоном. Мальчишки у входа оборачивались, передавали друг другу телефоны, перебирались ближе. Несколько хорошо одетых джентльменов быстро прошагали от своих машин к входу, и так же стремительно скрылись за расписанными матерными граффити дверьми.

Клуб открылся.

Он повернулся к своей спутнице.

- Ты уверен, что хочешь, чтобы я уехала? Я могу остаться, отогнать машину вон ту...  
- Да, Сара.

Она смотрела на него со странным – жадным, несчастным, потерянным – выражением. От этого взгляда у него что-то сжималось в груди.

- Уезжай, просто... просто будь на связи.

Сара кивнула.

Он вышел из машины, плечи высоко подняты, ворот курки наглухо застегнут. Натянул шапку до самых бровей.

- Удачи, - через стекло он видел, как двигаются её губы.

Майкл отвернулся и зашагал прочь. Он слышал, как Сара завела мотор, и машина медленно поплыла вдоль тротуара. Он ускорил шаги, Сара прибавила скорость – вскоре «Рэнджровер» его обогнал, свернул за угол многоквартирного здания, и исчез из вида.

Люди словно бы появлялись из ниоткуда – толпа у входа вдруг оказалась такой плотной, что ему пришлось пробираться боком, то и дело расталкивая щебечущих ребятишек, разбивая оживленно болтавшие парочки, обходя угрюмых парней с татуировками на шеях и бритых затылках. Перед «Шансом» все были равны – он видел нескольких черных пушеров, высоких ямайских парней с алыми, белыми и угольно-черными дредами, плосколицых невозмутимых китайцев, малайцев с шоколадной кожей и пухлыми, словно вывернутыми, губами. И вся толпа колыхалась, двигалась в одном направлении. И тонким ручьем вливалась в клуб – слишком тонким, слишком медленным, чтобы предположить, что владельцы «Шанса» решили обойтись без охраны.

К тому моменту, когда он, наконец, прошел мимо бритоголового на входе, темнота на улице сгустилась, и внутри бушевало веселье. Музыка играла сразу в нескольких помещениях, плохая акустика в тесном холле перемалывала звуки в безобразное месиво. Несколько тесных коридоров, переплетение труб по потолку – владельцы явно сэкономили на ремонте. От людей в толпе воняло - не так остро, как в Соне, но гораздо хуже, чем в Фокс-Ривер. Воздух был густым, тягучим, как молочный концентрат: табачный дым, травка, бензол, бухло, чипсы, пот, кровь, моча, сперма, грязная одежда, невымытые волосы, больные зубы, сгнившая трубуха. Вся эта дрянь выливалась из маленьких танцполов в коридоры, выплескивалась и растекалась по коже посетителей, обволакивала несмываемой оболочкой. Несколько поворотов, и Майкл увидел лестницу.

Он двинулся вниз, стараясь не смотреть в лица тех, кто подпирал стены на каждой ступеньке. В Соне лица были отмечены отчаянием или смирением, здесь – жадностью и надеждой. В тысячи раз хуже.

Они не хватали за рукав, вообще не трогали проходящих мимо – но, если кто-то задерживался и поднимал взгляд, едва заметно двигались – раскрашенные как клоуны, ни один тюремный пидарас до такого не опустится.

Кто только додумался устроить здесь клуб? Случись что, из коридоров никому не выбраться, – он опять очутился в длинном, узком, с потолком в мокрых пятнах, переходе. Здесь нужно было искать. Он повернул в ближайший зал. Черные кожаные шорты на оттопыренных задницах танцоров, ошейники, браслеты, проколотые пупки. Покрытые потом и блестками тела. Кто-то из публики влез прямо на возвышение и присоединился к гоу-дэнсерам.

Майкл двинулся вперед, вглядываясь в лица, заглядывая в самые темные углы. Зал кончился, дверь вела в переход. Следующий зал. Здесь играло что-то тяжелое, и мальчик на возвышении был совершенно голым. Майкл отвел взгляд от перетянутых пластиковым хомутиком гениталий.

Еще один выход, длинный сырой переход, вторая лестница. Пацаны вдоль стены явно под кайфом. Несколько несчастных, оставшихся без дозы, протягивали руки.

- Эй, мистер, не хочешь?
- Мистер, двадцатка.
- Пятнадцать, я могу всю ночь.
- Мистер, если нужен глубокий заглот...

Он шел, отодвигая их плечом – кое-где приходилось идти боком. У нижней ступени бритоголовый, даже веки покрыты татуировками – остановил его, взяв за локоть:

- Все занято, бля.
- Я хочу пройти.
- Я в рот имел, что ты тут хочешь. Бля, непонятно говорю? Всё занято, тупак.
- Пропусти, – Майкл потянул руку из захвата, на охранника он не смотрел. Вглядывался в лица тех, кто выходил из зала.

- Он со мной пойдет, – вмешался кто-то у него за спиной.

Майкл оглянулся и увидел щуплого пацана: в ноль снятые волосы, розовое пятно лишая на щеке. Обведенные черным карандашом глаза, мутные и жадные.

- С тебя половина, – бритоголовый выпустил Майкла и посторонился, пропуская.

Мальчик смотрел на него снизу вверх, затюканная мордочка кого-то неуловимо напоминала... Он не мог вспомнить.

- Сколько ты хочешь?  
- Зависит. С резинкой, без резинки, анал, минет, полизать тебе...  
- С тобой без резинки? - Майкл не смог сдержать ухмылки. Он вытащил две десятки, затем достал еще две. Наличные здесь лучше было бы не светить. Но мальчик оказал ему услугу.

Влажные ледяные пальцы сомкнулись на купюрах, едва задели его руку, и Майкл сдержался, чтобы не оттолкнуть пацана. Тот не поблагодарил – просто развернулся и пропал, как будто не было.

Здесь было темно – только несколько ламп дневного света под потолком. Здесь не было даже того жалкого гламура, которым пытались облагородить происходящее наверху – ни блесков, ни кожи, ни украшений. Ни танцоров, ни выпивки. Только мигающий мутный свет и долбящая по нервам, заглушающая все звуки, музыка. Вдоль длинного широкого прохода выстроили фанерные перегородки, и получилось шесть клетушек - каждая не больше двух ярдов шириной, только чтобы поместиться клиенту и шлюхе. Мужчины менялись – на ходу застегивая ширинки, вытирая руки носовыми платками, торопливо скрывались за дверью в дальнем конце зала.

Алекс стоял на коленях, боком прислонившись к стене – Майкл увидел его в профиль, в полутьме, в клубах сигаретного дыма, что слоился и тек вдоль прохода. Клиент – хорошо одетый, высокий, глубокие залысины, «Патек Филипп» на толстом запястье – шагнул к нему и, расстегнув пальто, без разговоров приспустил штаны. Майкл смотрел, как медленно, устало Махони оторвался от стены, выпрямился и поднял взгляд. Высокий лоб, одна короткая русая прядь прилипла к влажной коже, впалые щеки, распухшие губы. Под носом мокро, глаза черные от расширенных зрачков.

Мужчина смотрел сверху вниз несколько секунд, затем что-то сказал. Алекс вытер нос, поднял руки, ладонями наружу, оставил их в воздухе, в нескольких дюймах от черного габардина брюк, и больше не прикасался. В этой позе ему было неудобно: Майкл видел, как напряглись вены на длинной шее.

Несколько мгновений он наблюдал, как двигались бедра клиента, и голова Алекса болталась туда-сюда, пока тот пытался приспособиться к ритму: его ладони все это время оставались в воздухе, словно Алекс кому-то невидимому сдавался в плен.

Майкл развернулся и пошел к выходу.

Теперь остается ждать. Выход отсюда был только один – но это не означало, что Алекс не сможет затеряться в толпе.

На улице он прислонился к кирпичной стене, с наслаждением вдохнул холодный сырой воздух. У черного хода оживленно шла торговля – передавались из рук в руки крошечные пакеты с дурью, смятые купюры, оторванные сигаретные фильтры, пустые и заполненные шприцы.

Его пихнули в бок, потом еще раз – с другой стороны. И опять. Дернули куртку. Толкнули, как будто нечаянно. Через секунду острое холодное лезвие проехалось по коже живота.

- Эй, эй-эй-эй. Тихо, тихо. Тихо, не дергайся, брат.

11.

В последний момент ему удалось увернуться – убрать голову, хотя пальцы на затылке из всех сил впились ему в волосы. Это были слабые пальцы, слабые, избалованные пальцы плохо тренированного урода, чья единственная щекочущая нервы радость была – отыметь полуобдолбанного джанки в подвале «Шанса». Алекс его не презирал – как нельзя презирать дождь, льющий тебе за шкуру, или тех головорезов в Соне, от которых зависит твоя жизнь - так нельзя ничего определенного чувствовать к ежевечерней череде завсегдатаев. Если, конечно, не хочешь свихнуться, скатиться вниз по чертовой лестнице безумия.

Он дернулся, выпустил член изо рта, и сперма плеснулась ему на щеку, на губы, потекла по шее.

- Твою мать, - беззлобно, устало, с плохо скрытым облегчением.

Алекс молча вытер потеки со скулы, вытянул из кармана мятый бумажный платок. Сплюнул, чтобы хоть немного избавиться от привкуса во рту – мочи, и пота, и мускуса - тошнотворной смеси чужих выделений и дорогого мыла.

- Я дам половину, - застегивая брюки.

- Нет. Мы договорились...

- Ни хуя не получишь, если будешь возникать. Держи, - в грудь шлепнулась десятка.

- Эй, погоди. Это просто наебка, - Алекс поднялся с колен. Весь вечер насмарку – ему не хватит даже на половину дозы.

- Наебка – то, как ты сосешь, - клиент повернулся к нему спиной и направился к выходу.

Ну, ебать. Трясущимися руками Алекс пригладил волосы, вытер нос, не то всхлипнул, не то рассмеялся – он сам не знал.

- Место свободно?

Он только рукой махнул, побрел к выходу, мысленно пересчитывая наличные в своем кармане и в заниках. Выходило, что придется тянуть до завтра... Не тянуть, а загибаться. Он опять напугает Кэмерона, если в таком виде зайвится в мотель. Значит, нужно добыть хотя бы диазепам... да хоть сироп от кашля – до завтрашнего вечера обмануть организм, а потом они с Патошеком что-нибудь придума...

Псих словно только и ждал, что о нем вспомнят. Выпучив глаза, ниточки слюны натянулись во рту, он зашептал:

- Надо валить. На улицу, давай отсюда.

Алекс и без его советов собирался выходить. Может, Псих что-нибудь чуял насчет того, чтобы разжиться «темазиком»? Или, чем черт не шутит, занять у кого-нибудь до завтра?

Он вынырнул из душной темноты клуба, и оказался нос к носу с черным парнем.

- Есть что?

- Гони бабло, будет.

- Мне темазиков. Или, слушай...

Пушер все знал наперед.

- Нет бабла – нет дури, сучка.

Алекс пропустил «сучку» мимо ушей.

- Послушай, я завтра буду здесь, мне все равно надо отдать долги Питеру, - как я могу обмануть?

- Запросто, - черный отодвинул Алекса с дороги и прошел вниз.

- Хоть темазиков отсыпь, - Алекс крикнул в спину.

- Там на углу бляди кого-то чистят, может, разживешься, - пушер дернул плечом, обернулся, - выглядишь, как будто грабить тебе всяко проще, чем сосать или долбиться через черный ход.

Он засмеялся, показав белоснежные острые зубы.

- Последнему могу научить. Не сегодня. Как-нибудь. Потренируемся, а, мистер Сучка Как-тебя-там? Тебе понравится, вот увидишь.

Алекс отвернулся. С черными связываться себе дороже. Если пушер не врет, где-то поблизости грабили незадачливого посетителя – и скорее всего, все уже закончилось. Да в любом случае...

У дальней глухой стены проститутки – из тех, кому мест внутри обычно не доставалось, обступили какого-то лоха в черной шапочке. Толкались, пихались, как обычно – нарки не силой берут, а наглостью и нахрапом. Алекс подошел ближе, прислушиваясь к их сбивчивому негромкому разговору. Ах, кто-то уже прижал заточку к нежному клиентскому брюшку? Быстро они... Его взгляд остановился на уебище с розовым лишаем, что вилось неподалеку, – наверное, этот и навел.

А затем Алекс увидел глубоко посаженные серые глаза и в ниточку сжатые губы. От лица Майкла Скофилда будто всю кровь откачали – а может, просто в темноте, в неверных неоновых отблесках, он казался более напуганным, чем в самом деле был.

Алекс прыгнул вперед и отшвырнул того, кто держал заточку – выбил руку снизу вверх, долбанул коленом под колено. Заехал локтем кому-то в голову. Удары были несильными, только чтобы разогнать и напугать – и шлюхи брызнули врассыпную.

Алекс схватил Скофилда за локоть, выдернул из толпы.

- Твою мать. Майкл. Не можешь без неприятностей?

Скофилд ухмыльнулся, коротко кивнул:

- Тоже рад тебя видеть. Алекс.

- Ты че творишь! – запоздало взвыл лишний, - у него наличные, ты че, ты кто такой вообще, а?! Сука, сука, бля, я щас...

Алекс несильно двинул – прямо в нелепо подкрашенный, красный и слезящийся глаз. Мальчик взвыл и отшатнулся. Скофилд уже бил кого-то, кто лез с другой стороны.

- Пошли отсюда, - Алексу вовсе не хотелось портить тут отношения... тем более что отношения радужными уже и не были. Завтра он придет сюда и напорется на заточку. Может, и нет. А может... все может быть. Если с ним что-нибудь случится... Если Кэм останется один...

Патошек визжал, пока он, расталкивая шлюх, раздавая налево и направо тумаки, увлекал Майкла прочь.

- Все в порядке?

- А?

- Не задели? – Алекс показал на полоску обнаженной кожи, все еще бледневшую там, где Скофилду задрали курку и расстегнули рубашку.

Длинные пальцы пробежали по плоскому животу. Майкл таким уж ошеломленным не выглядел.

- Нет, вроде... нет.

- Что ты тут делаешь?

- Слышал, что...- Майкл качнул головой, глубже натягивая свою шапку, - куда ты направляешься, Алекс?

- А ты как думаешь? Надо выйти туда, где хотя бы патруль проезжает. Давай, быстрее. Пошли.

- Они не увяжутся следом?

- Не знаю. Зависит от того, сколько наличных ты засветил.

Майкл ухмыльнулся.

- У меня только полсотни, и сорок я уже отдал.

12.

Фелиша смотрела сквозь стекло на маленького жилистого арестанта. Сэмми подвинулся ближе, наклонился, чтобы его не услышали посторонние:

- Проблема, агент Лэнг. Адвокат в дороге, и обещает разнести участок, если мы немедленно не отпустим его клиента. Копы уже на взводе.

- Хм? Он так страшен, этот Энрико Ла Круз?

- Давай по-быстрому, а? – шепот Сэмми стал почти умоляющим, - здешние ребята и без того не очень довольны присутствием федералов.

- Это пушер, Сэмми. Они его пасут лет десять, не меньше. И все еще ничего не нашли?

- Может, и нашли, а может, нет. Капитан говорит, он вроде как не только пушер, но и стукач в определенных случаях. Знаешь, как трудно потом заменить хорошего стукача? В общем, они уже просили, два раза...

- Я только побеседую с ним. Это все. Несколько минут. С глазу на глаз. Это НЕ арест, Сэмми.

- Мы не имеем права его тут мариновать. Капитан вышел за кофе, так что у тебя и вправду несколько минут.

Фелиша хмуро кивнула:

- Ладно. Посторожи дверь, не выпускай его.

- Я не...

- Ты можешь, Сэмми. И ты это сделаешь.

Не дожидаясь его ответа, она вошла в тесную комнатенку за стеклянной перегородкой.

Ла Круз при её появлении дернулся, но промолчал.

- Агент Лэнг, ФБР. Мистер Ла Круз? Ответьте на несколько вопросов.

- Ни на какие вопросы отвечать не буду. Сейчас сюда...

- Никто сюда не войдет и вы не выйдете, пока я не получу ответы. Это понятно?

Он злобно уставился на неё. Тонны геля для волос, золотой браслет, золотая цепь, белоснежная майка на пару размеров больше. Господи, ну и шваль.

- Мистер Ла Круз? Энрико?

Фелиша выложила на стол фотографии.

- Этот человек вам знаком? Видели его когда-нибудь?

- Нет, - он даже не взглянул на снимки.
- По последним данным, три дня назад он мог быть в клубе «Вавилон», мог даже разговаривать с вами.
- Не помню. Мало ли кто со мной говорил. В «Вавилоне» полно народу. Всегда.
- Все-таки посмотрите. Может быть, вспомните?

Ла Круз взял фотографию.

- У меня нет проблем с памятью. Кто это такой?
- Неважно. Он в федеральном розыске, Энрико. Вы очень поможете, если сможе...Окей, вы ведь сотрудничаете с полицией?

Он не побледнел, не вздрогнул даже.

- Нет.
- А по моим данным, да. Этот ваш маленький секрет... никто не будет разглашать. Если вы нам поможете.
- Ах вы бляди, - без выражение произнес пушер, - да какого хрена...
- Просто посмотри на фото и скажи, был ли он в клубе. И если был, то о чем говорил. Что делал. Всё. Любая информация важна.

Ла Круз облизнул губы. Ощерился, продемонстрировав золотую коронку с крошечным алмазом.

- Это Алекс-шлюшка.
- Что?

Она спохватилась, но поздно.

- Торчок, героиновый, скорее всего.
- Ты ему продавал дозу?
- Нет.
- Значит, нет?
- Ты меня поймать пытаешься? Понимаешь, что незаконно?
- Ты тоже это знаешь, Энрико. Поэтому давай с глазу на глаз. Ты продавал ему дозу? Говорил с ним?
- Может, и говорил. Я общаюсь с теми, кому я нужен.
- У него были деньги?
- Сначала были.
- «Сначала»?
- Он где-то спиздил наличные и карту. Карту заблокировали.

Фелиша вздохнула. Если бы не показания обворованной девушки и не запись с камеры недалеко от автобусной остановки, может, и был риск Алекса потерять. Теперь он был всего на шаг впереди. Только на шаг, на несколько часов.

- И? Наличные у него были, он что-нибудь покупал у тебя?
- Несколько раз, - неохотно проговорил Ла Круз.
- Ты с ним говорил?
- О чем можно говорить с торчком? Он просто забирал то, что ему нужно и ширялся в туалете. Потом уходил.
- Знаешь, куда уходил?
- Не знаю. Мне такое не интересно.
- Кто-нибудь видел его машину?
- Я? Нет. Ни разу.
- Упоминал, как ездит на метро? В какой район?
- Не слышал.
- Может, называл какие-то места, точки?
- Его точкой был «Вавилон». За ширевом приползал в одно и то же время. Если бы брал в другом месте – сначала бы там искал. И не просил бы в долг.
- В какое время приходил?
- К открытию.
- Он возвращался за дозой несколько раз.
- Да.
- Всегда был один?
- Что? – Ла Круз тряхнул головой, - конечно, один.
- С ним мог быть ребенок, мальчик. Около десяти лет, посмотри, - она вынула из папки фотографию Кэмерона, - у него проблемы с ногой, скорее всего, он сильно хромает.

Энрико даже не повернул головы.

- Ты сумасшедшая, каро? Кто приходит в «Вавилон» с ребенком?
- Это его сын.
- Да пофиг. Этот Алекс, когда у него кончились деньги, – он отсасывал за дозу, понимаешь, ты?

Фелиша выпрямилась.

- Простите?
- Мне отсасывал, моей девке. Как дешевая шлюха. Он сам это предложил. В последний раз, когда хватило только на полдозы.

Она боролась с желанием вытащить пистолет... закричать, сбросить папки со стола. Хоть что-нибудь сделать.

Алекс был ступенькой, внезапно пропавшей под ногами.

- Он... - она вдохнула глубже, пряча свой гнев, своё горе, - он заходит в клуб? Сейчас?
- Нет. В «Вавилоне» этими фокусами много не заработаешь.
- Он не... - она опять споткнулась, опять на мгновение – эта короткая, ошеломляющая пустота внутри, - ты знаешь, куда он отправился?

Ла Круз выразительно пожал плечами.

- Может быть, он решил искать другие точки? Ты что-нибудь слышал от своих... друзей? Может, его где-то видели?

- Нет. Не слышал о таком.

- А куда он мог... куда мог пойти?

- Куда ему дорога, ты хочешь сказать? Есть места, где можно заработать что угодно, всем, чем угодно. Ковальски держит «Тигра», а ниггеры крышуют «Шанс». Но, честно говоря? Любой грязный бар для голубых. Если уж совсем прижмет, можно просто стоять на тротуаре. Кто-нибудь да остановится, каро. Всегда. В этом городе не пропадешь.

13.

- Слушай. – Алекс пригладил волосы, его уже начало сильно трясти. В животе ныло, - слушай, я все понимаю, ты тоже в бегах. Мне очень жаль, что ты... Что у тебя... Словом, мне жаль, что Сара погибла. Но у тебя свои дела, у меня – свои.

- Думал, мы могли бы друг другу помочь. В Соне ты был хорошей частью команды.

- Я больше не часть команды. И не важно, какой частью я был. В последний раз, когда мы виделись, твой брат пытался меня застрелить.

- Линкольн в Панаме. Я вернулся один.

- Отлично, - он прижал руки к животу, его мутило. Мир вокруг медленно поворачивался, кренился, ускользал, - от-мать твою-лично. Тащишь федералов на хвосте?

- Нет, Алекс.

- Тогда что?

- Я один.

- Что?

- Тебе нужна моя помощь, мне – твоя.

- Я же сказал, они только вывезли меня в Штаты. Потом я сбежал. Смылся. Всё.

Больше их не видел. У меня были... было... срочное дело.

- Твою жену убили.

Алекс поднял глаза, и в то же мгновение отвел взгляд.

- Да. Да. Ты, наверное... слышал.

Майкл молчал, и Алекс вновь к нему повернулся. В нем шевельнулось что-то вроде... любопытства: растерянного, неловкого любопытства.

Были минуты, когда Скофилд проявлял себя гением социализации. А были такие, когда Алекс начинал всерьез сомневаться в том, что перед ним не запущенный случай

аутизма. Во всяком случае, говорить нечто дежурное, простое - вроде «мне очень жаль» или «примите мои соболезнования», этого гения так никто и не научил.

Может, и к лучшему.

Алекс не был готов принимать соболезнования. Смерть Пэм все еще была абстракцией, несвершившимся фактом – отчасти из-за того, что он врал Кэму, отчасти потому, что сам не хотел в это верить. Не потому, что надеялся – скорее, вопреки всякой надежде, это было как... догонять дозу темазиком, или бухлом – сделать так, чтобы боль прошла, и для этого вырубить себя, как выключают лампочку, просто стереть все ощущения – жизни, болезни, страха, любви – а с ними и ощущение потери.

Скофилд поднес к губам бумажный стакан. В ломках время замедляется – течет неторопливое, липкое, и всё грозит застыть в этой страшной неопределенности. Движения Скофилда были словно потеки смолы – плавными и долгими. Алекс знал, что это лишь эффект, который дают отмирающие дендриты в его нервной системе – но легче-то от этого знания не становилось. Он поднялся.

- Слушай, мне пора.

- Не торопись. У меня кое-что есть. Кое-что важное для тебя.

- Извини. Мне нужно... нужно идти. Если ищешь Гретхен, ищи без меня. Удачи, Майкл.

Он торопливо – сквозь эту тягучую смолу, сам себе представляясь тараканом в густом сиропе – пополз к туалетной кабинке.

Майкл остался за столиком.

В туалете его вырвало. Скрутило так, что, казалось, в позвоночник впилась длинная, от шеи до копчика, раскаленная игла. Он постоял, пережидая позывы, а затем метнулся в кабинку.

Вышел, держась за живот. Бесконечное умирание, отказ всего и вся. Припомнил, как Бэгвелл страдал его «дерьмом, текущим по ногам», и нервно, истерически хихикнул. Тогда он не поверил. Тогда его так не крутило. Набрал в грязную, с какими-то желтоватыми потеками, раковину холодной воды. Опустил туда зудящие ладони, чтобы отвлечься, заглушить, забить.

Поднял глаза к зеркалу. Сначала сфокусировался на собственном иссушенном, словно папиросной бумагой обтянутом, лице. Потом увидел Скофилда, с легкой ухмылкой стоящего за его плечом. Патошека не было. Он куда-то смылся, едва они отошли от «Шанса», и больше показываться не желал.

- Вот это, - Майкл поднял руку, в длинных цепких пальцах – ампула с прозрачным веществом, - чистый вартрил, Алекс. Доза на одну инъекцию. Шприц у тебя с собой?

Пауза. Ошеломленная, болезненная.

- Ну ты и мразь.

Но губы дрожали, не слушались его.

- Еще это, - Майкл сунул вторую руку во внутренний карман, и Алекс запоздало понял, что там - так запоздало, что даже сам себя ругать не стал. Скофилд вытащил «Глок».

- И машина. Я поведу. Ты сможешь поспать. Выберешь, что важнее? По-моему, тебе все это понадобится. Алекс?

Странное дело – Алекс подумал не о бедной Саре Танкреди, которую эта тварь использовала и вышвырнула на обочину мертвой, с отрезанной головой. Не о дурачке Фернандо Сукре, не об ушлепке Бейлике. Все эти жизни не стоили ничего, равным счетом: ноль. Были списаны ухмыляющимся белым ублюдком, успешным архитектором, любящим братом, любимым сыном, Майклом Скофилдом. Неизбежные потери. Износ материала.

Он подумал о Нике Волек. О Нике Скофилд. О шлюхе из стриптиз-бара, о её диком акценте и гладкой коже.

Вот о чем он думал, не отрывая взгляда от вратрилы и «глока».

- Так как?

Алекс, повернувшись, протянул к ампуле мокрые пальцы.

- Хорошо? Хорошо, Алекс. Договорились.

14.

В машине было тепло, сухо. Он чувствовал сонливость, легкую усталость, легкую, приятную, во всем теле – словно после горячего душа перед тем, как отправиться в постель. И он злился на себя, но ничего поделать не мог – с какого-то момента его тело и та часть разума, которую героин забрал в качестве ренты, жили собственной жизнью, собственными мотивами и простыми радостями. И, хотя они были сильнее, в Алексе еще оставалось достаточно Алекса, чтобы злиться. И ненавидеть.

- Останови здесь, - не глядя на Скофилда.

- Сколько тебя ждать?

- Недолго.

Майкл свернул на обочину, остановил. Алекс потянулся к двери, затем обернулся.

- Тронешь его хоть пальцем, хоть волосок упадет с его головы, хоть что-нибудь с ним случится...

- Все будет в порядке, Алекс.

- Я тебя предупредил. Держись подальше от моего сына.

Он вышел, с силой хлопнув дверью.

В коридоре свет от люминесцентных ламп был слепящим, безжалостным. Алекс отпер дверь, и, придерживая её, чтобы не скрипела, скользнул в номер. Телевизор на низкой тумбе моргал, картинки двигались без звука, да и без смысла: погони и дурацкие диалоги, мультфильмы один за другим. Кэм лежал на полу, на вытертом ковролине, одна ладонь под щекой. Ноги согнуты в коленях. Пакет с соком и пачка из-под крекеров рядом. Алекс, бесшумно ступая, прошел по комнате, поднимая с кресел и кроватей разбросанные футболки, джемпера и носки. Выудил из шкафа дорожную сумку – спасибо деньгам с карточки, теперь у них было хоть что-то для вещей Кэма. Сам Алекс до сих пор ходил в футболке, которую Фелиша дала ему в Панама-Сити. Наверное, вонял, как главный хряк в свинарнике. Наверное? Да неважно. Скофилд перетерпит.

Аккуратно сложил детские вещи на самое дно. Сверху – пакет с лекарствами, бинтами. Прошел в ванную, зажег свет: зубные щетки, бритвенный станок. Бутылочка с антацидом, детский аспирин, пачка бумажных полотенец. Кажется, всё.

Кэм пошевелился во сне. Алекс одной рукой поднял с пола его книги и комикс-раскраску, другую руку положил на лоб сыну. Теплый, но не горячий. Тихое сопение его успокаивало. Алекс сложил книги в рюкзак. Он закинул сумку и рюкзак на плечо, присел на корточки, подхватил легкое тело – под мышками и под коленями, осторожно повернул так, чтобы голова Кэма не болталась, а лежала у него на плече.

- Пап? – они были уже в коридоре.

Всего сотня ярдов до крыльца мотеля, и оттуда столько же до шоссе.

- Тсс, спи. Спи, мы просто поедem дальше.

Кэм поднял голову.

- Дальше? Куда?

- Мы проедem еще немного, на север.

- Куда? – тревожные темные глаза остановились на его лице, не отпускали.

- В... Канаду, как тебе идея? Мы можем ехать и ехать всю ночь, и затем мы...

- А как же мама? Как она нас там найдет?

- Найдет, не бойся. Мама закончит дела на работе, и приедет к нам. Вот и всё.

- Отсюда до канадской границы долго.

- Ты хотел сказать – «далеко».

- Я сказал «долго», пап.

Алекс уже открывал плечом дверь. Воздух, сырой, пахнувший бензином, поднял волоски на его шее.

- Потерпишь до машины?

- Мне не холодно... ты купил машину?
- Взял. Взял в прокате. Я же обещал, больше никаких поездов и автобусов. И это хорошая машина. Обещаю.
- Клево, - Кэм ткнулся носом в его плечо. Опять засыпал.

Прижимая сына к себе, пытаясь согреть собственным теплом, он бросился к шоссе.

Скофилд повернулся, посмотрел на Алекса со спящим Кэмероном на руках – и выполз из машины. Открыл заднюю дверь, протянул руку.

- Давай сумку.

Алекс бросил ему вещи, уложил сына на заднем сидении, сам пристроился рядом. Майкл молча закинул сумку и рюкзак в багажник, завел мотор. В лобовое стекло ударила вспышка красноватого света – и из-за поворота вынырнули две полицейские машины и еще одна – бронированный джип, он сам на чем-то подобном выезжал, когда брали беглецов. Алекс, привстав, смотрел, как они приближаются. Наркотик тормозил восприятие и – что хуже – осознание происходящего. К счастью, Скофилд не был под кайфом – машину развернуло, Алекс упал, ударившись плечом. Это был опасный маневр, опасный и привлекающий внимание, но выбор был невелик – либо в лоб въехать в копов и федералов, либо удирать во все лопатки.

- Всё в порядке, - непонятно кого заверил Скофилд. Кэм спал, Алекс вжался в спинку сиденья, не решаясь даже взглянуть на погоню.

- Они сели нам на хвост?
- Пока нет. Заехали во двор.
- У нас минут десять на все-про все.
- Больше, - сказал Майкл.

Алекс поймал его взгляд в зеркале заднего вида.

- Дай мне оружие.

Скофилд молчал.

- Ты мне не доверяешь?
- Нет.
- Я в порядке.
- Именно поэтому нет.

Майкл прибавил скорость. Ночной хайвей тек под колеса, темнота заглатывала их, как питон глотает мышь – неторопливо и размеренно. Алекс снял куртку, укрыл Кэма. Оставшись в одной футболке, обнял себя за плечи. Теперь было две проблемы. Точнее, одна: забрать пистолет у Скофилда. Дальше – с машиной – он уж точно разберется.

- Где ты достал варатрил?
- Неважно, Алекс.
- Еще как важно.
- Скажем так: я знаю, где он есть.

Алекс молча проглотил намек. «Я знаю, где он есть, и не хочу, чтобы ты узнал». Что ж, вполне логично. Правило номер раз, оно же Единое и Универсальное: не доверяй джанки на ломках.

Примечание номер раз к Правилу номер раз:

никогда не доверяй джанки.

- Поспи, - внезапно сказал Скофилд.

Хрен тебе, сукин ты сын.

Но Алекс толком не спал... сколько? Больше трех недель. Кружился в магическом круге, доза-ломка-доза, и меньше всего времени оставалось для сна.

Он прислонился лбом к стеклу.

Скользнул в темноту, что плыла за окном машины, провалился в тишину, абсолютную и недвижимую, как отчаяние.

15.

Он проснулся резко, болезненно, дернулся, будто от удара. Машина шла ровно, Скофилд немного сбросил скорость. За окном бежали деревья и низкие, опутанные туманом, изгороди. Отлично. Судя по мелькнувшим указателям, они были уже в Новой Англии. А это... это хорошо, в любом случае.

- Привет, - сказал Кэм.

Алекс открыл рот, чтобы ответить, но увидел, что сын стоит, опираясь на спинку переднего сиденья, и разговаривает вовсе не с ним.

- Привет, - Майкл слегка повернул голову, губы изогнулись в подобии вежливой, отстраненной улыбки.

- Ты кто?

- Майкл.

- А я Кэмерон.

Алекс молча наблюдал. Вмешиваться смысла не имело. Пока.

- Ты с папиной работы?

Быстрый взгляд в зеркало. Алекс едва заметно кивнул.

- Да. Что-то вроде.
- Ты едешь с нами? Они тебя прислали?
- Еду с вами, - Скофилд, наконец, по-настоящему улыбнулся.
- Хорошо, - удовлетворенно сказал Кэм. И, обернувшись к Алексу, - потому что нас больше не будут догонять. И стрелять тоже больше не будут. Привет, пап.

- Доброе утро. Как твоя нога?
- Нормально. Я могу встать. Почти не болит.
- Отлично.
- Я есть хочу.

Майкл одной рукой пошарил в бардачке.

- Пока для заправки предлагаю батончик.
- Батончик? – Кэм протянул руку к водителю, - мы можем его поделить.
- Я сыт, - Алекс видел, что Скофилд соврал, но возражать не стал.
- Пап?
- Кэм, ты позавтракаешь батончиком, а мы с Майклом что-нибудь потом перехватим. Мы скоро доберемся до кафе. Оторвемся на блинчиках. И у тебя место в животе останется. Как насчет большой порции бананового сплита? Договорились? Идет?

Как ни странно, они добрались до кафе без приключений – и даже патруль на дороге не встретили.

Майкл, лучезарно улыбаясь официантке, заказал двойную порцию блинчиков с черникой, Кэмерон большую чашку шоколада и банановый десерт. Алекс, чтобы не разрушать компанию, взял себе кофе и чизкейк, но к еде почти не притронулся. Развернул дорожную карту, пока Кэм пересказывал Скофилду грандиозные планы:

- Мы едем в Канаду. Там купим дом. Мама приедет, как только закончит дела на работе. Да, пап?
- Угу.

Майкл бросил на Алекса странный взгляд.

- Вот как, значит? Канада? И? Что вы там будете делать?
- Не знаю, - честно сказал Кэм, - я думаю, папе нужно найти другую работу. А я... вроде как, должен ходить в школу.

Он поковырял в банане, поднял ложку, за которой потянулась липкая полупрозрачная нить.

- Только, знаешь? – сын поднял глаза, и смех – заразительная сияющая улыбка, которая пряталась на дне этих черных глаз – наконец, вырвался на свободу. Кэм прыснул.

В лицо Скофилду полетели кусочки банановой мякоти и капли сиропа, - только мне не очень-то туда хочется. В школу. Я обойдусь как-нибудь, знаешь?

Майкл кисло улыбнулся, кивнул.

- Кэмерон.

- Да, пап? – с достоинством.

- Эй, Кэм. Тебе ведь не три года. Ты испачкал мистера Ско... Майкла. Плюнул бананом ему в лицо.

Алекс уткнулся в карту. Несколько мгновений сдерживался, делая вид, что всматривается в названия городков и переплетения дорог. Наконец, не выдержал, осторожно поднял голову.

Кэм прижал ко рту ладонь. Скофилд невозмутимо вытирал щеку. И тут они не выдержали – оба – расхохотались над своими тарелками. Кэм запрокинул голову, белые зубы сверкали как кусочки рафинада.

Он не помнил, когда так смеялся – когда так смеялся вместе с сыном – когда вообще смеялся? Года три точно нет. Его губы, его лицо, все тело - забыли, что такое смех – чистый и искренний, неудержимый, требовательный, и такой же сильный, как горе или отчаяние. Может быть, сильнее.

Он не помнил и когда сын так смеялся – Кэм был смешливым мальчиком, но в последнее время поводов для веселья становилось все меньше. И теперь словно прорвало плотину – Алекс чувствовал, как в уголках глаз скапливаются слезы, но остановиться не мог. Это было ужасно смешно, ужасно нелепо, ужасно невовремя. Ужасно неприлично, в конце концов.

Майкл, глупо ухмыляясь, продолжал вытирать липкие капли со своей красивой физиономии. Но смех Кэма был особым – он был вирусом, настоящей чумой, во всяком случае, так Пэм о нем говорила – и Скофилд, наконец, отшвырнул салфетку и, разом потеряв лет десять, заржал, ну точно подросток или ребенок – не контролируя себя и демонстрируя самые дурацкие в мире ямочки на щеках.

Улыбку его Алекс видел редко. Смех – никогда.

И он продолжал хохотать, почти всхлипывая, пока не покатались по щекам слезы.

16.

К вечеру они развернулись в четвертый раз. Стал ясен план Фелиши – все трассы на север и северо-восток были закрыты патрулями. Разве что найти объезд – заброшенную гравийную дорогу. Или разворачиваться и пробовать прорваться через другие штаты.

Скофилд вел молча, сосредоточенно глядя вперед. Алекс на переднем сидении ежился и молчал. Этот неукротимый, постоянный озноб – организм выводил остатки вара трила, и скоро, очень скоро – Алекс просто знал – вместо мучительных героиновых ломок начнется ад снятого с транков тела: пот ручьями и неукротимая дрожь, такая, что невозможно произнести несколько простых слов. Алекс сжал зубы. Майкл, казалось, не замечал его состояния.

- Ты видел карту? Куда теперь?

Алекс устало откинулся на спинку, попытался расслабить сведенные судорогой челюсти. Вдох-выдох. Держись. Отвечай. Не пугай Кэма, ради всего святого.

Лучше бы ширнулся хмурым – все же ту ломку под контролем удержать проще.

- Не знаю. Это дорога в город, нам по ней нельзя.

- А куда? Мы должны свернуть. Прорываться. Или?

- Да, знаю, - огрызнулся он, - патрули снимают через двенадцать часов. В крайнем случае, держат до суток. Насколько могу предположить, Фелиша будет ждать до конца.

- Значит, сутки нам надо где-то пробыть.

- Почему бы не свернуть в мотель?

- Нет.

Алекс отвернулся.

- Предложи что-нибудь другое.

- Агент Лэнг ведь не отличается необычными методами ведения дел?

- Что ты имеешь в виду?

- Просто вспомнил. Если не нарвемся на перевернутую машину, можем попробовать проскочить в объезд.

- На перевер...? О, черт. Скофилд, это было... это был...

- Знаю. Мы договорились. Об этом не говорим. Просто подумал, что в ФБР такого не одобряют, правда?

- Я не перед ФБР отчитывался.

- Я знаю.

- Лэнг к этому отношения не имеет. Она... черт, она хороший агент. И человек хороший. Есть правила, она не пойдет на...

- Что, если на неё надавят?

- Фелиша живет одна. Жила. Жила... Её отец умер.

Алекс подумал о монетке, которая так и не принесла ему удачи.

- Ближайшие родственники где-то в Алабаме. Никто не будет там их искать. Если бы они искали, на кого давить, это должен быть Саллинс. Но мудака слишком упрям, слишком много о себе мнит.

Майкл покосился на Алекса.

- В вас с сыном стреляли. Мог быть приказ Саллинса?
- Люди меняются. Иногда на прямо противоположное тому, что ты о них думал.

Майкл помолчал.

- Ты прав, - наконец, произнес он.

Но очень скоро Алекс понял, что идея с мотелем была плохой. Самой плохой из всех плохих идей. Кэмерон капризничал – все время их побега он держался молодцом, но присутствие Майкла придавало ему непонятной уверенности, и он опять стал тем, кем и был – маленьким ребенком. Уставшим. Скучающим. Когда, наконец, Алекс, прикрикнув, загнал его в постель, отобрал комиксы и выключил телевизор, было глубоко за полночь. Сил хватило лишь на то, чтобы закинуть в себя горсть болеутоляющих и выползти в коридор.

Несколько мгновений под дверью Скофилда он медлил, затем тихонько поскребся. Прислушался к тишине в номере. Ткнулся лбом в прохладный пластик.

Ты идиот, Алекс. Просто ебанный идиот.

Дверь открылась, и он чуть ли не ввалился внутрь, едва не сшиб Скофилда с ног. Тот стоял перед Алексом в джинсах и футболке – руки залеплены кусками пластыря, на открытых участках он видел остатки татуировок и подживающие шрамы.

- Что это? Решил избавиться от своей главной Особой Приметы?
- Ты что-то хотел?

Алекс прошел в комнату. Майкл запер дверь, повернулся. Свет от настольной лампы выхватывал куски гладкой бледной кожи на скулах, на щеках, кончик носа. Тени от ресниц. Родинку на виске.

Алекс потер себя за плечи. Дернулся, как будто сбрасывая невидимый груз. Груз гордости, презрения, груз надежды.

- Мне херово, - он поднял голову и посмотрел прямо в эти, спрятанные в глубокой тени, глаза.
- Тебе нужно уснуть.
- Да, это тоже, - Алекс облизнул сухие губы.
- В чем дело?
- Мне нужно ширнуться.

Майкл молчал, спиной прислонившись к двери.

- Что? Я прошу дозу, только и всего.

Он уставился на крошечный шрам на верхней губе.

- У меня ничего нет.
- Что значит «нет»?
- Значит - «нет». Я дал тебе дозу, но не обещал, что буду давать каждый вечер.

Алекс засмеялся. Затряс головой.

- погоди. погоди, ты не понял. Я не говорю, что я хочу дозу. Я сказал, мне НАДО, мать твою!

Скофилд повернулся к нему спиной, прошел в ванную. Алекс потащился следом, в тайной надежде, что Майкл просто зачитает ему предварительную нотацию. И отдаст ампулу. Все. Больше ему ничего сегодня не нужно. Это же так ма...

Скофилд поднял станок. Опершись на край раковины, наклонился к зеркалу.

- У меня ничего нет, Алекс.
- Так достань. Ты сказал, что ты знаешь, что ты можешь...
- Не сегодня. Может быть, позже.

Алекс запустил пальцы в волосы, помотал головой. Этого просто быть не может. Нет. Пожалуйста, нет.

- Я что-то должен сделать?
- Ничего. Возвращайся к сыну, постарайся уснуть.

Он смотрел, как Скофилд намыливает щеку, снимает пену и подставляет станок под струю воды.

- Пожалуйста. Пожалуйста, Майкл.
- Можешь обыскать мои вещи. Можешь все здесь обыскать.

Секунду он смотрел на отраженные в зеркале серые глаза. Серые с зеленым – странный оттенок, словно осколки бутылочного стекла. Аптечного стекла.

Развернулся, бросился в комнату.

Когда Майкл, закончив в ванной, вышел, Алекс топтался среди разбросанных вещей, тряс вывернутым наизнанку рюкзаком.

- Отдай мне ключи от машины.
- Нет. Алекс, не...

Он бросился на Скофилда, перехватил пальцами кадык, но кожа скользнула по влажной коже – и Майкл его оттолкнул, сжав запястье.

- Не надо, - тихо, умоляюще.

Алекс видел себя со стороны, но ничего не мог поделать, словно смотрел плохое кино с отвратительным героем и еще более нелепым сценарием. Вот герой поднимает свободную руку, замахивается, но удара нет - он отшатывается и почти падает, его пальцы разжаты, потому что Скофилд давит на точку в самой середине запястья.

Он чувствовал, как немеет ладонь под этим давлением. Несколько секунд он всерьез опасался, что Майкл будет давить, давить и давить – пока не прорвет истонченную грязную кожу и не вопьется своими чуткими пальцами архитектора и взломщика – в воняющую продуктами эндорфинного распада, плоть.

Скофилд держал его на тонкой грани, между падением, болью и ударом – а затем, сразу после его сдавленного:

- Отдай ключи, Майкл, - отпустил.

Алекс шлепнулся на копчик, руки раскинуты в стороны, в голове гудящий низкий звук.

Скофилд что-то сказал, но он не мог услышать, не мог понять.

- Что? Что? – Алекс затряс головой, прорываясь сквозь это странное гудение, - дай мне ключи. Дай мне ключи.

- Тише. Тише, тише. Алекс, ш-ш-ш. Успокойся. Завтра. Я что-нибудь придумаю. Мы что-нибудь придумаем...

И больше ничего, кроме пальцев Скофилда на плече, затем на щеке, на лбу. Прикосновение теплой широкой груди к его спине – Майкл обхватил его сзади и раскачивал, как ребенка.

Тише, тише, ш-ш-ш. Всё будет хорошо.

Завтра.

Завтра.

Только завтра.

17.

- Досье, - сказал Кэм, выбирая из куска пиццы луковые кольца.

- Прости?

- Я знаю, что такое «досье», - пояснил сын, складывая лук на салфетку.

- Честно говоря, меня больше впечатлило «аннигиляция», - Майкл широко улыбнулся поверх своего бумажного стакана.

- Ну? Да это простое слово.

- Кто бы сомневался.
- О чем это вы?

Алекс раздраженно поерзал на месте. Ни дозы, ни сна, полночи на толчке. Ему казалось, они оба – сын и Скофилд – чувствуют эту вонь, запах умирающего в собственных нечистотах животного. Смесь живого и мертвого, крови, дерьма, пота.

- Сегодня утром, после кафе, - пояснил Кэм, засовывая в рот кусок пиццы, - Майкл и я ходили в библиотеку.
- Да, и?
- Майкл смотрел сайт, там было написано: «досье».
- Понятно. Чье, Скофилд?

Майкл в два глотка допил кофе и смял стакан.

- Неважно. Я ничего не нашел.
- Так и будешь водить меня за нос?
- Я не вожу тебя за нос. Это мои дела.
- Уистлер?
- Гретхен, если тебе интересно. Точнее, её бывший начальник.
- И?
- Ничего не нашел. Да и что можно найти в свободном доступе с компьютера сельской библиотеки, м?
- Да уж, действительно.

- Я хотел зайти на сайт с созвездиями, пап. Вычислить, где мы. Если сохранить в нашем с мамой блоге, а потом менять координаты, то...
- Позже, Кэмерон.

Сын замолчал, пыхтя над пиццей.

- И хватит её раздирать по кусочкам. Ешь то, что осталось. Ешь нормально.

Майкл бросил на него короткий взгляд. И опять уставился на дорогу.

- Уистлер погиб, - тихо пробормотал, когда они проезжали мимо кафе с огромным пластмассовым тигром у входа.
- Кэм с интересом уставился в окно, и Алекс быстро проговорил в ответ:

- Я ничего об этом не знал.
- Окей. Они просто оставили тебя в покое, правда?
- Думаю, им было некогда.
- Что-нибудь слышал о Книге Птиц?
- Нет.
- Жаль.

- Эй, куда ты свернул? Нам нужно на север.
- Там посты, Алекс. На каждом шоссе.
- Можно попробовать...
- Я и пробую.
- Если мы заберемся глубже, выбираться придется с еще большим дерьмом на хвосте.
- У меня есть план.
- О, правда? Может, поделишься?

Майкл поджал губу, но затем смягчился.

- Калифорния.
- Что? Ты совсем еб...

Он оборвал себя на полуслове, обернулся к сыну.

- Ты доел, Кэмерон?
- Я хочу в туалет.
- Придется потерпеть.
- Калифорния, Майкл? – Кэм на него не смотрел, и это Алекса взбесило еще больше. Просто-напросто вывело из себя.
- Да. Верно. Нужно немного... попутешествовать.
- Нет, Скофилд. Никакой Калифорнии не будет.
- Пап? ты говорил, что мы поедem в Кана...
- Помолчи.
- Я хочу в ту...
- Я сказал, помолчи.

Сын уставился на него. Серьезно, внимательно, словно впервые увидел.

- Алекс, не надо кричать.

Он задрожал. Это была ловушка – ловушка, в которую он легко угодил.

Прижав трясущиеся руки к лицу, он вдохнул. Стараясь говорить тихо, медленно и уверенно, повторил:

- Никакой Калифорнии.
- Майкл молчал.
- Ты мне должен. Помнишь?
  - Да. Я выполню обещание. Нам нужно на запад, по шоссе 42. Это часть плана, часть пути.
  - Ты об этом знал, правда? Еще вчера?
  - Нет. Но предполагал.
  - О Господи.

Скофилд ударил по тормозам. Алекс едва не влетел лицом в приборную панель.

- Что ты делаешь?

- Кэм, ты вроде хотел в туалет.

Хлопнула дверь.

Майкл сунул руку в карман куртки, вытащил маленький бумажный сверток, и через секунду в пальцы Алексу легла таблетка.

Он проглотил, отвернулся.

Больше обсуждать было нечего.

18.

Мальчик сидел, скорчившись от яркого света. Длинная грязная шея, наголо обритая голова.

- Джери, - сказал он в пространство.

- Джерри?

- Нет. Как «Джери Халливел», знаешь?

Сэм только вздохнул.

- Итак. Джери?

Он подвинул фотографию.

- Видал его?

- Нет, - быстро проговорил мальчик. Почесал пятно на щеке.

- А если честно?

- Не помню, - честно ответил Джери, - там столько народу бывает.

- Ты работаешь на лестнице?

- Вовсе нет. Ну, иногда. Когда как. Эй? Вы разве имеете право меня задерживать?

Фелиша поставила рядом с собой бумажный стакан, и тоже вздохнула:

- Вообще-то нет. Мы тебя и не задерживаем.

- Тогда я лучше пойду.

- Посмотри еще раз.

- Вам надо Саймона спросить. Они всех знают. Они... или Питера. Кого-то из... из...

- Пушеров?

- Ну, я не знаю. Никогда такого за ними не замечал.

Сэмми усмехнулся.

- Ясно. Что ж, можешь идти.

Джери поднялся и, шаркая, двинулся к двери. В тот момент, когда бледные пальцы потянулись к ручке, дверь распахнулась – и Джанки едва не влетел в широкую грудь возникшего на пороге мужчины. Фелиша поднялась с места. Быстро взглянула на Сэмми – тот тоже поднимался, но неторопливо и даже как будто неохотно.

- В чем дело, могу я узнать?

Мужчина в дверях был высоким, ширококостным. Все в нем было крупным: нос, тяжелая челюсть, голова в редких рыжеватых кудрях. Фелиша вновь перевела взгляд на Сэма: они были похожи словно братья, и смотрели друг на друга в упор, набычившись и надувшись. В иное время она бы ухмыльнулась. Но не сейчас.

Она подняла со стола удостоверение:

- Фелиша Лэнг, ФБР. Это агент О'Нил. Что именно вы хотите узнать, мистер...

Рыжий потянул из кармана свой значок:

- Селф. Дональд Селф, - он сделал даже нечто вроде короткого, насмешливого поклона в её сторону, - министерство внутренних дел. Я провожу расследование, господа. Вы только что допрашивали моего подозреваемого, - и с этими словами он ухватил за плечо расстроенного Джери.

- Джери? Это правда?

Фелиша повернулась к Джанки, игнорируя самодовольную улыбку мистера Селфа.

- Ну, э, типа... Он ищет какого-то урода, который...

- Которого ты пытался зарезать, Джери, лапа моя.

Джанки скорчился.

- Простите? Мы не знали, что задержали вашего подозреваемого, - с сарказмом проговорил Сэмми, - а то бы непременно его отпустили.

- Имели бы дело с моим начальством, - нагло заявил Селф, - а теперь, господа, можем считать наш маленький инцидент исчерпанным? Прошу вас удалиться.

Слова он произносил четко, отдельно, с сильным с нью-йоркским акцентом. Голос у Дональда Селфа был препротивным – громким, неинтонированным, как будто он все время на кого-то орал. И так долго это делал, что в конце концов разучился говорить нормально.

Фелиша пожала плечами.

Сэмми молча собрал бумаги.

- Могу я хотя бы узнать, кого именно ищет Министерство?

- Можете.

Селф расселся на шатком стульчике, и Фелиша от души пожелала, чтобы тонкие ножки под этой тушей сломались.

- Но не сейчас. Делайте запрос по форме, мисс Лэнг. Дождитесь ответа, и потом можете мне позвонить, и мы, возможно, пообщаемся теснее.

Сэмми застыл, как пес, ждущий команды. Фелиша кивнула:

- Возможно. Если Джери связан с каким-то правонарушением, это могло бы помочь и в нашем расследовании. И в вашем, смею полагать, тоже? И мы расстались бы при взаимной пользе. Но, если вы настаиваете, мистер Селф. Я могу сесть и написать жалобу прямо сейчас. В двух экземплярах, конечно. Мне приходилось разбираться с полицией, чинящей препятствия федеральному расследованию. Приходилось иметь дело с АНБ. Честно говоря, результаты этих разборок вас бы удивили. В-основном потому, что виновные как-то уж слишком быстро оказались в отставке с позорной записью в личном деле.

Селф фыркнул.

Вынул фотографию из папки.

- Я ищу Майкла Скофилда, мисс Лэнг. Помните? Крупнейшая за десятилетие охота на сбежавших заключенных. Джери любезно согласился поведать мне о том, как в некоем клубе едва не произошло ограбление. Вам-то это каким местом может помочь?

Он не сводил с неё своих прозрачных глаз.

Фелиша улыбнулась, впервые за вечер:

- Вы правы. Это не имеет отношения к моему расследованию, агент Селф.

19.

- Завтра в пять, камера хранения на вокзале, - проговорила она. Голос Сары звучал печально. Мертвый голос, словно что-то в их отношениях было утеряно, словно что-то не очень важное между ними, лишь маленькая частица – исчезло, растворилось в капсулах с наркотиком.

- Спасибо, - автоматически ответил он.

Сара усмехнулась – он мог слышать этот короткий невеселый смешок, тающий в проводах. В тысяче миль от него.

- Все в порядке?

- Насколько может быть сейчас.

- Значит, не очень?

Майкл покачал головой, хотя Сара не могла его видеть. О нет. Не «хотя», а «потому что».

- Можешь для меня кое-что сделать?

- Что именно?

- Кэмерон... он...

- Мы ведь договорились.

- Нет. Мы не договаривались. У него в ноге металлический штифт. Таким образом, он может быть... вряд ли его можно провести незамеченным через металлодетектор.

- Это не ты...

- Да, я знаю. Знаю. Ал... Махони с ним не расстанется. Ни за что не пойдет внутрь без него.

- Так оставь их снаружи.

- В этом все и дело. Он еле ходит. Хромает. Кричит, если неловко наступит на эту ногу. Ты меня слушаешь?

Майкл услышал, как она вздохнула.

- Это может быть воспаление костной ткани. Отторжение протезного материала.

Саркома. Или доброкачественное образование... Но все равно. Это... это очень плохо, и очень серьезно. Есть проблемы с дыханием? Кашель, одышка, отеки?

- Я хочу, чтобы завтра его ненадолго забрали. Сделали рентген. Осмотрели. Затем сказали мне. Ты расскажешь мне, что делать. Как быть дальше. Сара? Ты меня понимаешь?

Пауза.

- Хорошо. Я сделаю, что смогу.

- Спасибо.

- Майкл?

- Да?

- Я хочу, чтобы ты вернулся.

- Я тоже этого хочу. Люблю тебя.

Опять короткая, на одно слово, пауза.

- Я тоже тебя люблю.

Он повесил трубку, чувствуя острую, ноющую, как рана, благодарность – за то, что она никогда не спрашивала о том, когда все закончится. О том, когда наступит его «потом», его «после». Его «скоро».

Нет. Не нужно сейчас об этом.

Не то, чтобы в этом не было смысла. И он не обладал счастливым даром Линкольна – забивать на все, что нельзя исправить. Включая семью, ребенка, любящую женщину, и все связанные с ними проблемы. Нет. Майкл не хотел об этом забывать.

Но было кое-что важное.

Без чего вряд ли он сможет увидеть Сару еще раз... когда-нибудь вообще.

Металлодетектор, скорее всего, перенастроен таким образом, чтобы не реагировать на титановые и любые протезные сплавы. У него несколько часов, чтобы разобраться с этой проблемой.

Далее был... был Алекс. Алекс не выпустит сына из поля зрения, и, вероятнее всего, никому не позволит даже дотронуться до Кэма. Если будет в состоянии...

Неизвестно, на какие подвиги способен его организм ради отцовского долга. Держать Алекса без дозы – безусловно. Но этого недостаточно, нельзя так рисковать.

Когда он возвращался, подумал, что теперь все выглядит, как план. Когда, открыв дверь своего номера, он увидел Алекса, этот план стал близким, понятным, легко читаемым: как умелый конструктор без труда читает чертеж, так Майкл сейчас без труда мог представить последовательность своих действий и чужих реакций.

Не «чужих», поправил он себя. Реакций Алекса.

И, глядя на истощенный профиль – Махони сидел в кресле, нахохлившись словно больная птица, только костистый нос, да грязные спутанные волосы, да эти острые скулы – Майкл на мгновение ощутил нечто похожее на близость, на жалость. Даже сочувствие.

Эта секундная слабость прошла, и он остался один на один с Алексом и сырой комнатой мотеля.

Щелкнул выключателем.

- Почему в темноте, Алекс?

- Ты знаешь, почему.

Слезящиеся глаза, красные тонкие веки. Зрачки, сожравшие всю радужку. Махони быстро вытер губы, обхватил себя за плечи.

- Как там Кэм?

- Думаешь, я бы пришел сюда, если бы...? Он уснул. Я дал ему Тайленол.

- Как его нога?

Махони посмотрел на него снизу вверх. Черные зрачки в мутных лужицах слез. Майкл сунул руки в карманы джинсов, поднял плечи.

- Хреново, вот как. Я думал, это прошло. В последний раз, когда так было, все длилось пару суток. Потом стало проходить. Он хромал. Иногда я нес его на руках. Но он не кричал при малейшем движении. И не было... не было жара. Я не знаю, что мне делать.

Майкл открыл рот, чтобы произнести «мы что-нибудь придумаем». Но тут же закрыл. Эта фраза в план не входила. Кроме того, был Бенджамин «Си-ноут» Майлз Франклин: человек, который когда-то также не знал, что ему делать – пока с больной дочерью на руках бежал под прицелом ФБР-овских пушек. Странные штуки вытворяет судьба, правда, Алекс?

Кажется, истерики из «ню-эйджа» называют это «кармой». Или называют это как-то по-другому?

В любом случае.

Махони шевельнулся, тряхнул грязными волосами.

- Ты пришел за дозой?

- Какая догадливость, Скофилд.

- Ничего нет.

Крупные, похожие на спазмы, волны дрожи пошли по всему телу Алекса.

- Как в прошлый раз? И? Хочешь, чтобы я опять перетряс твои пожитки? Хочешь, чтобы я...

- Нет, Алекс. Это ты хочешь, чтобы я вышвырнул тебя из своего номера. Это ты хочешь, чтобы я отстрелил твои никчемные наркоманские яйца. Ты хочешь, чтобы я тебя прикончил прямо здесь? Мне это совсем нетрудно.

- Ты этого не сделаешь. Я тебе... нужен.

- Мечтай.

Махони молчал.

Затем, дрогнувшим голосом, все еще пытаясь скрыть страх, пробормотал:

- Я прошу немного, Майкл. Если ты купил таблетки, то уж, наверное, не на один раз? Какой смысл меня обламывать? Тебе что, нравится, чтобы я умолял? Просил? Почему просто не отдать их мне?

Майкл, улыбаясь, прошел по комнате. Закрыл жалюзи.

- Было бы слишком просто, ты не находишь?

- Тогда скажи, что ты...

- Раздевайся.

- А?

Скофилд повернулся, улыбка стала шире.

- Ты слышал.
- Что, совсем спя...

Махони поднялся – его губы еще не закончили полную праведного, и столь же фальшивого, гнева фразу, а руки уже поднялись к вороту.

- Не беспокойся. Это просто... удостовериться, что ты не станешь делать глупости.
- Я бы не стал, - пробормотал Махони, бросая футболку на кресло.

Майкл сел на кровать и смотрел, как беглец расстегивает и стягивает джинсы. Алекс разулся, снял носки и остался только в некогда бывших белыми, хлопчатобумажных трусах. Помедлил. Дернул плечом. Неловко стянул и их.

Под его взглядом Махони поежился, но даже не попытался себя прикрыть. Впрочем, многое в этой – новой – эпохе для Алекса стало не в новинку. Тюрьма вообще много к чему снижала чувствительность.

- И? – снова пробормотал Махони, глядя ему прямо в лицо, - дальше что?
- Сложи руки вместе, вытяни перед собой.
- Хера с два.
- Делай, что говорю.
- Что это значит, Майкл? Почему?
- Ты хочешь получить свои таблетки?
- Хочу, ты прекрасно знаешь.
- За этим сюда и пришел, правда?
- Да. Но я...
- Значит, ты делаешь то, что я прошу, и делаешь это быстро и хорошо?
- Я не...
- Правда, Алекс?

Не отводя взгляда, медленно:

- Как скажешь.

Он вытащил из кармана пластиковые хомуты:

- Ты ведь напомнишь, если я затяну слишком сильно?

Махони невесело ухмыльнулся в ответ.

Майкл рванул, и крошечные зазубрины скользнули в прямоугольном отверстии. Он остановился слишком поздно, кожа на ладонях Алекса налилась синюшно-алым.

- Терпи до утра, - бросил он, не поднимая взгляда, - сядь.

Алекс попятился и неловко опустился в кресло.

Майкл присел перед ним на корточки.

- Теперь ноги.

Махони, помедлив, свел ноги. Второй хомут обхватил лодыжки, и Майкл попытался затянуть плавнее. Алекс без рук не был проблемой, а вот без ног...

Он поднял голову. Махони, ссутулившись, смотрел куда-то в сторону. Только ребра быстро-быстро поднимались и опускались в такт дыханию.

- Можешь встать?

Майкл выпрямился, сделал шаг назад, и Алекс поднялся, удерживая равновесие не без странной грации. Каждая мышца в его теле помнила самый простой и самый эффективный способ действовать – сейчас Алекс был наркоманом, миновавшим стадию безболезненного выздоровления, он был истощен, на ломке, издерган и морально раздавлен – но натренированное десятилетиями тело выполняло движения, которые от него требовались, и это было... почти чудом. Или почти проклятием? Еще одним из прутьев той клетки, в которую Алекс сам себя загнал.

Майкл отвернулся и прошел в ванную. Включил свет и уставился на свое отражение. Из комнаты, где он оставил Махони, не доносилось ни звука.

Повернул кран. Взял станок, опустил. Взял зубную щетку. Опять поднял глаза и смотрел, как отражение в зеркале коротко, безрадостно усмехнулось. Провел пальцами по щеке, по отрастающей щетине на затылке. Он отлил, выключил воду и вернулся в комнату, на ходу вытирая руки ветхим зеленым полотенцем.

Прошел мимо безмолвного, недвижимого пленника, повернул выключатель, и вернулся к кровати. Свет из ванной падал прямо на Алекса.

Майкл сел на край постели, наклонившись, сгорбившись. Провел руками по лицу – почти алексовым жестом. С кем поведешься, говорят.

Поднялся, пнул кресло с одеждой – оно отлетело, врезалось в стену, замерло в повороте.

- Ты стоишь и ждешь, когда я решу дать тебе дозу. Просто стоишь здесь, и ждешь. Если ночью я проснусь и увижу, что ты уснул, попытаюсь освободиться, что-то еще, – ты ничего не получишь.

Алекс молчал. Майкл, не раздеваясь, вытянулся на покрывале. Одна рука на животе, другая под головой.

Закрыв глаза, прислушиваясь к дыханию Махони, к движениям в комнате.

- Майкл? – хрипло, почти шепотом.

Он решил не отвечать, но Алекс, не дожидаясь ответа, проговорил:

- Кэм проснется и испугается, если меня не будет в номере. Ты слышишь? Майкл? – почти умоляюще.

Майкл вздохнул, открыл глаза. Глядя в темноту под потолком, сказал:

- Я к нему схожу.

20.

Алекс повернулся на постели. Это был не сон – скорее, приятная, легкая дремота, зыбкая грань между явью и забытием, баюкающая, теплая, нежная и хрупкая, словно кокон. Он поднес руку к глазам и, разглядывая линии на ладони – въевшуюся грязь, крохотные капельки пота в складках кожи – с изумленной усмешкой вспоминал события прошлой ночи.

Да, он провел ночь в соплях и слезах, дрожа и пытаясь сохранить равновесие, стоя на связанных ногах, раскачиваясь, как Симеон-столпник. Но, когда забрезжил рассвет, и он все-таки не удержался, упал на колени, и пытался подняться, елозя по ковролину опухшими запястьями – Скофилд проснулся и отправился в ванную. Алекс с отчаянием размышлял о том, нарушил ли он условия странного договора – и тут Майкл вернулся, наклонился и разжал его челюсти, и на язык ему легла таблетка, и, в-общем, все стало нормально.

Отлично. Хорошо.

Он не мог вспомнить, как оказался в своем номере, но теперь уже неважно.

- Пап?

Он обернулся. Кэм проковылял к нему от двери, Скофилд маячил сзади, все та складка между бровей и вечно унылая линия плотно сжатых губ.

Не пофиг ли? Да, ему определенно стало пофиг.

- Эй. Доброе ут... А который час, Кэм?

Сын забрался на кровать, вытянулся рядом, заглядывая ему в лицо. Маленькая рука коснулась его щетины, Кэм хихикнул. Он-то определенно был рад видеть Алекса, и это знание грело и успокаивало лучше наркотика.

Мой сын.

Мой.

Мой.

- Ты все проспал, - Кэм перекатился на подушку рядом с ним, - больше не болеешь?
- Что? С чего ты?

Он перевел взгляд на Скофилда и прикусил губу.  
Поднялся на локтях.

- Что я проспал?
- Мы с Майклом были на вокзале.
- Правда?
- Угу. Моя нога зазвенела в рамке.
- Кэм? О чем это ты?
- Они подумали, что внутри меня что-то звенит. А потом оказалось, что у них просто сломалась эта штука, которая реагирует на... на что, Майкл?
- На титановый сплав, - без выражения проговорил Скофилд.

Он стоял у двери, не двигаясь, глядя на Алекса с тем сочувственным выражением, с которым смотрел на жертв поединка в Соне. Как на обреченного. На обреченного и уже выбывшего из игры.

Конечно, ему это не нравилось. Это было... странно.

- И? Что они сделали? Как вы оттуда выбрались?
- Ну, они отвели нас в специальную машину. Там стояла машина, и в ней был, в ней был экран, и все приборы. Рентген, они сделали мне рентген, - с гордостью проговорил Кэм.
- Они пытались вас арестовать?
- Задержать.
- Майкл? Что произошло?
- Кэм прав. Ничего особенного. У их были проблемы с металло...
- Это я уже понял. Как вам удалось оттуда выбраться? Кэм? Что еще они делали?
- Ничего. Не волнуйся, пап. Со мной все нормально. Там была врач, она просто посмотрела на мою ногу. Послушала меня, велела кашлять и все такое.
- Это всё? – с подозрением проговорил Алекс.
- Пап? Ты уже не болеешь?

Кэм прижался к его боку. Теперь вставать, шевелиться – тем более не хотелось.

- Нет, приятель. Я в порядке.
- Ты проспал все утро.
- Да.
- У меня нога болит.
- Сильно? Можешь ходить?
- Наверное. Я лучше полежу с тобой. Можно? Когда мы поедем?
- Я не... Майкл?

Он поднял взгляд к двери, но Скофилд уже ушел.

- Давай, приятель. Просто полежи здесь, со мной.

Кэм заворочался, прижимаясь ближе. Ткнулся носом в бок, и Алексу пришлось поднять руку, чтобы сыну было удобнее.

- Так?

- Пап?

- М-м?

- Мы едем в Калифорнию?

- Нет. Мы просто... пока что, только временно. Мы немного обогнем опасные места.

- Чем опасные?

- Ну, могут быть разные люди. Не очень хорошие. Странные. Они захотят нас задержать.

- Как меня сегодня?

- По-другому, Кэм. Но ты уловил суть.

- Но меня отпустили. Они не сделали нам ничего плохого.

- В следующий раз будь осторожнее, ладно?

- Ладно.

- Просто останься в машине.

- Эти люди... - Кэм, казалось, зацепился за одну мысль, - кто они такие? Они будут стрелять? Они с твоей работы? Как в тот раз? Темнокожая мисс? Она кричала на нас.

- Да. Что-то вроде. Они будут кричать на нас, а потом захотят увезти меня. Забрать тебя у меня.

- Это отстой.

- Еще бы.

- Почему мы не можем уехать в Канаду?

- Все немного сложнее, вот и все. Но мы скоро будем там, честно. Хочешь поспорить?

- На что?

- Ну... не знаю. Дай мне идею.

- На приставку?

- О. Ну, круто.

- «Еще бы», - серьезно процитировал Кэм, и Алекс фыркнул.

- Ты вроде хотел телескоп.

- Глупо спорить на телескоп. Ты и так мне его обещал.

- Верно.

- Пусть Майкл разобьет нам спор. А?

- Конечно.

- Папа? Майкл теперь будет с нами?

- Что?.. Нет, конечно, нет. У него свои дела.

- Не поедет в Канаду?

- Не думаю.

- Он хочет в Калифорнию.

- Может, ему там больше нравится?

- Мы могли бы его пригласить.
- Кэмерон, у него полно своих дел.
- Он клевый, - искренне проговорил Кэм, - столько всего знает. Он знал, что эта рамка сломалась, так им и сказал. Они даже поблагодарили его. Дали ему лекарства для меня. Я, наверное, скоро выздоровлю.
- Ты поправишься, это точно.
- Правда?
- Да, - сказал Алекс, закрывая глаза, - да, Кэм, обещаю.

21.

- Что ты делаешь?

Фелиша молчала. Повернула машину, тщательно соблюдая дистанцию. Шедший впереди «чероки» двигался неторопливо, ровно – знакомая тактика, чтобы вычислить незваных сопровождающих.

- Фелиша, что ты делаешь?
- Еду за ним, разве не видно? – не без раздражения отозвалась она.

Сэм резко уставился в окно. Хмыкнул. Опять повернулся – навис над ней чуть не всем корпусом:

- Ты понимаешь, сколько всего мы сейчас нарушаем?

Фелиша облизнула губы.

- Да мне наплевать.

Сэмми взвился.

- Тебе плевать, а мне нет! Хватит гоняться за призраками. Послушай меня. Фелиша!
- Я не гонюсь за призраком, - спокойно, не отрывая взгляда от дороги, проговорила она, - я еду за мистером Селфом, поскольку вероятнее всего, он приведет нас к Майклу Скофилду. И к Алексу.
- Да у тебя никаких...
- Сэмми, я сейчас остановлю машину, и ты можешь выйти. Пойдешь сдашь рапорт, м-м? Как тебе идея?

Он разом как-то обмяк, засунул руки в карманы куртки.

- Нет.
- Ну, вот и прекрасно.
- Что дальше? Произведем гражданский арест? Министерство нас размажет, если мы сунемся к их клиенту.
- Скофилд в федеральном розыске, - сухо напомнила она ему.
- И, вероятнее всего, его нет в стране.

- Но Селф его ищет. Ищет ровно там, где видели Алекса. Раз ищет он, значит, и мы сможем... - она вздохнула, - Сэмми, я все понимаю. Но что мне остается? Я хочу вернуть ребенка в нормальные условия, только и всего.

- Правда?

Фелиша покосилась на Сэма.

- Ты что-то хочешь сказать, О'Нил?

- Ничего. Забей.

- Сейчас не время ссориться, ты прав. Но, всё же?

- Иногда у меня ощущение, что ты не за ребенка переживаешь.

Она сморщилась.

- Поясни, пожалуйста.

Но теперь для Сэмми наступила очередь молчать.

«Чероки» припарковался у невысокого кондоминиума, и Селф вышел, небрежно оглядевшись по сторонам.

Фелиша проехала мимо него, обогнула здание, остановилась и кивнула Сэмми:

- Как насчет разведки?

- Он идет в подъезд, - предупредил Сэмми, наклонившись к заднему окну.

Она положила руки на руль.

- Предлагаешь разделиться?

- Что-то вроде.

- Ладно.

Она вошла в парадное и через пустынный холл прошагала к охраннику у стойки с ключами.

- Поверить не могу.

- Мисс? Вы что-то хотели?

- Поверить не могу, что это он. Мой бывший. В суд по алиментам он так и не пришел, его адвокат прислал письмо, будто бы он переехал в Орегон. И эти идиоты поверили.

Охранник взглянул на неё внимательнее. Фелиша с усмешкой пожала плечами:

- А теперь я еду в салон, и вижу его машину. Здесь, прямо на вашей парковке.

Забавно, правда? Могу поспорить, он здесь недавно живет.

- Кто? Простите, мисс, я...

- Не хочу с ним видеться, если честно. Я считаю, после развода у каждого— своя жизнь. Единственное, что... - она пожала плечами, - не понимаю, зачем вам это говорю... Его

дочь думает, что отец в командировке. Он пропустил два выходных. Она думала, что съездит с ним в океанариум, знаете... Ей всего шесть, откуда ей знать, какими люди на самом деле бывают?

- О ком вы говорите?

- О так называемом мужчине на черном «чероки». Глупо, - она отвернулась, направляясь к выходу, с прямой спиной, горько поджав губы, - еще раз простите. Хотела убедиться... Не знаю, зачем это нам нужно.

- Вы можете позвонить в поли... - охранник запнулся, обращаясь к её спине, - мисс? Мы говорим о мистере Зване?

Фелиша остановилась.

- И что вы мне предлагаете? Вызвать сюда отряд быстрого реагирования? – она издала сдавленный смешок, - это отец моего ребенка, это мой бывший муж. Уж не знаю, что не так в этом мире, если приходится думать о...

- Он живет здесь всего несколько дней.

Фелиша обернулась.

- Да? Я же говорила. А до этого, наверное, торчал у своей разлюбезной сестрицы. Вот уж кто всегда был готов покрыть все его грешки.

Охранник поднялся, неуверенно улыбаясь.

- Разве вы не хотите с ним поговорить?

- А у меня есть такая возможность? Есть такое право? Я уж и не знаю, как теперь мне следует поступать. Нет, спасибо. Все это в прошлом. Хватит с меня.

Она опять зашагала к дверям.

- Он снимает квартиру номер двадцать семь. Угловая. Вы можете подняться, и...

- Спасибо. Спасибо, нет. По крайней мере, теперь мой адвокат будет знать, куда слать эти бесполезные бумаги.

Она вышла, хлопнув дверью.

Вынула из кармана включенный телефон:

- Ты слышал адрес?

22.

Перед Саллинсом лежал очередной неприятный рапорт, но открывать его он не спешил. Были дела поважнее.

- Итак, мы совершенно точно уверены, что Бэгвелл, вместо того, чтобы сидеть в тюрьме или хотя бы давать показания, сейчас находится под покровительством

мистера Селфа из Министерства внутренних дел, и, что, вероятнее всего, достать его не представляется возможным?

- Да, сэр, - Фелиша на другом конце трубки театрально вздохнула, - но мы можем произвести задержание, и, пока у нас будет время...

- Вы можете делать все, что считаете нужным, - ласково уверил он ее, - но не забывайте, что, пока вы тратите время на явную пустышку, ваше непосредственное задание находится под угрозой срыва.

- Почему? Поступила информация, что Скофилда все-таки видели с Махони и его сыном. Они пока обгоняют нас, если только не придется расставить патрули по всем гравийным съездам и во всех мотелях от Чикаго до западного побережья. Где Скофилд, там и Селф.

- Ладно, черт возьми. Вы считаете, что Махони почти у нас в руках, так что есть время заняться тупиковым расследованием, да еще и в чужой конторе?

- Сэр. Не понимаю, чего нам бояться. Бэгвелл – беглый преступник, убийца и психопат, за ним уже после Фокс Ривер тянется дорожка из трупов. Все материалы собраны и отсортированы, когда мы его возьмем, не понадобится даже санкции прокурора штата.

Чертова упрямица.

- Что по Гретхен?

- Ничего. Кроме того, что запрошенное досье чище весеннего неба: налоговый консультант из Риверсайда, штат Калифорния. Офис на подставное лицо, трансферы заморожены, телефон на автоответчике. Они с Селфом явно друг друга недолюбливают, но почти всюду, где мы наблюдали, держатся вместе.

- С ней что вы собираетесь делать?

- Не знаю, - призналась она.

Саллинс едва сдержался, чтобы не хмыкнуть торжествующе.

- Бэгвелл – это их приманка. Давайте начистоту. Вы сорвете операцию Министерству, вы будете отвечать перед ними, не передо мной. И, скорее всего, случится непоправимое. И я ничьи задницы не смогу вытащить, это просто не в моей власти.

- Это предупреждение, сэр?

- Да, Фелиша, это предупреждение.

- Спасибо, - холодно произнесла она.

- О, ради бога, не начинайте. Я хочу видеть результаты этой погони, а не расследование неизвестно чего, неизвестно зачем.

Фелиша отключила связь. Может, и к лучшему. Сэмми добавит аргументов. Пора заканчивать с этим делом. Не так страшно терять время. Но. Не хочется терять лучших агентов. В том, что, копни Фелиша чуть глубже, – и полетят три головы – он не сомневался.

Он открыл рапорт. Без подписи, без даты, без идентификационного кода. Он и достал-то его через третьи руки, и уже поэтому читать не хотелось. Потянулся к ящику стола, повернул ключ, достал Фелишины папки.

Нашел один из листов со скрупулезно изложенными показаниями Денниса Махони. Положил рядом с рапортом.

- была задействована в операциях ЦРУ в Пакистане, Афганистане, Ираке. Специализация – работа с пленными, разведданные, внутренний шпионаж. Переведена в отделение Компании в Европе.
- в 2000 году недолго жила в Риверсайд, Калифорния, официальная причина – отпуск длительностью восемь месяцев. Гостила у сестры. Никуда не выезжала.
- спецоперация «Пандора-2», готовилась к переводу из Брюсселя в Нью-Йорк, суть операции неизвестна, проводилась ли – тоже, результаты соответственно.

Предполагается нечто связанное с военными нуждами, торговля оружием и/или информацией

Дополнительно:

- при поступлении на службу имела рекомендации лично от генерала Кранца.
- сестра, проживающая в Риверсайд, удочерила новорожденную девочку сразу после отъезда Гретхен в Европу.

Вот то, что он собирался продать. Этому мудаку Селфу, или Майклу Скофилду – неважно. Важна была цена, и Саллинс в полной мере осознавал, что просить слишком много ему не позволят.

Но он помнил об обещании, данном Фелише Лэнг.

23.

Майкл остановил машину, вышел. Алекс, сквозь ватный шум в ушах, преодолевая ноющую боль в желудке, выбрался следом.

- Пять минут, - предупредил Скофилд, бросив выразительный взгляд на витрину аптеки.
- Ясно, - огрызнулся Махони.
- Пап? – Кэм открыл окно, высунулся из машины, - ты куда?
- До аптеки и обратно. У нас времени мало.
- А Майкл куда?

Скофилд обернулся, с усмешкой провел ладонью по коротко стриженной круглой голове:

- Позвонить и купить батончик. Ты же просил.
- Я могу пойти с тобой.
- Ну... Если хочешь, - улыбка Скофилда стала еще шире.
- Нет, Кэм. Ты останешься в машине, - возможно, он сказал это резче, чем хотел, но боль в голове пульсировала, а желудок просто жгло огнем.
- Почему нет? – сказал Скофилд.
- Потому что.
- Почему, пап?
- Мы договорились, Кэмерон. И закрой окно.
- Что, если проедет патруль?
- Он посидит тут только пять минут.
- Разумнее, если кто-то из нас возьмет его с собой.

Алекс посмотрел Скофилду в лицо. Они оба знали, кому не следует сейчас брать Кэма с собой.

- «Кто-то из нас»? – проговорил он тихо, стараясь не позволить гневу выплеснуться прямо здесь, прямо сейчас.
- Я хочу пойти с Майклом, - обиженно и заносчиво встрял Кэм.

Но Скофилд уже отвернулся:

- Нет, приятель. Я скоро вернусь.

Алекс прошел половину пути от стоянки до аптеки, когда услышал, как хлопнула дверь. Кэм скатился с заднего сиденья и неловко, припадая на больную ногу, бежал за Скофилдом:

- Подожди. Подожди, я с тобой! Майкл? Майкл, я хочу с тобой.

В нем поднялась волна отчаяния, жалости – неловкие, дерганные движения сына, пытающего беречь больную ногу, были похожи на движения сломанной марионетки.

Затем пришла злость. Он развернулся и бросился наперерез.

- Я сказал тебе сидеть в машине.

Кэм поднял на него искаженное лицо:

- Я не хочу. Я хочу с Майклом. Майкл сказал, что...
- Вернись в машину, закрой дверь, подними стекло.
- Ты не можешь мне приказать. Я хочу...

Он схватил Кэма за руку и поволок обратно на парковку. Кэм повис всем весом, ноги скребли по тротуару. Он дергался и извивался, как пойманный зверек:

- Нет! Нет! Пусти меня.

Алекс выпустил его – лишь из страха сильнее повредить, и Кэм отскочил, но к машине не подвинулся.

- Почему ты такой? Я не хочу, не хочу там сидеть. Это ТЫ не слышишь. Я хочу с Майклом.

- А ну быстро в салон, - проговорил он сквозь зубы.

- Нет. Нет. НЕТ!!! Ты не можешь, ты, ты... Ты мне надоел. Я больше не хочу с тобой ехать. Мне надоело ехать! Я хочу к маме! - Кэм перешел на крик, и те немногие покупатели, что шли по тротуару вдоль парковки, обернулись на звуки скандала.

Он занес руку. Помедлил, и отвесил сыну пощечину. Кэма отбросило к капоту, а затем он начал неловко, боком падать. Алекс видел, как подошва изношенной кроссовки на больной ноге Кэма поехала в сторону. Он схватил сына подмышки, пытаясь удержать, но действовал в пол-силы – все еще в шоке от собственного поступка, он разжал пальцы, и сын выскользнул, побежал от него – не к Скофилду, просто – прочь.

Он слышал плач мальчика, и не мог пошевелиться – с каждой секундой все разрастался этот странный паралич.

- Кэм! Кэмерон, вернись, - Алекс не узнавал собственный голос.

Он заставил себя сделать шаг, второй – и смотрел на удалявшуюся узенькую спину в синей футболке, словно зачарованный дерганым ритмом побега.

Сын дохромал до края стоянки, обернулся – залитое слезами лицо, искаженное ненавистью, болью – а затем перемахнул через невысокую бетонную изгородь и исчез из вида.

В этот момент Алекс бросился вперед – он что-то кричал. Но не слышал себя.

«Он не может убежать далеко».

«Он не может убежать».

«Он не может».

И мысль, сокращенная до единственного слова:

Кэм. Кэм.

О, пожалуйста, Кэм.

У изгороди он оглянулся. Скофилд был в нескольких шагах. Они молча перепрыгнули, и по некрутому склону спустились в заросшую пыльными ивами низину. Алекс показал Майклу в сторону – нужно было разделить, чтобы искать.

Он еще раз, безнадежно и негромко позвал:

- Кэм? Кэм, вернись.

Скофилд взял вправо, Алекс краем глаза увидел, что тот придерживает край куртки – внутренний карман, словно тот был оттянут невидимой ношей -значит, глок у Майкла с собой.

Алекс двинулся туда, где в зарослях видна была замусоренная тропинка.

- Кэм! – голос Скофилда.

Теперь они не видели друг друга.

Он раздвинул чахлые кусты, и сошел с тропы, слушая, как отдаляются крики.

Через несколько минут Алекс повернул назад: склон пошел круто вниз, заканчиваясь вытопанным пяточком травы, и никаких следов больше. Он выбежал на тропинку и дальше – по ней – пока не очутился у маленького обрыва. Алекс прыгнул и пошел по следам – там, где Скофилд прошел несколькими минутами раньше.

Он двигался молча, стараясь ступать как можно тише - и, когда увидел за деревьями поворот дороги, - понял, почему сработала интуиция, не заглушенная даже ломками и утренним обезболивающим.

Вначале был этот влажный звук - причмокивание, словно человек провел языком по деснам и с шумом выдохнул. Бэгвелл стоял к Алексу спиной, рядом с темно-синим минивэном, пластмассовая кисть на плече у Кэмерона лежала уверенно и тяжело. Здоровой руки Алекс не видел.

Скофилд держал пистолет – но невысоко, вяло. И в тот момент, когда Махони шагнул из кустов, Майкл опустил свой глок.

- Ну и молодец, - проскрипел Бэгвелл, - было бы так жаль повредить сонную артерию у этого, во всех отношениях замечательного, юного джентльмена.

Кэм дернулся – Алекс видел его спину, и напряженный затылок с влажными от пота волосами. Пластиковая рука переместилась с плеча на спину – погладила между лопаток. Сын сжал кулаки, но остался стоять рядом с Ти-Бэгом. Его голова немного отклонилась назад.

Алекс посмотрел на Майкла. Тот по-прежнему держал глок прицелом вниз, лицо оставалось непроницаемым и равнодушным.

- Я же сказал, брось его. Ради того, чтобы увидеть какое-нибудь другое выражение твоей красивой мордашки, я могу, не трогая важных артерий, все-таки отковырять малышу что-нибудь не такое важное. Понимаешь меня? Видел фотографии тех, кто не дочитал до главы «Теодор Бэгвелл в Фокс Ривер»? Я могу много чего интересного. Так что давай, красавчик. Покажи, что ты не хочешь внести еще одну жертву в свой список.

Ты ведь ведешь этот список? Если сейчас маленький невинный цветочек окажется слегка почикан ножом – кто будет виноват?

Майкл медленно присел, разжал пальцы, опустив оружие на асфальт.

Алекс быстро огляделся. Кусок обугленной ветки – если не переломится, придется действовать голыми руками. Впрочем, он и голыми руками сможет свернуть ему шею.

- Не надо, - пробормотал Майкл, выпрямляясь. Бэгвелл слегка расслабился, изменил позу – отключил тощий зад в льняных летних брюках, перенес вес тела на другую ногу.

Алекс бросился на него. Ударил не сзади, а чуть сбоку, размахнувшись, и тут же толкнул сына. Кэм упал и пополз в сторону. Алекс еще раз ударил, и еще, и опять – он просто не мог позволить себе остановиться.

Майкл схватил его за плечо, потянул от тела, что теперь мешком перекатывалось у него в ногах.

- Не надо, хватит. Хватит, Алекс. Забери сына, я сам с ним разберусь.

Алекс остановился, его ярость и боль прошли, уступив место огромному, перехватывающему дыхание, облегчению. Он разжал пальцы, выпустил толстую ветку. Она упала Бэгвеллу на грудь, с глухим стуком покатилась по асфальту.

- Забери его отсюда.

Сын сидел на траве, обхватив колени. Дрожал крупно, клацал зубами.

Алекс присел на корточки рядом с ним.

- Эй, приятель, - тихо позвал, прикоснувшись к влажной пряди на лбу, провел большим пальцем по гладкой смуглой щеке, - Все закончилось. Все нормально. Хочешь, я тебя понесу, м? Ты не против?

Он не получил ответа. Подхватил сына, крепко прижимая к себе, ощущая эту неукротимую дрожь. Джинсы у мальчика тоже были влажными – он чувствовал слабый запах мочи.

- Я догоню, - проговорил Скофилд им вслед.

- Кэм, не надо... не смотри. Кэм?

Но что он мог сделать.

Его сын был у него на руках, лицом к Скофилду и Ти-Бэгу, и, хотя он ускорил шаги, взбираясь вверх по склону, подальше от дороги, от темно-синего минивэна - Алекс все равно не успел.

За его спиной грохнул выстрел.

И тогда Алекс побежал.

24.

Махони дернулся, на несколько секунд спрятал лицо в ладонях.

- Это её темперамент, - он издал сдавленный смешок, опустил руки на колени, - это Пэм. Наверное, все просто устали от...
- Эй, - Майкл встал над ним, намеренно влезая в личное пространство... хотя теперь какое у Алекса могло быть личное пространство, а? – я не твой психотерапевт. Просто вернись к нему.
- Я не, - Алекс покачал головой, словно не слышал, - я не думаю, что... Ты отогнал машину? Где ты её бросил?
- В нескольких милях от заправки.
- Машину скоро найдут, полагаю?... Тело?

Майкл молча, сверху вниз, смотрел на слегка вьющиеся темно-русые пряди. Махони сгорбился, поставив локти на коленях. Уставился в пол перед собой.

- Я рад, что ублюдок мертв. Действительно рад. С того момента, как Шейлз...

Он отошел, встал у окна.

- Алекс.
- Что? – резко, даже с вызовом.
- Ты ударил Кэма.

Алекс развернулся.

- Он мой сын. Мой. Не твой. Ничей больше. МОЙ.
- Ты понимаешь, в какую тварь превращаешься?

Майкл не мог отвести взгляда от этого измученного, отчужденного лица – по отдельности все черты казались незнакомыми, а вместе все же были Алексом –сетка тонких морщин на провисшей серой коже, и острый нос, и тонкие, бескровные губы. И дерганое, быстрое движение пальцев, вытирающих невидимую влагу с подбородка и под носом.

- Нет. Нет. Ты не можешь меня...
- Пошел вон, - все так же тихо повторил он.

Алекс поднялся, сделал странный, кривой круг по комнате, и встал прямо перед ним.

- Что ты хочешь? Мне раздеться?

Майкл слегка отодвинулся. Махони кивнул какой-то своей мысли и опустил на колени.

- Да что с тобой? Отвали, - Скофилд толкнул его коленом в плечо, прошел к кровати, - Алекс, я устал. Я хочу спать.

Шорох одежды. Торопливый, деловитый.

Майкл лег и закрыл глаза. Он видел перед собой бледное, худое лицо – высокий лоб, грязные пегие пряди, впалые щеки. Он видел, как поднимает руку с пистолетом и целится между бровей, и в этот момент Ти-Бэг открывает глаза – в них плещется безумие, нелепое, и оттого пугающее, возбуждение, и Ти-Бэг кривит рот – Майкл видит желтоватые зубы, он слышит булькающее дыхание, чувствует запах плохо отмытой кожи и нагретого пластика.

Слышит свой собственный вздох – мгновенное смятение – пауза - а затем страх, страх, заполняющий его внезапно, за доли секунды, страх, превращенный в ужас, почти в священный трепет: это страх не-бытия, пусть и чужого, страх конца мира, пусть и только одного, страх перед прахом, перед пеплом, перед хаосом.

И он делает шаг назад.

Майкл рывком поднялся, сел на краю постели.

Повернулся к Алексу. Тот все еще стоял на коленях, едва заметно покачиваясь, обнаженный по пояс. Футболка, перекрученная, смятая - в одной руке, вторую руку прижимал к животу.

Майкл коснулся плеча, тонкой кожи, бледной, прозрачной. Провел до шеи, и потом вниз – прикосновения безо всякой мысли, абстрактный, лишенный эмоций, интерес – просто чужое тело, чужое, чуждое.

- Хочешь поиграть в «ты мне - я тебе»?  
- Что? Я... Я... да, - едва слышное бормотание.  
- Правда хочешь этого?

На этот раз Алекс промолчал.

- Я был в клубе, когда ты это делал. Видел тебя там, внизу. Ниже некуда, Алекс.

Плечо под его пальцами дернулось, но Махони остался на коленях.

- Ты сам себя в это загнал, не Сона, не Шейлз, не Компания. Вот что я тогда понял. А еще, знаешь?

Только теперь человек у его ног сделал попытку подняться.

- Сидеть.

Короткая, без выражения, команда.

Алекс подчинился, скорее инстинктивно, скорее тону, чем слову.

- Раз уж решился, иди до конца. Александр.

Он назвал его так второй раз за всю жизнь – чужое имя, чужое ему и этой комнате и тому, кем он Махони считал – звук этого имени стер остатки милосердия, терпения, желания помочь, острого сожаления.

Оставил Майкла наедине с собственным демоном.

Идти до конца не всегда означает дурные намерения.

Нужно начинать учиться. Прямо сегодня. Прямо... сейчас.

- Я однажды закрыл тебя в клетке. И ты выбрался. Самое забавное, что сейчас клетка открыта. Но ты не хочешь выходить, - Майкл пересел в кресло, включил телевизор, убавив звук, - раздевайся.

Алекс встал, расстегивая джинсы. Майкл наблюдал за ним, оценивая каждое движение – усталость, боль, неловкое желание угодить.

- Подойди.

Снизу вверх он рассматривал обнаженное тело – бедра, покрытые густым золотистым пушком, узкие колени. Плоский живот, вялый необрезанный член, аккуратные некрупные яички, темно-русые завитки волос в паху. Опущенные вдоль тела руки, траур под ногтями, широкие плечи. Выступающие косточки грудины. Негустая поросль – дорожкой вниз, к пупку, клином - на груди.

Маленькие темно-розовые соски. Вздувшаяся на виске вена. Капельки пота над верхней губой.

Он смотрел на это тело – и не раз – не только несколько ночей назад – но лишь сейчас увидел. Смотрел, пытаясь запомнить, не пытаясь разгадать.

- Повернись.

Алекс повернулся. Майкл сунул пальцы в карман, нащупывая тонкую полоску пластика.

- Заведи руки за спину. Одно запястье на другое.

Дернул хомутик резко, уже не боясь причинить боль или неудобство.

Пальцы Алекса инстинктивно разжались, будто просили о пощаде.

- Повернись обратно, - Майкл не позволил взгляду слишком долго задерживаться на сильной, широкой спине, на маленьких, припорошенных тем же золотистым пушком, ягодицах. Он никогда не думал о себе как о человеке с выраженной бисексуальностью – всегда считал свой вкус довольно прочно обосновавшимися по одну сторону изгороди. Женское тело было загадкой, тайной - полной красоты, притяжения, обещания. Мужское?

Хм. Вряд ли загадка – это уж точно.

Случай с Алексом вообще из другой области – из области наказания, искупления, расплаты.

Ничего другого здесь не замешано. Абсолютно ничего.

С заведенными за спину и связанными руками Алекс смотрел на него, неврно моргая и дергая головой.

- Теперь можешь встать на колени.

Махони помедлил, и, слегка дрожа от напряжения, опустился на одно колено, затем на оба.

Майкл развел бедра шире. Алекс подвинулся вперед, всего на несколько дюймов.

- То, что ты делал в «Шансе». Сделаешь – получишь дозу. Это наказание, Алекс.

Махони вскинул голову:

- За что?

- Ты сам знаешь.

- Ты этого не хочешь... Скофилд, послушай. Это же смешно, ты ведь не пи...

Он быстро, без замаха, но от души, врезал по худой, острой скуле – голова Алекса мотнулась в сторону, кулак проехал по скользящей, и Майкл почувствовал, как под костяшками сминается тонкий хрящик, носовая перегородка. Махони не упал, удержал равновесие, но дышал тяжело, быстро – и через мгновение потекла кровь.

Майкл схватил за его подбородок, потянул, поворачивая лицо к себе:

- Я не пидор, в этом ты прав. Кто здесь пидор, так это ты, Алекс. Тот, кто отсасывал за дозу, разве нет? Так вот, послушай меня, прямо сейчас. Ты сделаешь это, потому что ты всегда делаешь то, что тебе скажут – и ты получаешь свою – ебаную – блядскую – дозу. Ты сделаешь это, потому что ты должен заработать то, что хочешь. Ты сделаешь это еще и потому, что сейчас ты больше ни для чего мне не нужен. Если ты считаешь, что я все еще тот, кем вошел в Фокс Ривер... то Господь тебе помощи. Итак? Алекс?...

Махони мелко, быстро кивал. Скофилд разжал пальцы, и тот отвернулся, втягивая воздух разбитым носом, кашляя и сплевывая кровь.

Майкл расстегнул джинсы. Он не удивился тому, что пришло легкое возбуждение – скорее, физиологическая реакция, чем настоящая эрекция.

Алекс, наконец, откашлявшись, повернулся, вытянул шею, ткнулся лицом ему в пах.

Влажные от крови губы прикоснулись к головке, скользнули дальше – и почти сразу обратно. Еще раз. Еще. Неправильный ритм. Робкие, почти целомудренные, касания языка – не ласка, даже не обещание. Просто касание, и в этой простоте было что-то... трогательное, почти удивительное.

Член иногда задевал зубы – это было даже приятно: острое, живое чувство.

И только теперь Майкл почувствовал желание. Настоящую похоть.

Он хотел отыметь этот рот, кончить в него, пробиться дальше, глубже. Сломать неощутимое, и все же стойкое, сопротивление.

Майкл обхватил руками голову Алекса, регулируя ритм, раскачиваясь навстречу, выгнулся в кресле.

Он слышал собственный короткий стон. Открыл глаза и смотрел, как у Алекса втягиваются щеки, как дрожат короткие ресницы, как набухший член проталкивается в кольцо плотно сомкнутых губ.

Сейчас было совсем по-другому. Не так, как смотреть на Алекса в подвале «Шанса». Вне отстраненности наблюдателя. Болезненно, непристойно, жадно – без примеси недоуменной брезгливости. Нет, здесь и теперь, эти неуклюжие, зажатые движения вперед и назад, раскачивающие качели наслаждения – были моментом соединения, слияния. Почти восторга.

И все могло длиться дольше – если бы он не был так возбужден. Еще несколько коротких толчков, нарастающий сладкий зуд, булькающий звук у Алекса в горле – может быть, кровь из разбитого носа затекла, или это была слюна, или обильно сочившаяся смазка – и Майкл почувствовал, что кончает. Он вцепился в мягкие пряди, спуская прямо в рот.

Наконец, Алекс дернулся сильнее – и он отпустил, член выскользнул, все еще наполовину эрегированный, мягко шлепнул по подбородку, размазывая остатки спермы. Махони шмыгнул носом, сел на пятки, сгорбившись, пряча испачканное лицо.

Майкл запрокинул голову, расслабляясь, и глубоко вдохнул.

- Я выстрелил Бэгвеллу в бедро. Отогнал машину, забрал ключи и запер его в салоне. Он может умереть от потери крови. Но, думаю, копы явятся раньше, чем это случится.

25.

- Я посмотрела снимки. Всё это очень серьезно. Если бы обстоятельства...- она споткнулась, сделала короткую – на вдох – паузу, – если бы обстоятельства были другими, я бы настаивала на немедленной госпитализации.

- Что у него с ногой? – холодно повторил Майкл.

- Разрушение костной ткани. Отторжение импланта. Вторичное образование. Опухоль, отечеканила Сара, и он услышал властный голос, тот, каким она отдавала команды медсестрам в Фокс Ривер.

- Сколько у меня времени?

- Майкл, ты слышишь, что я говорю? У тебя нет времени. Ни дней, ни недель. Ни даже часов. Это не побег, не спецоперация. Это его жизнь.

- Сколько, Сара?

- Ты даешь ему обезболивающее?

Майкл помолчал, обдумывая ответ.

- Нет.

- Почему?

- Ему стало лучше.

- То есть?

- Он... не жалуется. Он больше не говорит об этом. Только хромает.

- Ты должен дать лекарство при первой же жалобе. Понимаешь? Через несколько дней он будет кричать от боли. Температура?

- Мы даем ему «Тайленол».

- «Мы»?

- Алекс. Алекс дает.

Он услышал, как она перебирает какие-то бумаги.

- Больше никакого вара трила.

- Да.

- Ему лучше?

- Я бы не сказал. Что-нибудь слышно о Бэгвелле?

- Он, Сукре и Бейлик бежали из Соны две недели назад. Есть информация, что Ти-Бэг вышел на Гретхен.

- Скажи им, что Книга Птиц у меня. Это будет первым взносом.

- Она им не нужна.

- Что?..

- Они сказали, что книга Уистлера без ключа ничего не стоит.

Майкл облизнул пересохшие губы.

- Что ж, тогда я оставлю её себе.

Он отключил телефон, не попрощавшись. Ключ был в Калифорнии – осталось совсем немного, и он его достанет.

А пока следовало подстраховаться.

Через три дня или даже раньше они пересекут границу самого большого штата.

Он вернулся за столик, где Алекс рассматривал кофе в своей чашке, а Кэм молча ковырял блинчик с черникой. Оба его спутника выглядели плохо – и самый ненаблюдательный взгляд остановился бы на серой коже, покрасневших веках Махони, на бледном, осунувшемся личике его сына.

- Мне что-нибудь заказали?

Алекс вздрогнул, как от удара. Не глядя на Майкла, подвинул ему вторую чашку и тарелку с сэндвичем.

Майкл сел, принялся за еду. Кэм поднял на него глаза – они были такими темными, длинные тени от ресниц прятали свет, прятали блеск, оставляя лишь матовую коричневую глубину.

- Что ты будешь делать, когда мы уедем? Что ты будешь делать в Калифорнии?

- Я? – он через силу улыбнулся, откусил безвкусного хлеба, - в Калифорнии? Нет уж, скорее отправлюсь в Панаму.

- И что ты будешь там делать?

Майкл пожал плечами.

- Открою школу дайвинга. Вместе с братом, это наша... с ним идея.

- Вы вместе откроете школу дайвинга?

- Да. Он, я, и его сын.

- Твой племянник? Сколько ему лет?

- Шестнадцать.

- Он умеет нырять с аквалангом?

- Надеюсь, научится.

- А ты?

- Честно говоря, не очень.

- И у вас есть лодка, и костюмы, и маски, и баллоны?

- Как тебе сказать? Пока что – нет. Но это не проблема в Панаме.

- Ты там уже был?

Он искоса взглянул на Алекса. Тот отрывал от бумажной салфетки узкую полосу.

- Был. Сейчас там живет Линк. Мой брат.

- Я никогда не был, - со слабой улыбкой признался Кэм, - и мама. Хотя мамины родственники живут в Колумбии. Правда, я никогда их не видел. Папа, наверное, тоже

там не был. Он много куда ездил. Раньше, когда работал в ФБР, часто уезжал. Но Панама? Наверное, нет.

Скофилд глотнул кофе. Ответа от Алекса не последовало, и Майкл тихо проговорил:

- Наверное.

- Может, мы приедем к вам. С мамой, - Кэм исподлобья взглянул на безучастно молчащего отца, - со сколько лет принимают в школу дайвинга?

- Для тебя сделаем исключение.

- Правда?

- Угу. Только тебе нужно поправиться. Вести здоровый образ жизни. Например, съесть сейчас свой завтрак.

Кэм ухмыльнулся:

- Разводка для маленьких. Даже папа это знает.

- Ну, извини. Ты меня поймал. Я просто хотел, чтобы ты что-нибудь съел.

- Что-то не хочется.

- А ты попробуй.

- Я хочу в интернет. Мама, наверное, что-нибудь оставила в нашем блоге. Может, поменяла звездные координаты. Она даже не звонит. И мы ей не звоним. Это из-за него... из-за мистера с одной рукой? Давай найдем интернет-кафе, Майкл.

- В следующий раз.

Кэм надулся.

Скофилд поднялся, прошел в туалет. Отлил и повернулся, чтобы вымыть руки, поднял взгляд на своё отражение. Темная полоска из одной ноздри – сначала он увидел, и лишь затем почувствовал влагу. Несколько капель крови упало на край раковины. Майкл с недоумением смотрел, как они бледнеют, расползаются, скатываясь вместе с водой.

Наверное, от перемены климата. Уже декабрь. Он всю жизнь прожил в Чикаго – никогда не встречал Рождество так далеко на юге.

Махони вошел, защелкнув предохранитель на двери.

- Есть что-нибудь?

Майкл втянул носом воздух, пытаясь остановить бегущую кровь, сунул руку в карман.

- Держи.

Отвернувшись, Алекс проглотил.

- Что с тобой?

- Не знаю. Акклиматизация, наверное.
- Кэм уже в машине. Нам надо ехать.
- Сейчас.
- Ты уверен, что все в порядке?
- Абсолютно, - Майкл оторвал полотенце, прижал к носу, - Алекс?

Тот оглянулся.

- Это последняя доза. Больше у меня нет. И не будет.

Махони вышел, не удостоив ответом.

26.

- Лиза? Ты тоже можешь идти.

Генерал Кранц смотрел ей в глаза, в бездонную синюю глубину – и несколько секунд Лиза колебалась. Затем поднялась. Грациозно ступая, вышла. Мягко прикрыла за собой дверь.

Он раскрыл файл, нажал пуск. Вначале невнятное мельтешение, какие-то полосы света, тени, затем в фокусе появилось окно. Коротко стриженная круглая голова. Разговор за окном мотеля на границе Колорадо и Юты. Раздраженные жесты Скофилда, упрямо выпяченный подбородок Алекса.

Итак. Вот оно, доказательство – Александр Махони все еще жив.

Зачем вторая запись?

«Взгляните, вам будет интересно».

Он вспомнил взгляд Лизы, холодный и пустой, и её приклеенную улыбку.

Прокрутил видеофайл до конца – запись с мобильного. В принципе, есть смысл отдать спецам из техотдела, чтобы привели в божеский вид.

Вторая запись – с самого начала более четкая. Шум проезжающих машин на заднем плане.

Окно другого мотеля. Он равнодушно скользнул по строке вниз: ничего не говорящее название. Дыра в мироздании, не больше. Еще одна дыра, а для кого-то, видимо, и норка, чтобы скрыться. Отсидеться. Отдышаться.

Скофилд что-то резко сказал Алексу, отвернулся.

Затем, в развороте, быстро и сильно ударил снизу – в подбородок. Алекс сел, покорно, безответно. Возможно, что-то говорил, но не видно было, шевелятся ли губы. Начал стягивать с себя одежду. О, это уже интереснее.

Скофилд только расстегнул пуговицы на джинсах. Алекс повернулся спиной, согнулся, колени почти под грудью. Затем – такие же быстрые, как удары, движения, соединенные фигуры – Скофилд сзади, Алекс внизу. Лицом вниз, в покрывале, сгорбленная, скорбная поза. Подчинения. Наказания.

Каким-то образом вся эта непристойная пантомима снимала вопросы о том, было ли происходящее делом взаимным и приносящим удовольствие. Может, Скофилду? Только не Александру.

Не его Александру, нет.

Он остановил запись, с минуту слепо смотрел в экран перед собой.

Видеть, как разрушают сделанное тобой – больно. Что бы там не говорили о необходимости и долге. Он не был сентиментален, иначе бы не добрался до тех высот, что достиг. И он не был садистом по натуре – причинять боль всегда означало лишь добиваться необходимого, но не мучить, не уничтожать.

То, что он видел, было чистым унижением. Скофилд, эта грязная мразь. Не зря он так ненавидел Берроуза, Альдо Берроуз был убийцей, животным, лишенным всякого стержня, абсолютно непригодным к управлению, к власти, к тонкой работе. Сейчас сын этой твари насиловал Алекса.

Судьба Алекса была решена, и давно, но Кранц все равно испытывал острое сожаление, почти печаль, почти горечь.

Это была потеря. Потеря для него, для проекта, для будущего.

Кранц поднял голову.

Лиза стояла перед ним: все так же убийственно хороша.

Она с холодной улыбкой кивнула на экран его лэптопа:

- Алекс Махони скорее жив, чем мертв.
- Это всё? – сухо поинтересовался он.
- Нет. Есть еще информация о нашей сучке Гретхен. После того, как сбежала от Вьята...
- Оставь её в покое.

Улыбка слегка увяла:

- Как скажете, генерал. Что делать с этим?

- Соедините меня с мисс Танкреди.
- Она не очень обрадуется таким новостям о своем женихе.
- Не вздумайте ей проболтаться.
- О записи знают только трое.
- Значит, ты будешь молчать, Лиза.

Опять короткий, раздраженный кивок.

- Что мне ей сказать?
- Подготовьте пресс-релизы. Если через семьдесят два часа он не... освободит Алекса, вся страна опять узнает о том, что Скофилд в бегах. И в федеральном розыске. И на этот раз сделаем так, что прошлый забег покажется ему детскими покатушками в парке. А за Алексом я пришлю Вьята.
- Он пытался снять Махони с ватрилла, - словно невзначай, сообщила она.
- Ему было сказано – делать с Александром что угодно. Но это, - Кранц дернул головой, показывая на экран, - абсолютно неприемлемо.

Лиза, едва сдерживая улыбку, протянула ему бумаги:

- Я понимаю. Это не функционально и лишено практического смы...
- Я не позволю этому ублюдку играть по его правилам. Здесь только один набор правил. Мой. Вот и всё.
- Мне кажется, или ты рассержен?

Он поднялся.

- Тебе кажется, моя дорогая. Подготовь материалы по перевозке ключей, и дай мне знать, если что-то пойдет не так. Ты поняла меня?
- Да.

Он взял её подбородок, сжал, ощутив под пальцами мягкую, неуловимо нежную, плоть:

- Ты меня поняла?
- Да, генерал.

Она не переставала улыбаться. Ни на мгновение.

27.

Майкл наклонился, чтобы набрать льда, и в этот момент Алекс вынырнул из теплой сухой темноты, навис над ним. Пробормотал:

- Что тебе дали для Кэма? Там, в Огайо?
- Что?...

Майкл поднял голову:

- А, ты об этом. Он жалуется на что-нибудь?

Махони помедлил. Майкл видел, что он готовится соврать – и опередил:

- Я схожу посмотрю.

- Нет. Не надо... Давай... Давай, я сам отнесу. Что там?

- Лекарство. Обезболивающее. Ему действительно стало хуже?

Алекс мотнул головой:

- А ты как думаешь? Я не пришел к тебе, если бы...

- Если бы не думал о дозе. Так, Алекс?

- Нет. Нет, это не так. Это не для меня, это для Кэма. Я же объяснил.

- Ты ничего не объяснил, - Майкл выудил из стакана кусочек льда, прижал к пульсирующему от боли виску, - так что я ничего тебе не дам. Понадобится моя помощь – я лично отнесу это Кэму и прослежу, чтобы он проглотил. Позвони, если понадобится.

Он повернулся спиной – это была ошибка, но в последние дни Алексу удавалось выглядеть сломленным и безобидным, вечно чего-то ждущим от Майкла – а потому неопасным. Майкл прошел несколько ярдов, когда Махони налетел сзади – профессиональным, отточенным движением сбил его с ног, и тут же набросился с кулаками. А вот это уже была ошибка Алекса. Майкл перевернулся, ему удалось откатиться, и, прикрывая локтем лицо, выхватить оружие. Кулак проехался по его рту, размазывая губы, обдирая о зубы – но глок уже уперся Алексу в шею.

- Слезь с меня. Успокойся, прекрати. Нас могут увидеть.

Алекс, с остекленевшими от злобы глазами, поднялся, и Майкл, не опуская пистолет, ни на миг не сводя взгляда с бледного лица, встал следом. Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор, странным образом разделенные – и еще более странным – соединенные, словно прицел был иглой, сшивавшей их здесь, сейчас. Вместе, навсегда.

- Не делай так больше.

Алекс поднял руку, не донес до лица, усмехнувшись. Затем все же повторил жест, дотрагиваясь до кончика носа:

- У тебя кровь.

Майкл на автомате, все также держа Махони под прицелом, коснулся верхней губы. Пальцы попали во влажное, слегка липкое.

- Ничего. Ничего, это пройдет.

- Майкл, я же не просил всё. Только немного, только... часть.
- Ты прав, это морфинный препарат.

Махони непроизвольно облизнулся, и по спине Майкла пополз холодок.

- Но его мало. Совсем чуть-чуть, это детская доза. Как я могу дать тебе часть?
- Опустит оружие, не надо так со мной разговаривать, опус...
- Стоять, - тихо проговорил он, и Алекс, дергаясь всем телом, отступил, - не двигайся. Дай мне объяснить. Черт, Алекс! Ты меня слушаешь? Ты слышал?!

Махони, спрятав лицо, закивал:

- Да, да, я слышу. Но ему не надо, ему... не надо. Он не просит. Ему не больно, сейчас ему не больно.

Глок в его руке дрогнул.

- Алекс, ты говоришь о Кэмероне. Ты говоришь о своем СЫНЕ, черт тебя дери.

На мгновение лицо Алекса изменилось – он увидел настоящего Махони, боль в глазах, растерянность и страх, и отчаяние – словно лицо человека, что стоит в горящем доме по ту сторону зарешеченного окна. А потом новый Алекс вернулся, и Майкл больше не видел того, кто погибал в пожаре. Видел только пожар.

- Я же прошу. Было бы по-другому, не стал бы просить. Что они тебе дали? Что тебе дали для Кэма? Что? Хотя бы скажи...
- Пренорфин.

Алекс опять закивал, будто заведенный. Вытер пот со лба, пожал плечами:

- Ладно. Ладно, это сильный препарат. Им можно и навредить.
- Тебе – уж точно, - холодно заметил Майкл.
- Мы не должны его давать Кэму.
- Что ж, тогда я выброшу. Спущу в унитаз. Устроит такой вариант?

Алекс вытаращился, губы его дрожали:

- Нет. Нет, кому ты этим поможешь?
- Хочешь предложить что-то другое?
- Опустит этот чертов пистолет.
- Что – ты – предлагаешь? – он медленно, словно по слогам, повторил.
- Что ты хочешь. Всё. Всё. Черт, это не так уж страшно, - на губах у Махони играла кривая, жалкая улыбка, - правда, это просто... Это так просто, Майкл.

Едва за ними закрылась дверь, Алекс принялся раздеваться.

Скофилд сел на кровать, вытирая под носом бумажным платком, стараясь не смотреть на Махони.

- Завтра к вечеру мы будем в Риверсайде.

Алекс повернулся к нему, джинсы болтались у колен.

- Что?

- Мы уже в конце пути, Алекс. Скоро все закончится.

- Мы не поедem в Калифорнию.

- Продолжай это говорить, - он слабо улыбнулся, Glock лежал у него на колене, палец все еще на курке.

Тяжесть оружия не была обременяющей или давящей, нет, она была – приятной, и даже успокаивающей. Может, в какой-то мере помогала сосредоточиться.

- Тебе легче, Алекс. Проще. Каждый раз, когда это с тобой случается... что ты себе говоришь? Что все это ненадолго, и потом ты можешь сбежать в свой уютный, теплый мир с твоим лучшим другом морфиem. И это больше не будет проблемой. НИЧТО больше не будет проблемой. Ведь так? Я видел Линка пять лет назад, в Чикаго. Когда от него ушла жена, когда его сын стеснялся сказать, чем занимается отец. У Линка ничего не менялось – из месяца в месяц, из года в год. Каждый раз он говорил себе – по крайней мере, потом я ширнусь. Вот и всё. Это был... ежедневный хеппи-энд.

Он поднял взгляд на молчащего обнаженного мужчину.

- Я однажды спросил его, а как же я? Куда мне бежать, где прятаться? Он ответил...

Майкл опять опустил глаза.

- Он ответил – зачем? Тебе не от кого бежать. Я понимаю, что он имел в виду другое, но каждый раз, когда я думаю о... Каждый раз я думаю не о том, чтобы найти место, где спрятаться. А о том, чтобы прятаться было больше не нужно.

Он вытащил обойму. Отложил пистолет.

- Когда я смотрю на тебя, я вижу человека, убившего моего отца. Вижу человека, который только что предал собственного сына. Вижу наркомана, шлюху, вижу... тебя. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Чего я еще не сделал с тобой, Алекс? Чего с тобой еще не сделали?

Махони молчал. Пряди волос на висках, там, где пробились несколько седых волосков, были влажными, темными от пота. Одна крупная капля скатилась по длинной шее. Алекс сухо сглотнул.

- Ложись на кровать.

Махони вскарабкался, встав на четвереньки.

- Нет, на спину. Просто ложись.

Алекс подчинился. Майкл еще раз взглянул ему в лицо – но увидел лишь маску покорности и терпения, приросшую маску, и тем не менее... Только её.

Он тряхнул рюкзак, вываливая всё барахло. Привычка, возникшая задолго до Фокс Ривер, задолго до колледжа, еще в приюте, – в нем никогда не унимался этот, порой невыносимый, зуд – упорядочить существование, пусть и таким нелепым способом, как приспособливая вещи друг к другу. Иллюзия гармонии, иллюзия смысла, как сказал бы его терапевт... Господи, неужели у него когда-то и психотерапевт был? Что за жизнь он вёл, подумать только...

На коричневом покрывале лежало несколько хомутиков разной ширины, резиновые короткие шланги, армейский нож, отвертка со съемными насадками, моток капронового шнура, ручное сверло. Несколько пар одноразовых перчаток. Шприцы разного объема – от инсулиновых до крупных, для внутривенного. Бинт, эластичный бинт, кусачки. Зажимы. Скрепки. Иглы.

Экипировка настоящего маньяка. Впрочем, в том мире, где он теперь живет, в мире генерала Кранца, такие вещи становятся не просто нужными – но жизненно необходимыми.

- Ты обещал, - тихо проговорил Махони. Майкл взглянул на него, выбирая нераспечатанный пакет.

- Хм? Что я обещал?

Мускулы на животе Алекса дернулись, и он положил одну руку на грудь, будто удерживая сам себя.

- Ты обещал отдать мне пренорфин.

- Я ведь до сих пор не обманывал?

- Нет. Нет.

Майкл натянул перчатку на левую руку. Что-то в нем кричало, билось внутри от страха и невозможности остановиться. Это было похоже на распорку, которую он вытащил там, в сухом песке Соны – в тот миг, когда кусочек дерева оказался в его руке, он увидел ближайшее будущее так ясно: увидел обрушивающуюся, освобожденную массу, сломанные рейки и мертвое лицо, припудренное коричневой пылью, с неестественно вывернутой шеей. И, хотя он не знал точно, кто падет в этом жертвоприношении – он видел смерть. Эта близость была почти непристойной: таинственный секрет, разделенный между двумя – им и смертью. Побочный эффект, роковое последствие, а, в конце концов, - вершина. Победа над всем, что он тогда пережил.

- Держи, - Майкл кинул Алексу баночку с медицинским вазелином. Единственная смазка, которую они использовали: для каждого из них это означало нежелание признать происходящее чем-то, кроме наказания и искупления.

Пластиковый цилиндр шлепнулся Алексу на живот.

- Тебе нужно действительно много. Очень много, и... - Майкл поднялся, рукой без перчатки потер щеку, - это делали парни в Соне. В Фокс Ривер? Не помню такого. Первый раз я увидел такое... именно в Панаме.

Он криво улыбнулся:

- Видишь, как многому можно научиться. Если внимательно наблюдать.

Алекс молчал. Но не сделал попытки встать.

Майкл взял его руку, провел по ладони, собирая скользкую смазку. Сжал кулак, разжал. Зачерпнул еще вазелина.

- Будет больно. Неприятно. Ты должен глубоко дышать, и... не дергаться. Это опасно.

Только теперь до Алекса начало доходить. Взгляд метнулся от перчатки на лицо Майкла, затем к баночке, все еще валявшейся на покрывале рядом с его животом, и вновь – на Скофилда.

- Ты псих. Ты что... что ты делаешь? – последние слова он произнес одними губами.  
- Я? Это ты, Алекс. Ты зарабатываешь свою последнюю дозу. То, что ты отнял у сына. Ты сказал – «все, что угодно»? Я хочу сделать с тобой именно это. Засунуть в тебя кулак. Возможно, повернуть его в тебе. Прямо в твоём теле. Расслабься. Не шевелись. Дыши.

Он мягко подтолкнул Алексову лодыжку. Потом вторую.

- Подними ноги. Возьми себя под колени. Скоро все пройдет. Ты можешь думать только об этом? Ты закинешься пренорфином, и все... все будет хорошо. Окей?

Майкл сел между его поднятых ног, устроился удобнее. Одну руку положил на живот Алекса, контролируя свой вес, чтобы не давить слишком сильно.

Один палец – от страха мышцы Махони были сжаты так тесно, даже указательный палец протиснулся с трудом. Он потянул наружу, потом опять резко втолкнул – и сквозь слой латекса и вазелина ощущал, как ослабло самое первое – паническое – сопротивление. Второй палец. Третий. Алекс охватывал тесно, тесно и горячо. Еще несколько движений – чуть развел пальцы, немного подвигал вперед и назад.

Чуть вытянул ладонь на себя, и мизинец скользнул внутрь, присоединившись к вторжению. Алекс тихо застонал.

- Эй, ш-ш-ш... все нормально. Просто подумай о дозе.

Но мышцы вокруг него только сильнее напряглись. Он повернул ладонь- влево, вправо. Опять вытащил, спрятал большой палец – и втокнул обратно. Алекс под ним дернулся всем телом, смазки было мало, слишком мало – он ощущал, как сложенная лодочкой рука буквально стиснута в полости, сухие стенки обжимали со всех сторон, словно странный резиновый рукав. Майкл толкнул дальше – и еще, и еще – и в этот момент Алекс отпустил ноги, и, опершись ступнями о кровать, сделал попытку подняться.

- Лежать, - он говорил сквозь зубы, теперь напуганный не меньше своей жертвы. Запястье было плотно охвачено внешним кольцом мышц сфинктера, он видел красноту на белой коже, покрытой негустыми, мокрыми от пота, золотисто-русыми завитками.

Медленно, осторожно, боясь даже дышать, он развел пальцы внутри Алексова тела. Махони вновь застонал, его голова запрокинулась, руки сгребли покрывало по обе стороны бедер.

- Нет. Не шевелись, сейчас не шевелись.

Майкл свел пальцы в кулак – сначала четыре, потом большой – каждый из пальцев ощущал лишь латекс перчатки, но вместе, сложенные и обжатые в жаркой, тугой глубине – они странным образом обретали способность чувствовать больше - едва ли не пульсацию вокруг – и это было удивительно. Это... завораживало.

Он поднял голову и улыбнулся. Алекс смотрел на него из-под ресниц, лицо залито потом, зубы оскалены, пятна румянца на скулах. Майкл вдвинул кулак дальше – и боль мгновенно исказила эти черты, углубила морщины, растянула рот.

Для эксперимента он пошевелил кулаком вниз – Алекс вскрикнул, и тут же прикусил губу, - и вверх – и глаза его жертвы закатились, показались налитые кровью белки, и на секунду Майкл испугался, что Махони просто потеряет сознание. Вокруг его запястья выдавилось немного влаги – коричневатой, негустой.

Он не чувствовал возбуждения, триумфа – нет, ничего такого. Только любопытство, и странное, теплое удовольствие – от того, как туго сжимались эти мышцы, и все же не могли вытолкнуть вторгшегося, от того, каким беспомощным, и сильным, упрямым, и полным доверия - было лежащее перед ним тело.

Поразительное, головокружительное ощущение власти, полной, безраздельной, настоящей, граничащей почти с... нежностью. Почти с любовью.

- А теперь отпусти меня, Алекс.

И он потянул кулак на себя.

28.

Она постучала в стекло.

Сэмми мгновенно проснулся, замотал головой, встряхнулся, словно пес.

Фелиша улыбнулась, отсалютовал большим кофейным стаканом:

- Доброе утро. Кажется, есть хорошие новости.

Сэмми наклонился через пассажирское сиденье и открыл ей дверь. Пробурчал, забирая свой кофе:

- Хорошие – это от Саллинса или по-настоящему хорошие?

- Это об Алексе. В паре часов езды, мотель «Пустынник». Там на стоянке была какая-то ссора, портье, в-общем, было плевать, но мимо проехал поздний патруль. Один из парней угрожал другому оружием. В этих краях не такая уж редкость, конечно. Поэтому они укатили на срочный вызов, драка в баре, и все такое.

- И - что?

- Ну, через несколько часов они все-таки заявили в «Пустынник», чтобы разобраться, и подозреваемые рванули со скоростью ветра. По полицейской волне передали приметы. Двое мужчин, один явно старше другого, и мальчик лет восьми. Так что едем.

Сэмми уже разворачивался, выводя джип на федеральную трассу.

29.

Гретхен наклонила голову, разглядывая дремлющего в больничном кресле человека.

- Эй. Спящая красавица, очнись.

Человек зашевелился, приоткрыл тонкие красноватые веки. Синяк на скуле уже начал сходить: желтое на сером. Синяк на челюсти все еще отливал благородным зеленым.

- А, это ты, - Ти-Бэг прочистил горло, - как ты сюда вошла? Этот ублюдок, Селф. Понатыкал по всему крылу охрану. Стоило вытаскивать меня из всего дерьма, вытаскивать пулю из проклятой ноги, чтобы посадить... Какая ирония, ты не находишь?

- Скажи спасибо, что не пришили тебя там, в машине. Ты потерял книгу, упустил ключ, да еще и позволил себя пристрелить. Тебя вообще надо было пришить на месте.

- Да уж, ты бы так и сделала.

- Ты прав.
- Значит, с нами покончено? Мы ему теперь без надобности, сладенькая?
- «Мы»? Нет никакого «мы».
- Сука.

Она прошла по комнате, высокие каблуки, шелковая блузка, аккуратно уложенные волосы.

Меньше всего хотелось тратить время на этого говнюка, но...

- Хочу заключить с тобой сделку, Бэгвелл.
- А-ага, - протянул он, приглаживая жиденькие пряди надо лбом, - сделку, вот как? Леди приглашают джентльменов?
- Заткнись. Хочешь уничтожить Скофилда?
- Больше, чем когда-либо, крошка Гретхен. Какой твой интерес, вот вопрос?
- Значит, есть.
- М-нэ. Дай подумать, - он картинно подпер подбородок рукой, - ты решила насолить Селфу? Какие-то счета, о которых я пока не знаю?
- Мне плевать на Селфа. Меня волнует только Скофилд. Он нужен мне мертвым. Так ты согласен?
- Я опять в доле?
- Только до момента, пока он мертв.
- А потом что? Эта богом спасаемая страна опять спустит на Ти-Бэга своих ищек? И ты будешь первая, а, Белоснежка?
- Нет. Это все, что я могу обещать.
- «Нет»? Просто – «нет»?
- А я не говорила, что подписываю с тобой контракт.
- Тогда какого хера...
- Я дам тебе шанс, Бэгвелл. Больше никто не даст. Так что выбор у тебя небольшой.

Она раскрыла свою сумочку и достала револьвер.

- Сумеешь с этим управиться, однорукий?

30.

- Фернандо? Ты откуда, друг?

Впрочем, он уже догадывался, откуда. Этим утром Линкольн чувствовал нехорошее – чертова интуиция, или что? Хер знает, как это называть, но утро было довольно-таки хреновым. И этот звонок не делал лучше.

- Из Фокс Ривер, Линк. У меня не так, чтобы много времени.
- Да? Как там твое слушание?
- Они сняли с повестки дня экстрадицию, а остальное – как-нибудь.
- Слушай, если бы я мог...
- Не надо, Линк. Я не для того звоню.

Что-то оборвалось у него в груди, и он встал из-за стола, махнув рукой встревоженной Софии: мол, все в порядке. Элджер обернулся, провожая его взглядом. Линкольн прошагал на террасу.

- Да? Слушаю тебя.
- Майкл попросил меня об одном одолжении. Надо будет переправить в Панаму мальчика. Ему изменят имя, фамилию, сделают документы. Этим мой кузен займется.
- Тот, которому ты свадьбу расстроил?
- Линк, у меня двенадцать кузенов.
- Ну, окей. Разве мальчика одного пропустят через границу?
- Нет. Он будет с сопровождающим. Это человек из нашей семьи. Запомни имя: Пабло Контес. С ним будет его дядя, Рамон Контес.
- Хорошо. Я понял тебя. Это просьба Майкла?
- Да.
- Он сам... он вернется?
- Я не знаю, папи. Похоже, у него все серьезно. Но ставки высоки. И, если всё получится...
- Не беспокойся, друг. Скажи Майклу, если... если будешь с ним говорить, скажи, что я сделаю все, что нужно. Скажи, что я на связи. Что у меня... у нас, у нас все хорошо.
- Да. Прощай, Линк.
- До свидания, Сукре, - но в трубке уже раздавались гудки.

31.

- Останови.
- Ты видел патрули, Алекс? Мы только что свернули. Я не могу остановить.
- Я сказал – останови.
- Папа, мы уже в...
- Помолчи, пожалуйста.

Алекс прижал ладони к глазам. Резко надавил, отпустил – чтобы прошел туман, слепящий, неуловимый, заползавший с периферии зрения. Он не мог понять, в чем дело. Неужели передоз? Нет, этого быть не может. Им надо выбираться отсюда, выбираться любой ценой. Даже если понадобится пришить Скофилда. Он знал, что именно это и придется, в конце концов, сделать, и сегодня трусить и раздумывать было поздно. До границы штата каких-то тридцать миль. Это последний шанс для них с сыном. Последний.

- Майкл, - он почти взмолился.
- Перегнулся и схватил руль. Машину вынесло на пыльную обочину, Скофилд потерял управление, Алекс одной рукой отжимал его к двери, другой пытался вырулить, чтобы не съехать в темневшую в нескольких ярдах от дороги канаву.

Он слышал, как Кэм взвизгнул на заднем сиденье.

- Держись, - машину развернуло, крутанув на месте.  
- Что ты делаешь, что ты творишь, - Скофилд выставил локоть, пытаясь одновременно и защититься, и атаковать. Алекс несколько раз ударил – наугад и не особенно стараясь.

- Не надо, не надо, папа, - Кэм пока еще не кричал, но в голосе слышались истерические, молящие, ноты.  
- Успокойся. Выходи из машины.

Он опять ударил, попав костяшками по острому локтю, и едва не завыв от слепящей боли. Правда, и Скофилд чувствовал себя неважно. Во всяком случае, теперь он просто закрывал лицо. И это было хорошим знаком. Он наклонился над своим врагом, ощупывая куртку в поисках спасительной тяжести.

- Где он?  
- Алекс, я...  
- Где – ебаная – пушка?

Скофилд исхитрился просунуть руку себе за спину и открыть дверь. Он лягнул Алекса под колено и вывалился в придорожную пыль, кашляя и пыхтя. А через секунду Алекс уже смотрел в маленькое черное отверстие.

- Черт, Алекс. Не заставляй меня это делать.

Обезумев от ярости, от застилающего глаза тумана, он отшатнулся, рванул дверь со своей стороны.

- Папа! Майкл! Что вы делаете, папа!...  
- Давай, стреляй, говнюк. Давай, что ты? Чего ты ждешь?

Алекс изо всех сил ударил по капоту. Скофилд поднялся с земли, пистолет в его руке дергался.

- Садись обратно в машину. Ты пугаешь ребе...  
- Заткнись, ублюдок. Мы никуда не едем. Мы не едем в чертову Калфорнию, я не позволю тебе продать нас с сыном...  
- Я никого не собирался продавать.  
- Правда? А я уж подумал, что неправильно умею складывать два и два. Ты дал ему чертову Книгу Птиц. Ты дал моему сыну эту гребаную книгу. И я видел там адрес. Я видел, где это. Ты поедешь туда без нас. Мы больше не в игре, Майкл.

Скофилд молчал, пытаясь отдышаться, но с прицела его не снимал. Алекс надвинулся ближе.

- Ты все не так понял. Это не игра. Не моя игра.  
- Зачем тогда ты ему дал?

- Ты не понимаешь, ни черта не понимаешь, Алекс. У нас мало времени... У тебя, у меня. И у твоего сына. Мы – вдвоем, неужели еще не дошло?
- Я просто хочу убраться из Штатов. Это тебе нужны коды, шифры и чертежи. Мне – не нужны. Мне нужен Кэмерон. Мне просто нужен мой сын.
- ИМ он тоже нужен, Алекс.
- Что? Что ты сказал?
- Я сказал, что им нужен Кэмерон, и я просто...
- Ты... Ты понимаешь, что только что выдал сам себя? Отпусти нас. Отпусти, Майкл.
- Иначе что? Ты в моем прицеле. Ради бога, Алекс, послушай меня хотя бы сейчас. Тебе нужна была доза – ты получал дозу...
- Заткнись. Просто ЗАТКНИСЬ.

Хлопнула дверь.

- Кэм, вернись в машину, - проговорил Скофилд, не сводя взгляда с Алекса.
- Пап? Майкл?

Алекс вздрогнул от тихого, напуганного голоса. Он обернулся, и увидел своего сына – синяя футболка, широкие хлопковые штанишки, узкие плечи. Слишком худые руки, впалые щеки. Нечесанные, отросшие волосы.

Огромные черные глаза. Полные ужаса, мольбы.

- Мы уходим, приятель, - проговорил он негромко.
- Уходим? Куда?
- Мы поспорили насчет Канады, помнишь? На телескоп? Или на приставку. Я не помню точно. Я куплю тебе то и другое. Обещаю. Обещаю, Кэм. Мы сейчас поедem на север, и...
- Пап, что с тобой? Ты... ты описался? – и лицо Кэма, до того неестественно спокойное, вдруг сморщилось. Слезы потекли ручьем: он плакал беззвучно, горько.

И тогда Алекс медленно перевел взгляд на собственный пах, на грязные голубые джинсы. Между ног и выше – пародией на эти новомодные вываренные узоры – расплывалось круглое темно-красное пятно.

32.

Чарльз «Псих» Патошек, на самом деле, никуда не уходил. Он просто хотел подождать, вот что. Просто хотел подождать. Честно говоря, он думал, что все как-нибудь образуется. Не то, чтобы все к тому и шло, но... Но ведь, например, если построить плот – есть шанс доплыть до Голландии? Теперь, когда... когда он... словом, теперь он знал наверняка, что шанс есть всегда и у всякого, и вот почему он считал, что как-нибудь, когда-нибудь - все образуется.

Правда, лучше не становилось. Поскольку теперь (ну вообще-то, может и не «теперь», а всегда) он мог видеть все словно в калейдоскопе – ну, то есть... как бы это сказать? Он мог видеть много, очень много, **ОЧЕНЬ** много. Слишком много. Ну и, поскольку теперь он мог видеть сразу много всего – так, что иногда начинало рябить в... глазах? Или может быть, в голове? Словом, поскольку теперь он мог видеть сразу много, очень много, всего – он видел, что ураган надвигается. И ураган закручивался, закручивался тугой, вязкой спиралью – и что оставалось? Разве что... оставалось только смотреть. И ждать.  
И смотреть.

Он смотрел, как старик вытирает слезы, как откашливает густую вонючую слизь – то, во что превращались его легкие там, внутри. Старик откашливался, вытирал рот концом рубашки, кашлял опять, задыхался, кряхтел, поднимаясь с продавленной кровати в пустом мотеле. Старик собирал свои вещи – грязный длинный мешок, в котором болтались носки, сигареты, лекарства и патроны. Бережно поднимал с кресла своё ружье, и гладил его кривыми пальцами, и высыпал на покрывало патроны, и опять заряжал, и так всю ночь, и все ночи напролет – одна за одной, одна за одной – пули, одна за одной – ночи. Телевизор всегда работал на полную громкость, и Чарльз слышал, как к старику стучали и требовали убавить звук, и старик всегда притворялся глухим и/или спящим, и от него отставали, но так только до следующего мотеля. Телевизор всегда показывал черно-белые, глупые и фальшивые фильмы, из тех, которые старикан Патошек тоже любил (ну, что значит «тоже»? в-общем, любил), правда, смотрел всегда без звука.

Сам Чарльз их ненавидел.

Патошек смотрел, как старик укладывает в нагрудный карман фотографию, но знать не желал, что на ней: и может, именно потому, что он знать того не желал, он совершенно точно знал, что –

нескладный, тощий подросток, а красномордый бугай – типичная белая шваль в засаленной клетчатой рубаше, - ухмылялся, приобняв мальчишку за острые плечи. Фоном - грязно-белая стена трейлера за их спинами, кусок замызганного окна с цветастой шторой...

Словом, Патошек знал, что на этой картинке. Для него она не имела особого смысла, зато старикан просто вцепился в неё. Всюду носил с собой, словно индульгенцию. Или пропуск – непонятно, куда. Для него она была чем-то вроде... Голландии. Да, чем-то вроде Голландии.

Чарльз также видел, как всего в паре десятков миль от старика, в летящей по хайвее машине ссорились двое: они не ругались и не кричали, но Патошек просто знал, что они ссорятся.

Черная леди говорила. Здоровенный ирландец слушал. Она говорила, говорила, говорила. А потом ирландец что-то пробурчал себе под нос.

- Прости?..  
- Пусть ноги станут из стекла, - повторил он.  
- Что это значит?  
- У твоего Алекса ноги из стекла с самого рождения, вот что. Это проклятие, ирландское пожелание. Знаешь, вроде: чтоб тебе пусто было. Или – чтоб тебе не везло ни в чем. Типа того.

Она молча уставилась за окно, в сухую теплую ночь пустыни, и больше они не ссорились, и ничего друг другу не говорили.

Поскольку теперь он обрел способность не только видеть много чего, но и двигаться много где, то легко мог перелететь сотню миль над пустыней, и посмотреть на другую машину. Ту, в которой за рулем был этот псих, то есть – настоящий псих, а не «Псих» Патошек. Теодор Бэгвелл. Радио у него орало во всю мощь. Хотя он не был глухим, просто любил все громкое и красивое. В-общем, радио у него орало на какой-то кантри-волне, а Бэгвелл еще и подпевал. Вот как.

Рядом с ним на переднем сиденье, валялся большой револьвер, и Бэгвелл иногда косился на него, с таким удовольствием, точно это не револьвер был, а кусок лаймового пирога.

Всего в нескольких милях от орущего кантри Чарльз видел другого рыжего. Верзилу с большими веснушчатыми кулачищами. Опершись о капот и глядя в просвеченную фарами темноту, вытянув шею, выпучив водянистые глаза, он с кем-то ругался. С кем-то невидимым. И по правде говоря - все, что он мог теперь сделать – это от души поругаться.

- Почему не Риверсайд? Я был бы там раньше неё, этой суки. Она ничего не успела бы сде... Да, да. Да, хорошо. Я понял. Это еще как посмотреть. Я не хочу стрелять, вот почему. И мне придется... Окей, и что? Сделали запись с телефонных переговоров в Фокс Ривер? Мы его уже упустили. Нет смысла... Ладно, ладно, хорошо. Это классика, да. За двумя зайцами и ни одного. Если... Хорошо. Да... Окей. Ладно. Я собираюсь оповещать патрули. Если в этой дыре способны организовать грамотный блок-пост... Что? Что? Связь плохая. Связь просто... Блядь! Твою мать! Алло? Алло, меня слышно?! Ну, твою же мать!...

И рыжий размахнулся, едва не швырнув сотовый себе под ноги.

Через несколько часов солнце взойдет – Патошек, едва подумав об этом, уже видел, как выкатывается над горизонтом раскаленный алый шар. Вот какие способности (помимо всего прочего, кстати) он теперь приобрел.

Солнце освещало дорогу и ряд пыльных деревьев, и унылые пыльные домишки маленького городка, и подстриженные газоны, и воду, бьющую из чьей-то поливалки – пустыня закончилась, по крайней мере, для троих в грязной машине, что мчалась на

полной скорости там, где, вообще-то, был знак ограничения: здесь дети могли переходить дорогу. Когда возвращались из школы.

Патошек видел бескровное лицо человека рядом с Майклом. И Майкла, чьи брови были нахмурены, а пальцы впились в руль, словно приросли к черному пластику.

А еще Чарльз видел, как под футболкой с длинным рукавом гноились и заживали, стягивались в свежие полосы, шелушились – следы его любимого лабиринта. Того, который его и погубил. Но все равно был самым... самым интересным и самым любимым. Там, где ангелу выжгли крыло, теперь был просто участок розовой кожи – а вокруг были ссадины и язвочки, целые полосы снятой и вытравленной лазером, плоти. Скомканные обрывки, видения лабиринта – оборванные и почерневшие следы коридоров, хитросплетения ветвей, окон и глаз – превращенная в бессмысленное месиво, некогда самая восхитительная на свете, загадка.

И Чарльз видел другую кровь – ту, что сочилась из разрывов, из тех разрывов, что когда-то, когда его старикан был еще жив-здоров, а сам Патошек-младший едва пошел в начальную школу, были у него самого – и он знал, что эта кровь уже остановилась, а боль, напротив, только начала прорываться сквозь наркотик.

Мальчик спал на заднем сидении – такой же бледный и измученный, как и его отец. Мальчику снились кошмары, но в них Чарльз заглядывать не хотел – боялся просто заблудиться, потеряться там, в живом лабиринте детского страха.

Он все же посмотрел туда, в темную, манящую и простую, как комната в загородном коттедже, пустоту. Посмотрел, отчасти из любопытства, отчасти пытаясь...

И надо же, как раз когда он отвлекся, тормоза противно завизжали.

Майкл Скофилд грудью ударился о руль, Алекс лицом влетел в ветровое стекло. Патошек тоже закричал – закричал так ужасно, что мальчик проснулся. Приоткрыв рот, он крутился в салоне, пытаясь нащупать ручку двери. Мокрые пальцы слепо и безнадежно скользили по выступам и изгибам.

- Папа! Майкл! Папа? Папа?..

Патошек рванул дверь, и ладонь мальчика, наконец, надавила на нужный рычажок.

Чарльз только подумал, а уже был высоко – наверное, так высоко, как птицы. Теперь он не боялся высоты, это уж точно.

Из джипа, перегородившего путь Алексу и Майклу, выскочил рыжий. В руке у него был пистолет. Лицо невыспавшееся и хмурое. Он навел прицел на мальчика, потом стал медленно обходить машину.

Алекс, пошатываясь, держась за скулу, вышел. И стал пятиться.

- Стоять! Дональд Селф, Министерство внутренних дел. Производится гражданский арест...

И тут появился Скофилд. Его рука была протянута к Дональду Селфу, но он ничего не просил. Он целился.

- Скофилд, опусти оружие. Ты мне не нужен.

Но они все пятились от машины – Скофилд, Алекс, Кэмерон, пока не очутились рядом, прикрытые капотом, в паре десятков ярдов от Селфа.

Чарльз видел, как они все собираются здесь, на окраине пыльного городка – вот подъехала здоровенная бронированная тачка, и оттуда, на ходу вытаскивая пистолеты, выскочили черная леди и ирландец. Они целились не в Дона Селфа, который собирался производить арест, а в Алекса и Майкла. И в Кэмерона, который теперь прижимался к отцу и молчал.

- ФБР. Майкл Скофилд, положите оружие. Алекс! Алекс, это Фелиша Лэнг.

Он обернулся. Смотрел ей в лицо. Она едва заметно покачала головой, и ирландец скорее почувствовал, чем заметил, это движение. И он злился, этот ирландец.

А потом появились еще два гостя – к машине Селфа подкатило радио кантри, а за машиной ФБР остановился раздолбанный пикап.

Только эти двое не кричали. Они зашагали – каждый со своей стороны и оба слегка прихрамывая – и Патошек видел, как, не сговариваясь, и даже не видя друг друга, они двигались на разных концах одного отрезка, будто две чаши весов.

- Кэмерон, - сказал черная леди, - иди сюда, Кэм. Иди, не бойся.

Мальчик не шевелился. Алекс медленно поднял руки.

- Хорошо, Алекс. Слышишь меня? Не делай глупостей, и все будет хорошо. У вас нет шанса. Поэтому, пожалуйста...

В этот момент грохнул первый выстрел.

Сделал его этот псих, Бегвелл. Он прижался к открытой двери машины Селфа и ухмылялся каким-то своим мыслям. Чарльз видел, как Алекс пригнулся и прикрыл сына. Кэмерон заплакал, заревел в голос и громко. Скофилд завертел головой, как безумный, и то же самое делали остальные трое – рыжий Селф, ирландец и Фелиша Лэнг – и никто из них оружия не опускал.

Но никто и не стрелял.

Кроме Бэгвелла. Он опять прицелился, и пуля чиркнула по капоту, в нескольких дюймах от майклова бедра. И почти сразу – вторая, подняла фонтанчик пыли у ног Алекса. Да, стрелять однорукому – очень тяжело.

И, едва Патошек это подумал, а Селф, черная леди и ирландец бросились к своим машинам, чтобы укрыться – как старик поднял ружье.

- Алекс, - сказал он скорее самому себе, чем своему сыну. Да и вряд ли тот мог его слышать. Он даже не смотрел в его сторону. Но старику это было не нужно.

Может, он был болен, и кашлял вонючим гноем – но прицелиться, в отличие от психа из Алабамы, мог.

Пуля снесла Теодору голову – да, вот так именно и сносят голову – в каком-то странном оцепенении подумал Патошек.

А потом он заорал. Завыл, как банши. Потому что Теодор Бэгвелл с этой секунды был мертв, потому что мозги его, и крошево из костей черепа, и кровь, и ошметки кожи, и даже глазное яблоко с серым кружочком радужки посередине – все полетело на обочину, в пыль, в ничто.

Из праха приходим, и в прах...

- Алекс, беги, - сказал старик, все тем же скрипучим и негромким, севшим от усталости и кашля, голосом.

Его сын не слышал, он стоял, согнувшись, и пряча Кэма, прикрывая руками голову сына. Ему было не до старика.

Зато Селф заметил, и больше не раздумывал – стрелять или нет. Патошек видел, как нелепо взмахнул руками и опрокинулся навзничь тот, кто только что пришел однорукого психа Ти-Бэга.

- Кэм, беги, - прошептал Алекс, он развернул мальчика и подтолкнул туда, где валялся Бэгвелл, точнее, ну... его тело.

Кэм побежал – от страха просто понесся, не разбирая дороги.

А потом и Майкл, и Алекс бросились в разные стороны.

Когда ничего сделать нельзя, можно убежать.

В это Чарльз «Псих» Патошек твердо верил.

Похоже, Деннис Махони, упокойте небеса его душу, тоже так считал.

33.

Улица, тихая, с широким проездом и приземистыми домами, была оранжевой и золотой от солнечного света, и апельсиновые деревья, низенькие пальмы и розовые кусты в палисадниках – все было умытым, и свежим, и ярким.

Жалюзи в квартире были опущены. Он раздвигал их пальцами и смотрел на калифорнийскую улицу, на редкие машины, на неестественно-зеленую, без единого выгоревшего пятнышка, везде ровно подстриженную, траву.

Майкл взглянул на часы на своем телефоне. Еще два часа. Точнее... час и пятьдесят шесть минут. Пока что укладывается в план.

Он прошел по пустой гостиной – из мебели только широкий продавленный диван, - в кухню. Здесь, на ровной столешнице, лежал шприц. И больше ничего – ни посуды, ни техники. Длинная льняная штора на окне была опущена.

Майкл поднял шприц, сунул в карман. В ванной слышен был шум воды, он двинулся мимо прикрытой двери по узкому коридору – две спальни, одна за другой. В дальней, с темно-синими стенами и такой же плотной шторой на окне, на широкой кровати лежал Кэм. Несколько страниц из Книги Птиц он разложил перед собой.

- Что ты делаешь?
- Это похоже на чертежи, - равнодушно проговорил Кэм.
- Хочешь собрать всю картинку?
- Не знаю.
- Ладно. Ладно, я здесь, на кухне. Скажи, если понадобится...
- Мы кого-то ждем?
- Что? Нет, никого мы не ждем. Мы просто... отдыхаем. Никуда не торопимся, и никого не ждем. Я же говорил, что в Калифорнии будет лучше. Ты в порядке?
- Да, - тихо пробормотал мальчик.
- Ты правда ничего не хочешь?
- Нет.
- Тогда лучше полежи здесь. Отдыхай, окей?
- Майкл?

Он оглянулся.

- С папой все хорошо, правда?
- Да. Конечно.

Майкл кивнул, закрывая дверь.

Алекс сидел на краю кровати. Лицом к окну, и свет, проникавший через жалюзи, выхватывал полосы обнаженной кожи, влажные волосы, капли воды на плечах.

- Это всё? – тихо проговорил он.

- Не совсем.

Майкл сел рядом, спиной к спине – и несколько минут они молчали, просто слушая шум проезжающего автомобиля, короткую трель велосипедного звонка, далекий собачий лай.

- Ложись, - Майкл, наконец, поднялся, вынимая шприц и иглу в пластиковом колпачке.

Алекс послушно лег, на Майкла он не смотрел, взгляд застыл на вентиляторе, на неподвижных, покрытых пылью деревянных лопастьях.

Прикрытый полотенцем пах, голые тонкие ноги, язвочки на тонкой коже с внутренней стороны, и дорожка волос. Майкл смотрел на него, и, как тогда, в их первую ночь – видел детали, но за мозаикой ощущений, текстур, фактов, движений – не мог различить Алекса, не мог его узнать, не мог даже вспомнить.

Он прижал руку ко лбу.

- Фелиша, - пробормотал Алекс.

- Что?

- Лэнг. Она хотела забрать Кэма.

- Затяни жгут, - Майкл показал на лежавший рядом с подушкой отрезок резинового шнура.

- Почему?

- Почему – что?

- Мы не должны отдавать им моего сына.

- Конечно, нет.

Алекс намотал в два ряда, вытянул руку перед собой, сжал и разжал кулак. Согнул руку, опять вытянул – и так несколько раз. Нетерпеливо похлопал по сгибу.

- Давай.

- Я сам. Я... помогу.

- Не надо.

Майкл вставил иглу, стравил пузырьки. Ему показалось, что он слышит, как Алекс нетерпеливо вздохнул. Облизнул сухие губы.

- Ладно, давай. Мне без разницы.

Майкл опустился на кровать – сел на одно колено, наклонился к самому лицу. Может, если он будет ближе, он сможет... узнать? Найти.

- Что? Забавно, да?
- Забавно?
- На меня смотреть?
- Тебе больно.
- О чем ты?
- Там... тебе больно?
- Брось, я пять часов был под кайфом.
- А потом?

Махони усмехнулся:

- Ну, ходить немного... странно. Все время хочется пошире ставить ноги. И, честно говоря, я не готов пока по-человечески просрать. Это всё.
- Прости меня.

Алекс уставился на него. Без удивления, с легкой усмешкой.

- Спасибо, что не бросил нас там.
- Спасибо, что не...

Он оборвал сам себя.

- Давай руку.
- Ты в вену-то попадешь?

Он придерживал локоть, игла вошла мягко, легко. Надавил на поршень.

Плоть под его пальцами ослабла, словно потекла. Алекс закрыл глаза.

- Алекс? Ты меня слышишь?
- Слышу.
- Прости.
- За что опять, Скофилд?
- Это не твоя доза.

Глаза раскрылись, широко и испуганно – короткая паника, сменившаяся туманом. Зрачки превращались в крошечные точки. Тонкие губы растянулись в дурашливой улыбке:

- Нормально. Нормально.
  - Я... хотел попроситься.
  - Уже уходишь? погоди, дай оклематься. Я могу помо... помочь... Майкл? Скофилд?
- Не уходи сейчас.

Рука Алекса приподнялась - и упала, безвольная, бледная. Майкл нащупал ладонь, сжал прохладные, слабые пальцы.

Потом наклонился и прикоснулся губами к серым губам – они были мягкими, даже нежными. Он чувствовал мятный запах и сладковатый привкус зубной пасты.

- Обещаю позаботиться о Кэме.
- Не говори своему брату. Он... меня ненавидит... он... не простил...
- Нет, Алекс. Нет, не скажу.
- Что это за срань? Я просто...

Глаза Махони закатились, рот широко раскрылся. Он сделал судорожный, короткий вдох – и только тогда в голосе прорезался страх:

- Что ты... вколол?... Это... это золотой?
- Т-с-с.

Он положил ладонь на рот Махони. Слегка прижал:

- Не кричи, ты его напугаешь. Я не отдам твоего сына, никому из них.

Он оторвал руку от мокрых губ, провел пальцами по лбу, убирая длинную прядь.

- Это твой план?
- Да.
- Ты с ними заодно. Ты такой же, как я.
- Нет. Теперь - нет.
- Линк, - выдавил Алекс.
- Что?
- Не... надо... не говори Линку...
- Все будет хорошо. Никому не скажу. Я обещаю.
- Линк.

Майкл оставался с ним рядом – пока Алекс не расслабился. Смерть стирала ужас и отчаяние с его лица. Разглаживала морщины, убирала следы болезни.

Он еще раз взглянул на телефон. Один пропущенный звонок.

Пульс на шее еще бился – короткие непрерывные, лишенные смысла толчки.

Десять минут. Он должен пождать десять минут.

Когда в запасе оставалось меньше получаса, он встал и натянул покрывало до самой груди мертвеца. Голова Алекса была повернута, из угла рта вытекло немного слюны.

Майкл закрыл ему глаза.

34.

- Куда мы идем? И без папы?
- Тише, Кэм. Алекс спит. Он очень устал.
- Я могу остаться с ним.
- Нет уж, лучше давай со мной. Я знаю, где есть интернет. Ты ведь хотел посмотреть свой блог?
- Наш. Наш блог. Мой, и мамин.
- Окей. Значит, хочешь? Вдруг там новые сообщения?
- Да, но... А если... если они опять нас найдут? Его найдут? Или нас?
- Ничего такого не случится.
- Папа тоже это обещал.
- На этот раз без дураков, приятель.
- И что? И куда мы идем? У меня нога болит.
- Мы едем.
- Куда, Майкл?
- Возьми с собой Книгу Птиц.
- Что, если папа проснется, пока нас не будет?

35.

Она наблюдала за девочкой из машины. Мать замешкалась у полок с чистящими средствами, и Сара, еще раз взглянув на часы, шагнула на тротуар.

Эмили крутилась в кондитерском ряду, трогая пестрые упаковки конфет и жвачки, разглядывая картинки, шевеля губами.

Сара остановилась рядом с ней и выпустила сумку из рук.

- Ох. Ну и я растяпа.
- Эмили!
- Я здесь.
- Я забыла про персики.
- Я сейчас, мамочка.

Девочка не двинулась с места – Сара присела перед ней на корточки, собирая безделушки, косметику, ворох открыток. Книгу Птиц и выпавшие из неё листы.

- Поможешь? – она подняла глаза, как бы невзначай, словно только что заметила маленькую незнакомку.
- А это что такое?
- Это? О, это просто... смотри...

Эмили подошла ближе.

- Твоя мама тебя позвала.
- Я могу помочь.
- Что ж, буду очень благодарна, - и Сара ей улыбнулась.
- А это... Ой.
- Осторожнее, это острая штука.

36.

Она протянула ему телефон.

- Скофилд. Он успел...
- Выйди.

Пока Лиза шагала к двери, он молчал. И в эти секунды ему казалось, будто в трубке слышен низкий гул садящихся самолетов.

- Алекс? – он решил не утруждать себя приветствием.
- Он мертв.
- Я могу удостовериться?
- Уверен, что ваши люди уже в курсе, - холодно сообщил Майкл.
- Хорошо. Я отзову все пресс-релизы. Книга? Ключ?
- Они у меня.
- Где? Они должны быть у МЕНЯ, Скофилд.

Майкл назвал адрес.

- Это что, попытка тянуть время?
- Сейчас половина одиннадцатого утра. Вам уже принесли почту.

Он схватил пачку конвертов с края стола. Ничего необычного, рутинный трафик документов.

- В синем конверте, - проговорил Скофилд, словно прочитав его мысли.

Кранц разорвал бумагу. Раздраженно буркнул:

- У меня есть его генетический паспорт.
- Это данные Эмили Кранц, генерал.

37.

Чарльз «Псих» Патошек, когда был жив, в машине редко ездил – дело, конечно, было в том, что у них с отцом и машины-то не было. И вообще, автобусы ему больше нравились.

И все же эта поездка ему пришлась по душе: он с наслаждением пялился на пролетающие мимо дома, цветы, газоны, заборы, поливалки, велосипеды, витрины, столики из красного пластика, лотки с мороженым и парусиновые тенты.

И на собак. И на людей.

Рядом с ним сидел Кэмерон и смотрел в другое окно. Он ничего не говорил. Хотя Патошек видел боль: она закручивала крошечные темно-серые вихри в раздробленной, кое-как сросшейся, с пятнами новообразований, кости. И все-таки Кэм молчал. И Патошек считал для себя невозможным, и даже неприемлемым, - кричать. Он не боялся напугать мальчика. Но он уважал чужой выбор, вот что.

Иногда он отворачивался от окна, и смотрел на коротко стриженный затылок водителя. Майкл, в отличие от них двоих, что-то говорил. Не все время, но довольно много: он пытался объяснить Кэму, куда они направляются, и почему, и зачем, — но в его словах ложь просто текла ручьем, словно растаявший по весне снеговик — и Патошек это тоже знал. Может, и Кэм знал. И даже сам Майкл.

Поэтому он сдался и включил радио.

Ехать с музыкой было еще приятнее, между прочим.

Ну, а потом пошел дождь. Не сильный, совсем не такой, как в Иллинойсе или Огайо.

Дождь закончился, и они подъехали к огромной автостоянке.

Майкл Скофилд вышел из машины, а Патошек и Кэм все смотрели на капли, бегущие по стеклу. На мокрый асфальт, становившийся черным. На пестрые картинки, в которые превращались отраженные водой вывески и таблички. На одной было написано: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАЛ ВЫЛЕТА.

Потом они услышали низкое, красивое гудение двигателей, и Патошек обрадовался.

На самолете он еще никогда не летал.

Имя: Cam\_Mahone  
Пароль: medadandmom  
12.17. 2008, 8:02 AM  
Friends online: none  
Friends:  
Pam\_M  
AlexMahone

Hello Cameron  
There are no private messages in your mailbox

Имя: Cam\_Mahone  
Пароль: medadandmom  
12.20. 2008, 7:13 AM  
Friends online: none  
Friends:  
Pam\_M  
AlexMahone

Hello Cameron  
There are no private messages in your mailbox

Имя: Cam\_Mahone  
Пароль: medadandmom  
12.25. 2008, 7:47 AM  
Friends online: none  
Friends:  
Pam\_M  
AlexMahone

Hello Cameron  
There are no private messages in your mailbox